

ВЕСЦІ НАЦЫЯНАЛЬнай АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАВУК. 2019. Том 64, № 4

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2019. Том 64, № 4

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18 мая 2009 г.

*Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований,
включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор

Александр Александрович Коваленя – академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия

- В. И. Бельский** – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
В. В. Гниломедов – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
А. И. Локотко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
М. С. Макрицкая – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь (*ведущий редактор журнала*)
Е. М. Бабосов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Г. А. Василевич – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
П. А. Водопьянов – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
В. В. Данилович – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
И. Л. Копылов – Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
А. Д. Король – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Г. П. Коршунов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. А. Лазаревич – Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. А. Лукашанец – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. В. Мясникович – Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь
П. Г. Никитенко – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Г. В. Пальчик – Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь
И. В. Саверченко – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Редакционный совет

А. Н. Булыко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. И. Васильев – Академиздатцентр Российской академии наук «Издательство «Наука», Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук, Центр исследований книжной культуры, Совет по книгоизданию Международной ассоциации академий наук, Москва, Россия
Герд Генцель – Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
С. Ю. Глазьев – советник Президента Российской Федерации, представитель Президента Российской Федерации при Национальном банковском совете, Москва, Россия
Е. К. Голаховска – Институт славистики Польской академии наук, Варшава, Польша
А. Е. Дайнеко – Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь
А. И. Жук – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь
В. И. Жук – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
С. П. Карпов – Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. В. Козин – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», Смоленск, Россия
Е. Миронович – Белостокский университет, Белосток, Польша
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук», Москва, Россия
П. П. Толочко – Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина
Чжан Юйянь – Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай
Янг Хюнг – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:

ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.

Серия гуманитарных наук. 2019. Том 64, № 4.

Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*
Компьютерная верстка *Ю. А. Агейчик*

Подписано в печать 14.10.2019. Выход в свет 28.10.2019. Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 16,4. Тираж 92 экз. Заказ 247.
Цена номера: индивидуальная подписка – 11,81 руб., ведомственная подписка – 28,27 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».
Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2019

PROCEEDINGS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES. 2019. Vol. 64, no. 4

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

*This journal is included in the List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research
in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)*

Editor-in-Chief

Aleksandr Aleksandrovich Kovalenya – Academic Secretary of the Department of Humanities
and Arts of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Board

Valery I. Belsky – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Vladimir V. Gnilomedov – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Aleksandr I. Lokotko – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House (*Lead Editor*)

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Grigory A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Vyacheslav V. Danilovich – Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Igor L. Kopylov – Yakub Kolas Institute of Linguistics Branch of the State Scientific Institution «The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus», Minsk, Belarus

Andrei D. Korol' – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Gennady P. Korshunov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Anatoly A. Lazarevich – Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Aleksandr A. Lukashanets – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Mikhail V. Myasnikovich – Council of the Republic of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Petr G. Nikitenko – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Gennady V. Palchik – Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Ivan V. Saverchenko – Yanka Kupala Institute of Literary Studies Branch of the State Scientific Institution «The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus», Minsk, Belarus

Editorial Council

- Aleksandr N. Bulyko** – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
- Vladimir I. Vasilyev** – Nauka Academic Publishing Center under the Russian Academy of Sciences «Publishing House «Nauka», Federal State Budgetary Institution of Science «Science and Publishing Center «Nauka» of the Russian Academy of Sciences, Center for Research in Book Culture, Book Publishing Council of the International Association of Academies of Sciences, Moscow, Russia
- Gerd Hentsthal** – Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany
- Sergey Yu. Glazeyev** – Advisor to the President of the Russian Federation, Representative of the President of the Russian Federation at the National Banking Council, Moscow, Russia
- Eva K. Golakhovska** – Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland
- Aleksey Ye. Daineko** – Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
- Aleksandr I. Zhuk** – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus
- Valery I. Zhuk** – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
- Vladimir A. Il'in** – Federal State Budget Institution of Science «Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Union of Sociologists of Russia, Vologda, Russia
- Sergey P. Karpov** – Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Moscow State University named after M. V. Lomonosov», Moscow, Russia
- Evgeny V. Kodin** – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Smolensk State University», Smolensk, Russia
- Evgeni Mironovich** – University of Bialystok, Bialystok, Poland
- Azimkhan A. Satybaldin** – Institute of Economics of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
- Andrei V. Smirnov** – Federal State Budgetary Institution of Science, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- Petr P. Tolochko** – Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
- Zhan Yuyan** – Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China
- Yang Xiong** – Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:

*1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: +375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
vestihum.belnauka.by*

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

Humanitarian Series, 2019. Vol. 64, no. 4.

Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *Yu. A. Aheichyk*

Signed to print on 14.10.2019. Published on 28.10.2019. Format 60×84¹/₈. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 14,88. Publisher's sheets 16,4. Circulation 92 copies. Order 247.
Number price: individual subscription – BYN 11.87, departmental subscription – BYN 28.27.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise “Publishing House “Belaruskaya Navuka”.
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.
Address: F. Scorina Str., 40, 220141, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE “Publishing House “Belaruskaya Navuka”,
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2019

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Адуло Т. И. Карл Маркс об отчуждении и путях общечеловеческой эмансипации.....	391
Фан Чжэнвэй. Буддийские заимствования в контексте традиционной физической культуры Китая.....	400
Скорая И. Г. Социодинамика пространственно-временной структуры свободного времени в сетевом обществе	407

ГІСТОРЫЯ

Лысенко П. Ф. Туровское княжество во время великого князя киевского Владимира Мономаха (1113–1125 гг.).....	418
Пілецкі В. А. Праблема свецкасці выхаваўча-адукацыйнага працэсу ў гісторыі і сучаснасці (на прыкладзе Беларусі і Францыі).....	432
Крывуць В. І. Спартыўная дзейнасць Стралецкага саюза ў Заходняй Беларусі (1920–1930-я гг.).....	443

МОВАЗНАЎСТВА

Никитевич А. В. Словообразовательная пара: теория и практика лексикографирования	450
Гапанович Е. А. Семья как коммуникативно-личностное пространство во французской и белорусской лингвокультурах	457

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Гулак Н. А. Дзейнасць савецкіх устаноў па вывучэнні фальклору Вялікай Айчыннай вайны (1941–1960 гг.).....	466
Демьяненко С. Н. Из истории театрального движения в Украине в 50-х гг. XX века.....	475

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Круглова В. В. Паэтычная парадыгма XIX стагоддзя і метрычны рэпертуар вершаваных твораў Янкі Лучыны.....	482
---	-----

ПРАВА

Денисевич А. В. Актуальные вопросы защиты национальных финансовых интересов.....	494
---	-----

ЭКАНОМІКА

Бельский В. И., Тригубович Л. Г. Мотивационная основа инновационной деятельности как источник интенсификации развития экономики	502
--	-----

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

Аляксандр Аляксандравіч Лукашанец (Да 65-годдзя з дня нараджэння)	510
--	-----

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

CONTENT

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Adoulo T. I. Karl Marx on alienation and the ways of universal emancipation.....	391
Fang Zhengwei. Buddhist borrowings in the context of traditional Chinese physical culture	400
Skoraya I. G. Sociodynamics of space-temporal structure of free time in the network society	407

HISTORY

Lysenko P. F. Turov Principality during the Grand Duke of Kiev Vladimir Monomakh (1113–1125).....	418
Piletsky V. A. Problem of secularity of the educational process in history and present (through the examples of Belarus and France).....	432
Kryvuts V. I. Sporting activities of the Shooting Union in Western Belarus (1920–1930s)	443

LINGUISTICS

Nikitevich A. V. Derivational pair: theory and practice of lexicography.....	450
Hapanovich Ya. A. Family as communicative and personal space in French and Belarusian cultural linguistic communities	457

HISTORY OF ARTS, ETHNOGRAPHY AND FOLKLORE

Hulak N. A. Scientific activities of soviet institutions in exploring folklore of the Great Patriotic War (1941–1960) ...	466
Demyanenko S. N. From the theatrical movement in the history of Ukraine in the 50s of the 20th century	475

LITERARY STUDIES

Kruglova O. V. Poetic paradigm of the XIX century poetry and metric repertoire verse by Yanka Luchina.....	482
---	-----

LAW

Dzenisevich A. V. Topical issues for protection of financial interests.....	494
--	-----

ECONOMICS

Belski V. I., Trigubovich L. G. Motivational basis of innovative activity as a source of intensification of innovative economic development	502
--	-----

SCIENTISTS OF BELARUS

Aleksandr Aleksandrovich Lukashanets (To the 65 th anniversary of birth).....	510
---	-----

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 141.821/822+304.9]:1
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-391-399>

Поступила в редакцию 19.06.2018
Received 19.06.2018

Т. И. Адуло

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

КАРЛ МАРКС ОБ ОТЧУЖДЕНИИ И ПУТЯХ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ

Аннотация. Рассмотрены характерные для капиталистического общества основные формы отчуждения, получившие теоретическое осмысление в трудах К. Маркса. Показано, что в качестве альтернативы негуманной и неразумной капиталистической действительности К. Маркс предложил коммунистический социальный проект, реализуемый путем социалистической революции и неограниченной власти рабочего класса в переходный период. Осуществленный К. Марксом анализ истоков и последствий различных форм отчуждения обретает актуальность в условиях реанимирования на постсоветском пространстве института частной собственности на средства производства.

Ключевые слова: Карл Маркс, капитализм, отчуждение, общечеловеческая эмансипация, гуманизм, социалистическая революция

Для цитирования. Адуло, Т. И. Карл Маркс об отчуждении и путях общечеловеческой эмансипации / Т. И. Адуло // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 4. – С. 391–399. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-391-399>

T. I. Adoulo

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

KARL MARX ON ALIENATION AND THE WAYS OF UNIVERSAL EMANCIPATION

Abstract. The main forms of alienation that are typical for the capitalist society with theoretical comprehension in Marx's writings are reviewed in the article. It is made clear that K. Marx offered a communist social project, which is implemented through the socialist revolution and unlimited power of working class during the transition period as an alternative to inhuman and unreasonable capitalistic reality. K. Marx's analysis of origins and consequences of various forms of alienation becomes relevant in the conditions of reanimation of the institute of private ownership of means of production in the post-Soviet space.

Keywords: Karl Marx, capitalism, alienation, universal emancipation, humanism, socialist revolution

For citation. Adoulo T. I. Karl Marx on alienation and the ways of universal emancipation. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 4, pp. 391–399 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-391-399>

Карл Маркс, 200-летие со дня рождения которого отмечалось в 2018 году, – историческая личность. Как бы кто к нему не относился, его фундаментальная теоретическая и не менее масштабная организационно-практическая деятельность и сегодня признается в мире. Немногим людям удалось повлиять на человеческую историю. Маркс это сделал.

К. Маркс – энциклопедист. Чаще о нем говорят как об ученом-экономисте, и даже в нашу эпоху, особенно в годы финансово-экономических кризисов, многие менеджеры обращают взор к его «Капиталу» – фундаментальному исследованию, в котором основательно раскрыта природа этого социального феномена. Наряду с этим Маркса считают крупнейшим философом XIX века, разработавшим материалистическую диалектику и создавшим формационную теорию исторического процесса. Наконец, Маркс – признанный политик, вставший на защиту рабочего класса, его организатор и руководитель, инициатор создания и активный деятель I Интернационала, объединившего пролетариат и его лидеров из различных стран.

Понятно, что столь крупная личность не может не вызывать интереса у исследователей. Однако изучение теоретического наследия К. Маркса не всегда велось беспристрастно и объективно. Так, например, нередко пытались противопоставить «молодого» К. Маркса как подлинного гуманиста К. Марксу «зрелому», якобы отказавшемуся от идей гуманизма. В тенденциозной оценке наследия К. Маркса особенно преуспели издатели журнала «Praxis», выходившего в Загребе во второй половине XX века. И в наши дни многие теоретики, выступающие как продолжатели идей К. Маркса, на самом деле весьма критически относятся к его основополагающим идеям – учению о классовой борьбе, социалистической революции и др. Достаточно сослаться на работы Э. Лакло, Ш. Муффа, К. Касториадиса и др. Вот, например, какую оценку учению К. Маркса дал К. Касториадис: «Одни, подобно Платону, говорят от имени бытия и *eidos*'а человека и полиса. Другие, подобно Марксу, говорят от имени законов истории и пролетариата... Но политик не может и предлагать, предпочитать, предполагать, ссылаясь на какую-то строгую «теорию». Не может он и выдавать себя за глашатая некоей несомненно истинной категории. Если строгой научной теории не существует даже в математике, то каким образом она может возникнуть в политике? И никто никогда не может стать подлинным глашатаем несомненно истинной категории» [1, с. 10]. Профессор кафедры политологии и международных отношений Вестминстерского университета в Великобритании Ш. Мэфф, ставя задачу «обдумать нынешнее возрождение коммунистической идеи в группе левых интеллектуалов» [2], пришла к следующему выводу: «Я убеждена, что сама идея «коммунизма» должна быть проблематизирована, потому что она устойчиво ассоциировалась с внеполитическим видением общества, в котором антагонизмы будут искоренены, а право, государственное управление и другие регулирующие институты останутся не у дел. Главный недостаток марксистского подхода, на мой взгляд, состоял в неспособности признать решающую роль политического» [2]. В этой связи представляется нужным восстановить истину – представить основные идеи учения К. Маркса в аутентичном виде.

Теоретиком и организатором рабочего класса и революционного движения огромных масс людей Карл Маркс стал не сразу. Потребовался некоторый, правда, не столь длительный эволюционный период мировоззренческой позиции мыслителя. Но уже содержание первых публикаций позволяет четко уловить направленность его научно-исследовательских интересов и практической деятельности: К. Маркс заявил о себе как об активном критике капитализма и человеке, страстно желающим избавить общество от различного рода негативов.

В одной из первых своих крупных работ «Экономическо-философские рукописи 1844 года», правда, так и оставшейся при жизни автора лишь рукописью, он выделил различные характерные для капитализма порабащивающие человека формы отчуждения. К ним отнесены: *отчуждение практической человеческой деятельности* – отчуждение рабочего от своего труда и продукта своего труда, в силу чего «труд становится противостоящей ему самостоятельной силой», а «жизнь, сообщенная им предмету, выступает против него как враждебная и чуждая»; отчуждение рабочего от чувственного внешнего мира, предметов природы и от себя, от собственной деятельности как чуждой, ему не принадлежащей «в самом *акте производства*, в самой *производительной деятельности*» («если продукт труда есть отчуждение, то и само производство должно быть деятельным отчуждением, отчуждением деятельности, деятельностью отчуждения»); отчуждение человека от своей родовой сущности и, как следствие, – отчуждение человека от человека и др. [3, с. 88–97]. Известный российский исследователь раннего периода творчества К. Маркса и Ф. Энгельса Т. И. Ойзерман отмечал: «Маркс называет отчуждением превращение *своего, человеческого* в нечто ему противоположное, чуждое, даже враждебное человеку, подавление человеческой самодеятельности собственной деятельностью человека, деятельностью не случайной, не произвольной, а жизненно необходимой» [4, с. 12].

Основной формой отчуждения, пронизывающей всю сферу социальности, К. Маркс считал отчуждение работника от результатов своего труда. Этого не видели или не желали видеть А. Смит и Д. Рикардо. «*Политическая экономия*, – отмечал К. Маркс, – *замалчивает отчуждение в самом существе труда тем, что она не подвергает рассмотрению непосредственное отношение между рабочим (трудом) и производимым им продуктом*» [3, с. 90].

Главной причиной отчуждения является частная собственность. При этом «частная собственность оказывается, с одной стороны, *продуктом* отчужденного труда, а с другой стороны, *средством* его отчуждения, *реализацией этого отчуждения*» [3, с. 97].

Работа К. Маркса «Экономическо-философские рукописи 1844 года» представляет собой одно из его ранних произведений, которое раскрывает «лабораторию» мыслительной деятельности ее автора в период выработки им базовых положений материалистического понимания исторического процесса и осмысления на базе имеющихся различных коммунистических проектов и социальной практики первой трети XIX века путей построения гуманного общества – такого общества, в котором не было бы характерных для капитализма различных форм отчуждения в виде его атрибутивных свойств, произрастающих на базе частной собственности на средства производства. Вот почему в центре внимания К. Маркса оказались проблемы собственности и отчуждения.

При этом К. Маркс не ограничивается лишь выявлением и выяснением сущности наличных форм отчуждения, характерных для капиталистического общества, а также причин их существования. Наряду с этим он разрабатывает конкретный механизм их преодоления и приходит к выводу о том, что снять наличные формы отчуждения, построить гуманное общество представляется возможным лишь в результате социалистической революции и ликвидации частной собственности на средства производства, т. е. путем упразднения экономической базы различных форм отчуждения. Главной движущей силой этой революции выступает пролетариат.

С учетом современных дискуссий особого внимания заслуживает вопрос, связанный с трактовкой пролетариата как социального класса. В проекте программы Союза коммунистов, подготовленном Ф. Энгельсом, ставшим, как известно, основой «Манифеста Коммунистической партии», содержится такое понимание пролетариата. «Пролетариатом, – указывал Ф. Энгельс, – называется тот общественный класс, который добывает средства к жизни исключительно путем продажи своего труда, а не живет за счет прибыли с какого-нибудь капитала, – класс, счастье и горе, жизнь и смерть, все существование которого зависит от спроса на труд, т. е. от смены хорошего и плохого состояния дел, от колебаний ничем не сдерживаемой конкуренции. Одним словом, пролетариат, или класс пролетариев, есть трудящийся класс XIX века» [5, с. 322].

Понятия «пролетариат», «класс пролетариев» и «рабочий класс» Ф. Энгельс считал тождественными. Возникновение пролетариата он связывал с промышленной революцией второй половины XVIII века. И хотя пролетариат, как и рабы или же крепостные крестьяне, является эксплуатируемым классом, тем не менее, по своему самосознанию он более развит по сравнению со своими предшественниками. Он способен завоевать политическую власть и вступить на путь построения общества, в котором исключается всякая эксплуатация. Такой же точки зрения придерживался и К. Маркс. Это не удивительно, поскольку классики марксизма сообща вырабатывали основы материалистического понимания человеческой истории и теоретически обосновывали путь построения гуманного общества, – такого общества, в котором была бы практически реализована идея общечеловеческой эмансипации, т. е. достигнута эмансипация всего общества. Эти фундаментальные разработки получили воплощение в «Святом семействе», «Немецкой идеологии», «Манифесте Коммунистической партии» и других написанных совместно трудах.

Как видим, переводя в практическую плоскость вопрос о преодолении различных форм отчуждения, К. Маркс в своих ранних работах использует понятие «эмансипация». В содержательном плане оно трактуется как освобождение какого-либо субъекта от довлеющих на него сил и обстоятельств. В качестве таких субъектов выступают как отдельный индивид («эмансипация немца»), так и классы («эмансипация буржуазии», «эмансипация пролетариата»), а также общество в целом («эмансипация народа», «общественная эмансипация», «общечеловеческая эмансипация»). К. Маркс органично привязывает проблему эмансипации к конкретным сферам общества (обосновывает идею «политической эмансипации»), нациям (рассуждает о «немецкой эмансипации»), континентам («европейская эмансипация»), даже к полу («эмансипация женщины»), разграничивает частичную и всеобщую эмансипации. В диалектической взаимосвязи им представлены теоретическая и практическая эмансипации. «Даже с исторической точки зрения, – указывал К. Маркс, – теоретическая эмансипация имеет специфически практическое значение

для Германии. Ведь *революционное* прошлое Германии теоретично, это – *реформация*. Как тогда революция началась в мозгу *монаха*, так теперь она начинается в мозгу *философа*» [6, с. 422]. В то же время акцентируется внимание на «практической эмансипации». Эмансипация того или иного субъекта не случится сама собой. Для ее реализации потребуются приложить серьезные усилия со стороны субъекта. К сожалению, отмечает К. Маркс, в Германии, «где практическая жизнь так же лишена духовного содержания, как духовная жизнь лишена связи с практикой, ни один класс гражданского общества до тех пор не чувствует ни потребности во всеобщей эмансипации, ни способности к ней, пока его к тому не принудят его *непосредственное* положение, *материальная* необходимость, его *собственные цепи*» [6 с. 427].

К выводу о решающей роли пролетариата в общечеловеческой эмансипации К. Маркс пришел не сразу. В труде «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании», выполненном совместно с Ф. Энгельсом, он уже, в противовес младегегельянцам, высказал мысль о том, что «*идеи* никогда не могут выводить за пределы старого мирового порядка: во всех случаях они могут выводить только за пределы идей старого мирового порядка. Идеи вообще *ничего* не могут *осуществить*. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу» [7, с. 132].

Идея социалистической революции как главная цель рабочего класса и главное средство, способное обеспечить ему победу над классом буржуазии и одержать политическую власть, зафиксирована в «Манифесте Коммунистической партии»: «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя» [8, с. 459].

Но, как считал К. Маркс, не менее важной задачей по сравнению с завоеванием политической власти является задача ее удержания рабочим классом. Для этого нужна на определенный срок его неограниченная власть, т. е. диктатура. Эта идея зафиксирована в «Манифесте Коммунистической партии», хотя сами термины «диктатура пролетариата» и «диктатура рабочего класса» впервые введены в оборот К. Марксом позже – в работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». Революционный социализм или коммунизм, отмечал он, «есть *объявление непрерывной революции, классовая диктатура* пролетариата как необходимая переходная ступень к *уничтожению классовых различий вообще*» [9, с. 91].

Правда, еще до этого, во второй статье под общим заглавием «Коммунисты и Карл Гейнцен», опубликованной в газете «Deutsche-Brusseler-Zeitung» 7 октября 1847 г., Ф. Энгельс употребил термин «политическое господство пролетариата». Он писал: «Необходимым следствием демократии во всех цивилизованных странах является политическое господство пролетариата, а политическое господство пролетариата есть первая предпосылка всех коммунистических мероприятий» [10, с. 276]. Понятие «политическое господство пролетариата» Ф. Энгельс использует и в проекте программы Союза коммунистов, подготовленном в конце октября – ноябре 1847 г. [5, с. 332].

В дальнейшем в других публикациях и документах К. Маркса и Ф. Энгельса встречаем понятие «диктатура пролетариев» [11, с. 551], «*революционная диктатура пролетариата*» [12, с. 27].

Путь эмансипации пролетариата долг и не прост. После завоевания власти рабочему классу необходимо последовательно решить целый комплекс проблем. К числу первоочередных и главнейших из них отнесены такие, как «ограничение частной собственности», «постепенная экспроприация земельных собственников, фабрикантов, владельцев железных дорог и судовладельцев», «конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков, восставших против большинства народа», «организация труда» и «одинаковая обязательность труда для всех членов общества, «централизация кредитной системы», «заккрытие всяких частных банков и банкирских контор», воспитание всех детей «в государственных учреждениях и за государственный счет. Соединение воспитания с фабричным трудом», «концентрация всего транспортного дела в руках нации» и др. [5, с. 332–333]. Именно масштабность и неординарность решаемых рабочим классом задач требуют усиления и концентрации его власти.

Идея социалистической революции и диктатуры пролетариата как формы политического устройства в переходный период от капитализма к социализму постоянно подвергалась жесткой

критике со стороны оппонентов марксистской теории. Например, Н. А. Бердяев считал, что «снизу идущие, исключительно классовые разрешения социального вопроса разрывают единство человеческого рода и разделяют его на две враждебные расы» [13, с. 219], а «все революции будили темную и злую стихию в человеке, древний хаос» [13, с. 19]. Главное же заключается в том, что «все революции кончались реакциями. Это – неотвратимо. Это – закон. И чем неистовее и яростнее бывали революции, тем сильнее бывали реакции» [13, с. 16].

Примерно такая же картина наблюдается и в наше время. Пожалуй, не отыскать ни одного современного «марксиста», который бы признавал и отстаивал выдвинутые К. Марксом фундаментальные положения теории социалистической революции. Аргументация чаще всего сводится к утверждению об отсутствии, якобы, в нашу эпоху рабочего класса и наемного труда, поскольку наемные работники тоже являются владельцами акций, т. е. собственниками предприятия, на котором они работают. Но больше всего критикуют К. Маркса за «негуманные» средства, предложенные им для построения гуманного общества.

Зададимся, между тем, вопросом: «Можно ли было в ту историческую эпоху предложить иные, не революционные способы эмансипации рабочих?». На этот вопрос в ранний период творчества К. Маркс отвечал: «Для уничтожения *идеи* частной собственности вполне достаточно *идеи* коммунизма. Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется *действительное* коммунистическое действие» [3, с. 136].

Несомненно, К. Маркс и Ф. Энгельс осознавали тот факт, что в результате социалистической революции неизбежны человеческие жертвы. Поэтому, считали они, желательно было бы мирным путем решить вопрос о передаче буржуазией власти рабочему классу. Но при этом они были убеждены в том, что буржуазия добровольно не откажется от своего господствующего положения и своих полномочий. На заданный вопрос: «Возможно ли уничтожение частной собственности мирным путем?» Ф. Энгельс отвечал: «Можно было бы пожелать, чтобы это было так, и коммунисты, конечно, были бы последними, кто стал бы против этого возражать. ...Но, вместе с тем, они видят, что развитие пролетариата почти во всех цивилизованных странах насильственно подавляется и что тем самым противники коммунистов из всех сил работают на революцию» [5, с. 331]. Такой же позиции придерживался впоследствии и В. И. Ленин. Он считал: «Смена буржуазного государства пролетарским невозможна без насильственной революции» [14, с. 22].

Нужно обратить внимание на то, что к решению вопроса о насильственном свержении властных институтов классики марксизма подходили ответственно, и в каждом отдельном случае решали его конкретно. Так, в своих последних работах 1895 г. Ф. Энгельс категорически возражал против вывода на улицу вооруженных рабочих, особенно в Германии. Учитывая сложившуюся ситуацию, расстановку классовых сил, он пришел к заключению о целесообразности более активного использования появившейся возможности парламентской деятельности. «Понятно ли теперь читателю, – отмечал Ф. Энгельс во введении к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», – почему господствующие классы хотят заманить нас непременно туда, где стреляет ружье и рубит сабля? Почему нас теперь упрекают в трусости за то, что мы не желаем немедленно без оглядки выходить на улицу, где, как мы наперед знаем, нас ожидает поражение?» [15, с. 543–544]. Ту же идею он отстаивал и в письме к Полю Лафаргу от 26 февраля 1895 г. Он указывал: «Несомненно лишь одно: для наших друзей начнется новая полоса преследований. Что касается нас, то наша политика должна заключаться в том, чтобы не дать спровоцировать себя в данный момент; мы дрались бы без всякой надежды на успех и истекли бы кровью, как парижане в 1871 г., тогда как через 2–3 года наши силы смогли бы удвоиться, как было во времена действия исключительного закона. Сейчас наша партия боролась бы в одиночестве против всех остальных, объединившихся вокруг правительства под знаменем общественного порядка; через 2–3 года на нашей стороне будут крестьяне и мелкие буржуа, разоренные налогами» [16, с. 341].

Это, однако, не означает того, что, как утверждают некоторые авторы, классики марксизма в конце своей жизни решительно изменили свою позицию и отказались от идеи социалистической революции. В том же 1895 г., незадолго до смерти, Ф. Энгельс писал: «...наши товарищи за

границей ни в коем случае не отказываются от своего права на революцию. Ведь право на революцию является единственным *действительно* «историческим правом» – единственным, на котором основаны все без исключения современные государства» [15, с. 545]. В своем письме к Полю Лафаргу от 3 апреля 1895 г. Ф. Энгельс сетовал на нехороший поступок, совершенный по отношению к нему Карлом Либкнехтом, сказавшим в процессе опубликования работы К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1840 по 1850 г.». содержание специально написанного им к данной работе введения. Он отмечал: «Либкнехт только что сыграл со мной недурную шутку. Из моего введения к статьям Маркса о Франции 1848–1850 гг. он взял все, что могло ему послужить для защиты мирной, во что бы то ни стало противонасиельственной тактики, которую ему с недавнего времени угодно проповедовать, особенно теперь, когда в Берлине готовятся исключительные законы. Но эту тактику я рекомендую лишь для Германии сегодняшнего дня, да и то со значительной оговоркой. Во Франции, Бельгии, Италии, Австрии этой тактики нельзя было бы придерживаться целиком, а для Германии она уже завтра может стать неприемлемой» [17, с. 378–379].

Неоднозначную оценку в философской литературе вызывает трактовка К. Марксом человека, представленная им в «Тезисах о Фейербахе». В процессе исследования раннего периода творческой деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса Т. И. Ойзерман сделал вывод о том, что в работе «Святое семейство» они «еще не размежевываются с антропологическим материализмом Фейербаха. Более того, они утверждают, что именно в философии Фейербаха «человек познан как сущность, как базис всей человеческой деятельности и всех человеческих отношений...» [4, с. 17]. Такая точка зрения на человека является ошибочной. Она «характеризует сущность человека как совокупность «природных» качеств, которые лишь модифицируются в ходе истории человечества [4, с. 18]. Но вскоре К. Маркс преодолевает узкий, ограниченный горизонт феербаховской трактовки человека. В «Тезисах о Фейербахе», написанных весной 1845 г., он отмечает, что у Фейербаха «человеческая сущность может рассматриваться только как «род», как внутренняя, немая всеобщность, связующая множество индивидов только *природными* узами» [18, с. 3]. Поэтому он вынужден «абстрагироваться от хода истории», «предположить абстрактного – изолированного – человеческого индивида» [18, с. 3].

В отличие от Фейербаха, К. Маркс рассматривает человека не как родовое существо, а как существо социальное, органично связанное с общественным процессом. Поэтому сущность человека не может сводиться к абстрактным, изолированно существующим индивидам, «в своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [18, с. 3].

На протяжении многих лет, и особенно в последние годы, эта трактовка человека подвергается критике. К. Маркса упрекают в том, что он, якобы, упрощенно понял человека, лишил его внутренней активности, сделал пассивным существом – не более как продуктом воздействия внешних сил. На самом деле К. Маркс не ставил перед собой задачу дать дефиницию человека и тем более дать полную картину его онто- и филогенеза. Отдельные из этих вопросов получили освещение впоследствии. В данном же конкретном случае К. Маркс лишь указал на ограниченность антропологии Фейербаха и поставил задачу исследования человека с принципиально иной позиции. В скором времени она была представлена в совместной работе «Немецкая идеология». Именно в этой фундаментальной работе К. Макс и Ф. Энгельс заложили основы нового мировоззрения – материалистического понимания человека и исторического процесса.

В целом уже в работах раннего периода К. Маркс раскрыл истоки, формы и сущность отчуждения в капиталистическом обществе, а также способы их преодоления. В каком же виде представлено им избавленное от различных форм отчуждения, т. е. эмансипированное общество?

В отличие от социалистов-утопистов, пытавшихся детально прописать «скелет» коммунистического общества, «разложить по полочкам» все его элементы, начиная с преобразованных в новых условиях характера труда, системы управления, распределения благ и заканчивая процессом образования и воспитания в социальных общностях идеального типа (общинах, фалангах и т. д.), К. Маркс не считал нужным это делать, понимая бесперспективность подобных абстрактных конструкций. Коммунистическая теория, считал он, не должна выступать в виде догмы, а тем более в виде «готовой схемы» на все эпохи. Он ратовал за ее творческое развитие. Пример

тому – его письмо к В. И. Засулич, в котором он отвечал на вопрос по поводу будущего России. Тем не менее в отдельных работах, а особенно в «Критике Готской программы», основные качественные характеристики будущего коммунистического общества им все же были представлены.

В частности, К. Маркс обратил внимание на неизбежность переходного периода от капитализма к коммунизму. Он выделил две ступени коммунистической формации – низшую и высшую. На низшей ступени, по его убеждению, еще сохраняются «родимые пятна» капитализма, следовательно, сохраняются и условия, порождающие различные формы отчуждения. Следовательно, на низшей фазе коммунизма еще не представляется возможным преодолеть все формы отчуждения, характерные для капитализма (правда, понятие «отчуждение» К. Маркс в этой работе не использует) [12, с. 19–20].

Современное мировое сообщество некоторые исследователи считают глобальным капитализмом. Что можно сказать в этом плане о выявленных когда-то К. Марксом формах отчуждения в нашу эпоху?

Думается, что главное из них так и осталось атрибутом современного капитализма. Речь идет об отчуждении результатов труда от работника. Полагаем, что эта форма отчуждения не была преодолена и в СССР, что и стало одной из объективных причин его застоя, а впоследствии и его краха. Об этом, правда, философы не писали. Более того, в 1940-е гг. они отрицали наличие в СССР даже социальных противоречий. Лишь начиная с середины 1940-х гг. эта тема стала предметом их серьезных исследований. Определенный вклад в ее разработку внесли белорусские философы В. И. Горбач, Ю. А. Харин и др. [19, с. 140–141]. Но философы по-прежнему отрицали наличие отчужденных форм социальности в советском обществе, как и наличие антагонистических противоречий, хотя, как известно, не разрешенные своевременно социальные противоречия неизбежно превращаются в антагонизмы со всеми вытекающими последствиями.

И хотя официально считалось, что в социалистическом обществе отчужденные формы социальности не имеют места, тем не менее, были созданы научно-исследовательские институты, которые непосредственно занимались проблемами труда, т. е. решали вопросы, связанные с разработкой механизмов повышения мотивации труда и его производительности. Были предложены и задействованы разнообразные материальные и моральные стимулы мотивации трудовой деятельности. Это делалось для того, чтобы работник относился к продукту своего труда не как к чуждому, а как к собственному продукту. Схожая картина наблюдалась и на Западе. Там тоже активно работали над тем, чтобы факт отчуждения работника от результатов своего труда не только не сказывался негативно на качестве и эффективности труда, но и не стал революционизирующим фактором, не привел наемных работников к неповиновению, а общество – к социальному взрыву.

Нельзя не сказать и о том, что в СССР наблюдался негативный процесс формирования бюрократизма – постепенного отчуждения государственного аппарата от граждан. Но ведь еще К. Маркс, исходя из опыта Парижской Коммуны, а впоследствии В. И. Ленин предложили ряд конкретных мер с целью предотвращения такого явления. В работе «Государство и революция» В. И. Ленин отмечал: «Полная выборность, сменяемость *в любое время* всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной «заработной плате рабочего», эти простые и «само собою понятные» демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму» [14, с. 44].

В заключение отметим следующее. Идеи К. Маркса об отчужденных формах социальности и путях их преодоления не потеряли во многом своей актуальности и в нашу историческую эпоху. Главная задача, которую предстоит решить мировому сообществу, – максимально снизить уровень конфронтации. Нужно преодолеть характерный для XX столетия, да и для предшествующих ему столетий, дух жесткого соперничества этносов, наций, государств, регионов, искоренить дух алчности и наживы, неизбежно порождавших социальную конфронтацию и жестокие войны. Для этого учеными и политиками предлагаются различные социальные модели, начиная от модифицированной применительно к нашей эпохе марксовской теории коммунистического общества, исключаящей, правда, социалистическую революцию, и заканчивая ноосферной моделью В. И. Вернадского.

Анализ предложенных социальных проектов и, в особенности, их сопоставление с социальной практикой, позволяют сделать вывод о том, что на данный момент человечество не выработало выверенной и апробированной теоретической модели «устойчивого» общественного развития – той модели, которая учитывала бы интересы всех субъектов исторического процесса и способна была бы стать теоретической программой практических действий, программой построения общества, отвечающего критериям «социальной гармонии».

Большинство современных политиков и теоретиков критически относятся к предложенной еще в XIX веке К. Марксом теории построения гуманистического общества в виде коммунистической формации по причине того, что для реализации этого проекта приходится применять насилие в виде социалистической революции и диктатуры пролетариата. Хотя, с другой стороны, разразившиеся на мировом пространстве в начале XXI века так называемые «цветные революции», реализуемые с целью устранения «тоталитарных» политических режимов и «утверждения демократии», оказались тоже кровавыми, чем-то напоминающими совершенные в свое время социалистические революции.

Безусловно, большинство современных проектов бесконфликтного общественного развития выстраиваются, как правило, на демократической платформе – соблюдении принципов свободы, прав человека и т. п. ценностей. В этом плане, с формальной точки зрения, они могут быть признаны гуманными. Проблема возникает в процессе их практической реализации. Оказывается, что реализовать их не всегда можно мирным способом, чаще всего они воплощаются в жизнь с помощью силы. Как и раньше, теория и социальная практика идут врозь. Для проведения в жизнь даже самых гуманных, самых демократичных проектов чрезмерно часто применяется сила, и именно с помощью силы «убеждают» не согласных с уставными требованиями самых что ни на есть гуманных проектов. И здесь возникает целый ряд вопросов, самый главный из которых обретает такую формулировку: как добиться того, чтобы исторический прогресс, выражаясь словами К. Маркса, перестал «уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепа убитого» [20, с. 230].

Список использованных источников

1. Касториадис, К. Воображаемое установление общества / К. Касториадис ; пер. с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. – М. : Логос : ГНОЗИС, 2003. – 480 с.
2. Муфф, Ш. Радикальная демократия и агонистическая политика [Электронный ресурс] / Ш. Муфф // Гефтер : интернет-журнал. – 2013. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/10569>. – Дата доступа: 06.04.2018.
3. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1974. – Т. 42. – С. 41–174.
4. Ойзерман, Т. И. Формирование философии марксизма / Т. И. Ойзерман. – 2-е изд., дораб. – М. : Мысль, 1974. – 572 с.
5. Энгельс, Ф. Принципы коммунизма / Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1955. – Т. 4 – С. 322–339.
6. Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1955. – Т. 1 – С. 414–429.
7. Маркс, К. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1955. – Т. 2. – С. 3–230.
8. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1955. – Т. 4. – С. 419–459.
9. Маркс, К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1956. – Т. 7. – С. 5–110.
10. Энгельс, Ф. Коммунисты и Карл Гейнцен. Статья вторая / Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1955. – Т. 4. – С. 276–285.
11. Всемирное общество коммунистов-революционеров // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1956. – Т. 7. – С. 551–552.
12. Маркс, К. Критика Готской программы / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1961. – Т. 19. – С. 9–32.
13. Бердяев, Н. Философия неравенства / Н. Бердяев. – М. : АСТ : Хранитель, 2006. – 349 с.
14. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Изд. 5-е. – М. : Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 33 : Государство и революция. – 433 с.
15. Энгельс, Ф. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» / Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1962. – Т. 22. – С. 529–548.

16. Энгельс, Ф. Полю Лафаргу, 26 февраля 1895 года / Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1966. – Т. 39. – С. 340–343.
17. Энгельс, Ф. Полю Лафаргу, 3 апреля 1895 года / Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1966. – Т. 39. – С. 374–379.
18. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1955. – Т. 3. – С. 1–4.
19. Адуло, Т. И. Проблемы диалектики в белорусской философии / Т. И. Адуло // Философские исследования : сб. науч. тр. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск, 2017. – Вып. 4. – С. 134–150.
20. Маркс, К. Будущие результаты британского владычества в Индии / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1957. – Т. 9. – С. 224–230.

References

1. Castoriadis, C. *L'institution imaginaire de la société* [The imaginary institution of society]. Paris, Éditions du seuil, 1975. 538 p. (in French).
2. Mouffe C. Radical democracy and agonistic politics. The recipe for hegemony for any authority. *Gefter*. Available at: <http://gefter.ru/archive/10569> (accessed 04.06.2018) (in Russian).
3. Marx K. The Economic and philosophical manuscripts of 1844. *Sochineniya. T. 42* [Works. Vol. 42]. 2nd ed. Moscow, 1974, pp. 41–174 (in Russian)
4. Oizerman T. I. *Making of the marxist philosophy*. 2nd ed. Moscow, Mysl' Publ., 1974. 572 p. (in Russian).
5. Engels F. The Principles of communism. *Sochineniya. T. 4* [Works. Vol. 4]. 2nd ed. Moscow, 1955, pp. 322–339 (in Russian).
6. Marx K. Critique of hegel's philosophy of right. Introduction. *Sochineniya. T. 1* [Works. Vol. 1]. 2nd ed. Moscow, 1955, pp. 414–429 (in Russian).
7. Marx K. The Holy family. *Sochineniya. T. 2* [Works. Vol. 2]. 2nd ed. Moscow, 1955, pp. 3–230 (in Russian).
8. Marx K. The communist manifesto. *Sochineniya. T. 4* [Works. Vol. 4]. 2nd ed. Moscow, 1955, pp. 419–459 (in Russian).
9. Marx K. The Class struggle in France, 1848 to 1850. *Sochineniya. T. 7* [Works. Vol. 7]. 2nd ed. Moscow, 1956, pp. 5–110 (in Russian).
10. Engels F. The Communists and Karl Heinzen. Article two. *Sochineniya. T. 4* [Works. Vol. 4]. 2nd ed. Moscow, 1955, pp. 276–285 (in Russian).
11. The World society of communists-revolutionaries. *Sochineniya. T. 7* [Works Marx K., Engels F. Vol. 7]. 2nd ed. Moscow, 1956, pp. 551–552 (in Russian).
12. Marx K. The critique of the Gotha program. *Sochineniya. T. 19* [Works. Vol. 19]. 2nd ed. Moscow, 1961, pp. 9–32 (in Russian).
13. Berdyaev N. *The Philosophy of inequality*. Moscow, AST, Khramitel' Publ., 2006. 349 p. (in Russian).
14. Lenin V. I. *Complete works. Vol. 33. The State and revolution*. 5nd ed. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1974. 433 p. (in Russian).
15. Engels F. The Introduction to the work of K. Marx “The Class Struggle in France, 1848 to 1850”. *Sochineniya. T. 19* [Works. Vol. 22]. 2nd ed. Moscow, 1962, pp. 529–548 (in Russian).
16. Engels F. Paul Lafargue, February 26, 1895. *Sochineniya. T. 39* [Work. Vol. 39]. 2nd ed. Moscow, 1966, pp. 340–343 (in Russian).
17. Engels F. Paul Lafargue, April 3, 1895. *Sochineniya. T. 39* [Works. Vol. 39]. 2nd ed. Moscow, 1966, pp. 374–379 (in Russian).
18. Marx K. Theses on feuerbach. *Sochineniya. T. 3* [Works. Vol. 3]. 2nd ed. Moscow, 1955, pp. 1–4 (in Russian).
19. Adulo T. I. Problems of dialectics in Belarusian philosophy. *Filosofskie issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov* [Philosophical studies: collection of scientific papers]. Minsk, 2017, iss. 4. pp. 134–150 (in Russian).
20. Marx K. The future results of British rule in India. *Sochineniya. T. 9* [Works. Vol. 9]. 2nd ed. Moscow, 1957, pp. 224–230 (in Russian).

Інфармацыя аб аўтары

Адуло Тадеуш Івановіч – доктар філасофскіх навук, прафесар, заведуючы Цэнтрам сацыяльна-філасофскіх і антропалагічных даследаванняў. Інстытут філасофіі, Нацыянальная акадэмія навук Беларусі (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Мінск, Рэспубліка Беларусь). E-mail: tadoul@mail.ru

Information about the author

Tadeouch I. Adoulo – D. Sc. (Philos.), Professor, Head of the Center of Social-Philosophical and Anthropological Research, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). Email: tadoul@mail.ru.

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 297.17(091)

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-400-406>

Поступила в редакцию 21.08.2019

Received 21.08.2019

Фан Чжэнвэй

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

БУДДИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ

Аннотация. В современной научной литературе можно часто встретить мнение, что китайская культура гомогенна и автохтонна, в то время как буддийские заимствования в традиционной физической культуре Китая свидетельствуют об обратном. В этом контексте анализ таких заимствований проливает свет на сущность китайской традиционной культуры, богатство ее форм и многообразие смыслов.

Ключевые слова: древнекитайская традиционная культура, китайская философия, буддизм, даосизм, конфуцианство, традиционная и физическая культура Китая

Для цитирования. Чжэнвэй, Фан. Буддийские заимствования в контексте традиционной физической культуры Китая / Фан Чжэнвэй // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2019. – Т. 64, № 4. – С. 400–406. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-400-406>

Fang Zhengwei

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

BUDDHIST BORROWINGS IN THE CONTEXT OF TRADITIONAL CHINESE PHYSICAL CULTURE

Abstract. In modern scientific literature there is a popular opinion that the Chinese culture is homogeneous and autochthonous while Buddhist borrowings in traditional physical culture of China proved the opposite view. In this context, the analysis of such borrowings sheds light on the essence of Chinese traditional culture, the richness of its forms and the variety of meanings.

Keywords: ancient Chinese traditional culture, Chinese philosophy, Buddhism, Taoism, Confucianism, traditional and physical culture of China

For citation. Fang Zhengwei. Buddhist borrowings in the context of traditional Chinese physical culture. *Vestsi Natsyonal'noi akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 4, pp. 400–406 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-400-406>

Введение. В настоящее время в научной литературе часто можно встретить суждение о монолитности и автохтонности китайской традиционной культуры. Между тем это не совсем так, особенно в свете буддийского влияния. Опыт буддизма – это наглядная демонстрация того, как пришлая культура успешно проникла на территорию Китая, была адаптирована, переработана и вписана в канон. Особенно четко эти тенденции можно проследить на примере традиционной физической культуры Китая, что также проливает свет на содержание философских заимствований в тот период.

Социально-политический контекст проникновения буддизма в Китай. Уже к I в. н. э. китайцы вели активную торговлю на всей протяженности Шелкового пути, который охватывал в том числе такие регионы, как Средняя Азия и Индия. В этой связи естественно, что наряду с иноземными товарами в Китай проникали чужие религии и социальные инновации. Эти процессы происходили в силу интенсивной торговли, которая предполагала проживание большого числа иностранцев на территории Китая. Именно иностранцы вступали не только в товарно-денежные отношения с местным населением, но и осуществляли более глубокий интеллектуально-культурный обмен. Особенно активно эти процессы протекали в западных регионах Китая, в основном в среде торговцев, рядовых воинов и низших сословий [1].

В это время буддизм постепенно проникает в Китай преимущественно в своей северной форме Махаяны, однако его укрепление и развитие там остается важной философской проблемой в силу сложности и длительности процесса. Потребовались многие века усилий поколений китайских

проповедников и переводчиков текстов, чтобы выработать и ввести в обиход местные эквиваленты индийских понятий и терминов. Все это сопровождалось сакрализацией и мифологизацией происходящего, когда исторические фигуры и события вплетались в религиозный канон, образуя сверхъестественную основу уже китайского буддизма.

Буддийская мифология на китайской почве образовывалась путем сакрализации событий и героев прошлого, тем самым создавая необходимый интеллектуальный пласт для становления китайской традиционной философии. Именно буддийская мифология оказала сильное влияние на становление средневековой китайской натурфилософии [2], ввела в обиход представления об интуитивном толчке или внезапном озарении [3], обеспечила расцвет классической китайской живописи, где изображение гор символизировало Великую пустоту природы [4].

Этим временем датируется появление двух широко известных мифов, связанных с проникновением буддизма в Китай. Первый – так называемый миф «мечта императора». Это история о древнекитайском императоре Лю Чжуане, который во сне увидел огромного бога, над головой которого сияли солнце и луна. Утром император рассказал своим придворным о сне и один из министров высказал догадку, что, согласно описанию, это, вероятно, облик Будды, божества, широко известного на Шелковом пути. Император отправил посланников на Шелковый путь в надежде получить образ и учение Будды, и те в Центральной Азии встретили двух буддийских проповедников, которые собирались направиться в Китай. Посланники немедленно сообщили об этом императору, который радушно принял проповедников, а позже, по их совету, воздвиг первый буддийский храм, Байма, а также перевел буддийские тексты и опубликовал первые буддийские книги в Китае [5].

Второй миф – это так называемая «Гао Вэйчуань» (Запись о делах буддийских миссионеров). Этот сюжет является продолжением предыдущей истории. В то время как два буддийских проповедника начали свою деятельность в Китае, китайская культура и религия были им враждебны. Окружение императора и его чиновники являлись представителями либо конфуцианской школы, либо придерживались идей Лао-Цзы и Чжуанцзы. Они часто критиковали буддизм, подвергая сомнению его практическую значимость. Один из наиболее острых вопросов того времени: «Реальна ли мудрость Будды?».

На этот вопрос и отвечает второй миф, когда седьмой император династии Хань, Лю Че (156 г. до н. э. – 87 г. до н. э.), в ходе строительства пруда обнаружил некое черное вещество, впоследствии идентифицированное как уголь. Между тем на тот момент никто из окружения императора не мог с точностью сказать, что это за вещество. В свою очередь, во время проникновения буддизма в Китай при 14-м императоре династии Хань Лю Чжуане (28 г. н. э. – 75 г. н. э.) вопрос об угле возник вновь и был задан прибывшим с запада миссионерам. Те ответили, что черное вещество появлялось в результате древних пожаров, и в этой связи способно отлично гореть. Император экспериментально проверил высказанную гипотезу, а когда она подтвердилась, уверовал и в буддизм [6].

Содержание этих двух мифов наглядно показывает, что, с одной стороны, буддизм проникал через покровительство верховной власти, т. е. Императора, с другой – ощущал сопротивление локальных элит, сформированных на местном культурном фундаменте. Совершенно иная ситуация была среди низших слоев населения, которые впоследствии и стали социальной базой распространения буддизма в Китае.

Динамичное распространение буддизма в Китае пришлось на эпоху Вэй Цзинь [7] – это один из наиболее кровопролитных периодов истории страны, когда за 103 года правления Восточной династии Цзинь произошли 272 крупных войны, а за 159 лет правления Северной и Южной династий – 178 войн соответственно [8]. Естественно, что в обществе развился страх перед войной, в то время как традиционная китайская религия не имела возможности надлежащим образом отреагировать на вызов времени.

В этих условиях буддизм оказался весьма востребованным, поскольку буддийское учение и ритуалы отсылали к внутреннему опыту или той среде, которую человек имел возможность контролировать. Все это выгодно отличалось от внешней, исключительно нестабильной обстановки, в которой приходилось существовать китайцам того периода. Такое состояние дел отлично пере-

дает известная в Китае буддийская эпитафия: «После его смерти не испытывай страданий, тут нет проблем, нет рождений в воюющей стране, нет рождений на границе страны, нет жестоких монархов, нет бедности, нет смирения, вы можете выучить буддийское учение, стать воплощением знаний, следовать своему внутреннему выбору, быть добрым человеком и познакомиться с хорошими людьми» [9]. Здесь метафора глубины отсылала к базовому пониманию буддизмом структуры знания как вечно пребывающего в обществе, а его изучение – это воспоминание [10]. Соответственно, знания извечно существуют в скрытом состоянии, и роль учителя заключается в том, чтобы касаться, подсказывать и пробуждать их.

Когда основой распространения буддийского учения стали низшие слои населения, требовался доступный методологический аппарат, посредством которого сложное мировоззрение могло быть распространено в среде необразованного народа. Одной из наиболее популярных школ в Китае того времени была школа дхьяны, учение которой было основано на психофизических практиках: физические упражнения, медитации, молитвы – все использовалось в качестве своеобразной психотехники. Именно физические практики оказались тем языком практического общения, который был доступен и образованным проповедникам, и воспринимающему их учение бедствующему народу. Обучение осуществлялось через систематические тренировки простых способов контролировать свою физическую и психическую энергию и направлять её в нужное русло: школа учила отрешаться от внешнего мира, погружаться в себя. Все это способствовало быстрому распространению буддизма в окрестностях древней столицы Китая г. Лояна и далее по стране [11].

Фокус буддизма на аппарате психофизических практик привел к возникновению многочисленных эзотерических сект, которые впоследствии были объединены в традицию «чань-буддизма». Название «чань» произошло от санскритского «дхьяна» (сосредоточение, медитация). Тем не менее эта традиция считается наиболее близкой китайскому духу, поскольку, по мнению ряда исследователей, особое влияние на ее формирование оказал даосизм [12].

Легендарным основателем чань-буддизма считается Бодхидхарма (ок. 440–528 или 536 г.), который, как и Будда, постиг истину через медитацию. Между тем на юге и севере Китая чань-буддизм проявлял себя по-разному. На юге монастыри, следуя индийской традиции, оставались независимыми от государства, в то время как на Севере, наоборот, под влиянием варварских народов буддизм превратился в одну из опор государственной вертикали власти. Именно на севере появились специальные ведомства, которые осуществляли управление монастырями, а правители объявлялись воплощениями Будды.

В этой связи можно заключить, что чань-буддизм, несмотря на всю свою мистику, оставался элементом рационального мироустройства китайцев. Эта социальная направленность, на первый взгляд глубоко погруженного в эзотику чань-буддизма, видна на примере особого отношения к «нирване», которую тут называли «туманной». В силу негативных последствий для управляемости государства, собираемости налогов и т. д., чань-буддизм призывал не особо погружаться в проблематику «нирваны», поскольку в ней не скрывается какого-либо «заманчивого будущего». Между тем для буддизма будущее, как параметр данной конкретной жизни в данной конкретной реинкарнации, не имело принципиального значения, в то время как нирвана, наоборот, выступала конечным ориентиром логики любых действий верующего.

Сравнение физических практик традиционной культуры Китая и буддизма. Как уже было отмечено, до проникновения буддизма в Китай здесь доминировали философские концепции Чжуанцзы и Конфуция. В соответствии с духом этих школ физические практики интерпретировались сугубо в прикладном ключе, как элемент тренировки для последующего достижения конкретных материальных выгод (как например, в охоте, войне или самообороне). Буддизм же интерпретировал физические практики в ином ключе, придавая им сверхъестественное, во многом изотерическое значение.

В традиционных китайских философских системах Лао-Цзы и Чжуанцзы человек воспринимался неотъемлемой частью природы. В этой связи люди должны были существовать в соответствии с природными принципами, а их социальная жизнь должна быть продолжением естественных законов. Следовательно, физические упражнения воспринимались в контексте законов природы, как необходимое условие протекания любых природных процессов.

Лао-Цзы полагал, что: «Человеку образец – Земля. Земле образец – Небо. Небу образец – Путь. А Пути образец то, что есть само по себе» [13]. В этом смысле человеческая культура основывается на подражании, конечным источником которого является естественная сущность вещей и протекающих в природе процессов. Качества самих людей тоже имели соответствующие образцы в природе. Следовательно, чтобы достичь совершенства, человек должен был возвращаться к этим первоначальным образцам, приходить к тем поведенческим практикам, которые изначально родились в лоне природы и не были испорчены искусственными элементами: социальными ошибками, фантазиями, заблуждениями. В этом контексте природа воспринималась Лао-Цзы и Чжауанцзы, как «облако в небе» или мир эйдосов, первичный локус примеров и образцов. Физические упражнения в этом свете – это отклик на природное состояние, характеризующееся не статикой, но движением. Под влиянием такого мышления китайцы изобрели «ВуЦиньСи» (древняя гимнастика), где большое значение имело подражание позам животных [14].

Конфуцианство, в целом, имело схожие представления о физических практиках, однако большее внимание уделяло семейной этике и социально-политической проблематике. В этой связи, естественно, что основные усилия конфуцианства были направлены на создание правил как социальной жизни, так и проведения физических упражнений.

С точки зрения конфуцианства, физические практики интерпретировались как один из видов человеческой деятельности. Словно как в повседневной жизни человек может исполнять разные социальные роли и, соответственно, иметь разную социальную ответственность (например, царь – лидер, правящий страной, в семье он отец, который ответственен за воспитание лишь собственных детей), так и физическая культура может являться одной из естественных форм физической активности человека. При этом важно находить гармоничный баланс между различными социальными идентичностями: управляя страной, царь может править как отец, а в семье отец может обладать властью царя. Физические практики являются прямым продолжением такого понимания, где в состязании к соперникам относятся как к братьям, а к судьям как к отцам. В философском мышлении Конфуция спорт считается важной частью общественной деятельности, где проявляются и изучаются социальные обязанности людей. Вместе с тем Конфуций также признавал, что физическая культура является частью военной подготовки [15].

В основе буддийского понимания физической культуры лежала буддийская изотерическая классика, заключенная в легендах и мифах. Согласно записям буддийских монахов, Будда перед просветлением провел сотни древнеиндийских физических практик, которые в религиозной литературе именуются «болезненными методами» [16]. Эти практики основаны на медитации, отказе от еды и питья, продолжительном сохранении статических поз, подвешивании тела на дереве и т. д. Практикующие буддисты полагали, что при использовании некоторых из данных методов, когда боль одновременно пронизывает человека в разных местах, открывается возможность испытать Сатори, или в китайской интерпретации – «дзен», когда происходит интимное постижение истинной природы человека, посредством достижения психического «состояния одной мысли» [17]. В этом смысле буддизм по-новому изобрел физическую культуру, полагая, что посредством физических практик можно влиять на психическое состояние человека, т. е. изматывающими тренировками и медитацией формировать в сознании человека такое состояние, которое могло быть распознано как Сатори.

В этом свете физические упражнения – это не столько тренировка тела, сколько тренировка ума или психофизическая практика. Посредством физических упражнений человек улучшает собственные познавательные способности, открывает новые знания, проникает в истинную сущность вещей и явлений. Такое новое понимание физической культуры оказало большое влияние на китайское общество, которое открыло для себя возможность доступными методами достигать того, что требовало многолетнего обучения и серьезных интеллектуальных усилий. Под влиянием буддизма в Китае произошло переосмысление самой сущности физической культуры: появились новые и изменились старые физические практики, что самым непосредственным образом способствовало интеграции буддийской философии в тело традиционной китайской философии и культуры.

Буддийские влияния на традиционные китайские практики физической культуры. С проникновением буддийской философии в тело традиционной культуры Китая существенно изменяется локальная интерпретация физической культуры, целей и контекста проведения физических упражнений.

Во-первых, изменяется цель упражнений. Раньше физические упражнения практиковались в целях постижения мира природы или освоения ролей и обязанностей в рамках социальных групп. Мотивация подогревалась естественным соревновательным началом, элементом состязательности. В этой связи такие соревнования в древнекитайском обществе, как правило, проводились во время фестивалей (религиозных праздников, приуроченных к тем или иным событиям сельскохозяйственного календаря), где демонстрировался не только соревновательный дух, но и ритуальный этикет. Еще одним важным направлением было военное ремесло, где физические упражнения также имели важное прикладное значение, как механизм снятия внутригрупповой конфронтации и подготовки к военным действиям [18].

В процессе проникновения буддизма в древнекитайскую культуру происходит переосмысление целей физических упражнений. Если раньше целью соревнований являлось достижение физического превосходства над соперником, то в условиях фокуса на внутреннем совершенствовании мотивирующая роль соревнования с неизбежностью отходила на другой план. В этом контексте изменилось само понимание категории здоровья, а также роль процесса старения в нем. С точки зрения буддизма, физические упражнения – это инструмент воздействия на внутренний мир человека, соответственно, именно этот мир, а не сиюминутная состязательность является главной целью проведения тренировок. Все это повысило в китайском обществе популярность медитации, походов, психофизических упражнений, особых диет и т. д. [19].

Во-вторых, изменилось понимание сущности проведения упражнений. Если до прихода буддизма при проведении физических упражнений, как правило, использовался спортивный инвентарь, главенствовали спортивные правила, физическая активность проводилась на специально отведенных для нее площадках, то в свете буддийского влияния происходит концентрация практики исключительно на собственном теле. Распространяются различные дыхательные системы, создаются новые виды гимнастики, впоследствии эволюционировавшие в традиционные системы «цигун».

Цигун – наглядный пример интеграции буддийской философии в лоно традиционной китайской культуры – это комплексы дыхательных упражнений, возникших на основе наработок даосской алхимии с последующим использованием буддийских психофизических практик, выполняемых с оздоровительными и терапевтическими целями [20]. Цигун – это форма и религиозного ритуала, и лечебной практики. Это буддийское заимствование (интенция с помощью физических упражнений регулировать внутреннее состояние человека) впоследствии оказало влияние на конфуцианское мировоззрение, в соответствии с которым физические упражнения улучшают как работу функций тела, так и совершенствуют его внутренний мир, создавая гармонию тела и духа. При этом телесная гармония формируется не только внутри конкретного индивида, но и в обществе в целом [21].

Выводы. Таким образом, можно заключить, что буддизм оказал непосредственное влияние на формирование традиционной культуры Китая. В функциональном отношении буддизм позволил адаптироваться китайскому обществу к условиям социальной и политической нестабильности. В интеллектуальном аспекте именно буддизм посредством физических практик позволил внедрить социально-культурные инновации в народные массы. В этом свете физическая культура стала одним из важных элементов традиционной культуры Китая, оказавших влияние на организацию как личной жизни человека, так и социальной жизни общества. В конечном итоге, описанное заимствование позволило обогатить традиционную культуру Китая, существенно изменив ее в сравнении с первоначальным состоянием.

Благодарности. Исследование выполнено на базе Центра исследований глобализации, интеграции и социокультурного сотрудничества Института философии НАН Беларуси.

Acknowledgement. The work was implemented at the Center of Globalization, Integration, sociocultural Cooperation at Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus.

Список использованных источников

1. Ма Цзин. Анализ развития и вклада древнего шелкового пути / Ма Цзин // Предмет взаимодействия. – 2018. – № 9. – С. 98–99. (на кит. яз.)
2. Фан Литянь. Буддийская философия / Фан Литянь. – Пекин : Китайский народный Издательский дом, 2006. – 237 с. (на кит. яз.)
3. Чжан Ликсия. Влияние дзен на китайскую культуру / Чжан Ликсия // Таншанская литература. – 2017. – № 8. – 61 с. (на кит. яз.)
4. У Яньшэн. Дзенская философия символ / У Яньшэн // Исследования частного образования. – 2005. – № 3. – С. 65–70. (на кит. яз.)
5. Фан Йе. Хоуханьшу / Фан Йе, Ли Сянь. – Пекин : Изд-во Чжунхуа; Книжная компания, 2000. – 17 с. (на кит. яз.)
6. Ши Хуэйцзяо. Гаоснехзуань / Ши Хуэйцзяо, Ян Юнтун. – Пекин : Изд-во Чжунхуа; Книжная компания, 1992. – 7 с. (на кит. яз.)
7. Ван Чжунлуо. Вэй Цзинь в Южную и Северную династии / Ван Чжунлуо. – Пекин : Изд-во Чжунхуа; Книжная компания, 2007. – 845 с. (на кит. яз.)
8. Китайская группа по написанию военной истории. Военная история Китая – Вэй Цзинь в Южную и Северную династии / Китайская группа по написанию военной истории. – Пекин : Народно-освободительная армия прессы, 1985. – 364 с. (на кит. яз.)
9. Ванг Су. Хроника дунхуанских документов / Ванг Су, Ли Фанг. – Тайбэй : СиньВэньфэн издательской компании, 1997. – 189 с. (на кит. яз.)
10. Сун Джадянь. Краткое объяснение теории прототипов Юнга / Сун Джадянь // Журнал Сельскохозяйственно-го университета Внутренней Монголии, 2005. – № 4. – С. 191–193. (на кит. яз.)
11. Ду Ю. Тонг точка / Ду Ю. – Пекин : Книжная компания прессы, 1988. – 146 с. (на кит. яз.)
12. Цзя Фэнвэй. О периоде и причинах интеграции китайского ушу и даосизма буддизма / Цзя Фэнвэй, Цюй Го-фэн // Руководство по спортивной культуре. – 2001. – № 4. – С. 120–123. (на кит. яз.)
13. Лао-цзы. Книга о Пути жизни (Дао-Дэ цзин) : с коммент. и объяснениями / Лао-цзы ; пер. с кит., сост., предисл., коммент. В. Малявина. – М. : АСТ, 2017. – 252 с.
14. Пан Джунлинг. О влиянии традиционной китайской философии на традиционные виды спорта в Китае / Пан Джунлинг // Уханьский профессиональный колледж транспорта. – 2006. – № 3. – С. 21–24. (на кит. яз.)
15. Ван Бин. Философские основы китайской традиционной спортивной этики Мысли / Ван Бин // Сианьский институт физического воспитания. – 2002. – № 2. – С. 20–22. (на кит. яз.)
16. Лю Ци. Этюд по образу Шакьямуни / Лю Ци // Ци Лу. Литература и искусство. – 2016. – № 2. – С. 69–74. (на кит. яз.)
17. Сатори [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сатори>. – Дата доступа: 15.11.2018.
18. Лю Мандонг. Анализ взаимосвязи между традиционным национальным спортом и религиозной культурой / Лю Мандонг, У Тинчжу // Стилистические материалы и технологии. – 2013. – № 12. – 51 с. (на кит. яз.)
19. Ху Сюй. Сравнительное изучение мыслей конфуцианства, даосизма и буддизма в сохранении здоровья / Ху Сюй // Журнал Хуачжунского педагогического университета. – 2010. – № 1. – С. 113–116. (на кит. яз.)
20. Торчинов, Е. А. Даосские практики / Е. А. Торчинов // Путь золота и киновари: даосские практики в исследованиях и переводах Е. А. Торчинова. – СПб., 2007. – С. 157–158.
21. Синь Цзисун. Буддийская спортивная мысль / Синь Цзисун // Современные спортивные технологии. – 2014. – № 14. – С. 125–127. (на кит. яз.)

References

1. Ma Jing. Analysis on the Development and Contribution of the Ancient Silk Road. *Subject interaction*, 2018, no. 9, pp. 98–99 (in Chinese).
2. Fang Litian. *Buddhist philosophy*. Beijing, China Renmin University Press, 2006. 237 p. (in Chinese).
3. Zhang Lixia. The influence of Zen on Chinese culture. *Tangshan Literature*, 2017, no. 8. 61 p. (in Chinese).
4. Wu Yansheng. Zen philosophy symbol. *Private education research*, 2005, no. 3, pp. 65–70 (in Chinese).
5. Fan Ye, Li Xian. *Houhanshu*. Beijing, Zhonghua Book Company Press, 2000. 17 p. (in Chinese).
6. Shi Huijiao, Yang Yongtong. *Gaosneghzuan*. Beijing, Zhonghua Book Company Press, 1992. 7 p. (in Chinese).
7. Wang Zhongluo. *Weijinnanbeichaoshi*. Beijing, Zhonghua Book Company Press, 2007. 845 p. (in Chinese).
8. Zhongguojunshishi Bianxiezhu. *Chinese military history – Weijinnanbeichaoshi*. Beijing, People's Liberation Army Press, 1985. 364 p. (in Chinese).
9. Wang Su, Li Fang. *The Chronicle of Dunhuang Documents*. Taipei, Xinwenfeng Publishing Company, 1997. 189 p. (in Chinese).
10. Song Jiadian. A brief explanation of Jung's prototype theory. *Journal of Inner Mongolia Agricultural University*, 2005, no. 4, pp. 191–193 (in Chinese).
11. Du You. *Tongdian*. Beijing, Zhonghua Book Company Press, 1988. 146 p. (in Chinese).
12. Jia Fengwei, Qu Guofeng. On the period and causes of the integration of Chinese Wushu and Buddhism Taoism. *Sports Culture Guide*, 2001, no. 4, pp. 120–123 (in Chinese).

13. Laozi. *A book about Dao-Te Ching: comments and explanations*. Moscow, AST Publ., 2017. 252 p. (in Russian).
14. Pan Junling. On the influence of Chinese Traditional philosophy on the traditional sports in China. *Wuhan Professional College of Transport*, 2006, no. 3, pp. 21–24 (in Chinese).
15. Wang Bin. The philosophical basis of Chinese Traditional sports ethics thoughts. *Xi'an Institute of Physical Education*, 2002, no. 2, pp. 20–22 (in Chinese).
16. Liu Qi. Study on the image of Sakyamuni. *Qilu Yiyuan*, 2016, no. 2, pp. 69–74 (in Chinese).
17. Satori. *Wikipedia*. Available at: <https://en.wikipedia.org/wiki/Satori> (accessed 11.15.2018).
18. Liu Mandong, Wu Tingzhu. Analysis of the relationship between National Traditional Sports and Religious Culture. *Stylistic supplies and technology*, 2013, no. 12. 51 p. (in Chinese).
19. Hu Xu. A comparative study of the Thoughts of Confucianism, Taoism and Buddhism in Health Preservation. *Journal of Huazhong Normal University*, 2010, no. 1, pp. 113–116 (in Chinese).
20. Torchinov E. A. Taoist practices. *The path of gold and cinnabar: Taoist practices in research and translation E. A. Torchinov*. St. Petersburg, 2007, pp. 157–158 (in Russian).
21. Xin Jisong. Buddhist sports thought. *Contemporary Sports Technology*, 2014, no. 14, pp. 125–127 (in Chinese).

Информация об авторе

Фан Чжэнвэй – аспирант. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). Email: baiyi671276@163.com

Information about the author

Fang Zhengwei – Postgraduate student. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). Email: baiyi671276@163.com

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 316.422

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-407-417>

Поступила в редакцию 19.02.2019

Received 19.02.2019

И. Г. Скорая

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СОЦИОДИНАМИКА ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЫ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Проанализированы свойства пространства и времени как основных атрибутов общественной реальности. Эти формы бытия являются двумя противоположными, взаимосвязанными и взаимодополняющими феноменами существования материи. В рамках пространственно-временной структуры общества рассмотрен бюджет времени. Показано, что принцип единства социального времени и пространства с материальными структурами находится в неразрывной связи с деятельностью человека. В условиях изменения социального времени и социального пространства происходит трансформация понятия «труд». Одним из приоритетных направлений является уход от жёсткого стандартизированного рабочего графика, т. е. границы между рабочим и свободным временем стираются. В сетевом обществе возможность взаимодействия человека с виртуальным миром достигла совершенно нового уровня: не только человек создает новые формы реальности, но и новая реальность качественно изменяет среду жизнедеятельности человека. Благодаря использованию Интернета возникает новый уровень нелокальной коммуникации, которая существует всегда и сейчас – и в частном, и в публичном пространстве одновременно. Формируются и стремительно распространяются новые способы использования времени, как положительно, так и отрицательно влияющие на жизнедеятельность человека. Существенно актуализируются формирование и использование культуры свободного времени.

Ключевые слова: пространство, время, социальное пространство, материальный мир, социальное время, вне-временное время, рабочее время, труд, свободное время, постиндустриальное общество, сетевое общество

Для цитирования. Скорая, И. Г. Социодинамика пространственно-временной структуры свободного времени в сетевом обществе / И. Г. Скорая // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 4. – С. 407–417. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-407-417>

I. G. Skoraya

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SOCIODYNAMICS OF SPACE-TEMPORAL STRUCTURE OF FREE TIME IN THE NETWORK SOCIETY

Abstract. The properties of space and time as the main attributes of social reality are analyzed. These forms of being are two opposing, interrelated and complementary phenomena of the existence of matter. Within the framework of the space-time structure of society, the budget of time has been considered. It is shown that the principle of unity of social time and space with the material structures is inextricably linked with human activity. Under the conditions of changing social time and social space, the concept of «labor» is being transformed. One of the priority areas is the departure from a hard standardized work schedule, i. e. boundaries between working and free time are erased. In a networked society, the possibility of human interaction with the virtual world has reached a completely new level: not only man creates new forms of reality, but new reality has qualitatively changed the environment of human life. Through the use of the Internet, a new level of non-local communication arises, which always exists now and, in private, in the public space at the same time. New ways of using time are being formed and rapidly spreading, both positively and negatively affecting human life. The formation and use of the culture of free time is significantly actualized.

Keywords: space, time, social space, material world, social time, timeless time, working time, work, free time, post-industrial society, network society

For citation. Skoraya I. G. Sociodynamics of space-temporal structure of free time in the network society. *Vestsi Natsyonal'най akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 4, pp. 407–417 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-407-417>

Важнейшими формами существования материи являются пространство и время. Время – существующая объективная реальность, фундаментальная философско-физическая категория, с помощью которой можно описать образование, движение и развитие материальных и интеллектуальных объектов, создавая различные модели реальности. Концепции времени и концепции пространства всегда являются предметом почти каждой онтологии [1, с. 57]. Несмотря на это,

проблема времени еще далека от решения. Задачи исследования приводят к противоречивым, даже парадоксальным суждениям о свойствах пространства и времени.

В науке существует много точек зрения относительно универсальности пространства, которое имеет только три измерения. Уже построены теоретические модели для многомерных пространств (например, в теории невесомости используются 11 измерений пространства–времени, 7 из которых скрыты). Практика показывает, что теоретически это возможно и рано или поздно воплотится в реальность. Модель «пульсирующей Вселенной» предполагает, что ее текущее расширение после Большого взрыва будет заменено сокращением. А в математических уравнениях, описывающих эту фазу развития, время меняет знак с положительного на отрицательный, что означает «потoki в противоположном направлении» [2, с. 160]. Поэтому однонаправленная природа времени из прошлого в будущее уже не рассматривается как универсальная особенность.

Сегодня одним из важных аспектов является то, что трехмерные измерения включены в многомерное пространство только как частный случай. Более того, нет другого способа построить семимерное пространство, так как именно оно содержит трехмерное пространство в качестве подпространства. Трехмерное пространство содержится как подпространство только в седьмой размерной версии. Ни в какой другой версии это пространство не включено в качестве частного случая. Следовательно, целесообразно, чтобы все аспекты, показанные в контексте трехмерных представлений, рассматривались только в рамках семимерных представлений.

Представления о времени, изложенные в разных науках, можно разделить на два класса: космологистические (описание времени, независимого от личности) и антропологистические (описание времени через человеческое восприятие и понимание). Космологистические характеристики времени дают естественные науки, особенно физика. Законы физики применяются независимо от человека. Выдающиеся физики Г. Галилей, Х. Лоренц, Д. Максвелл, И. Ньютон, А. Эйнштейн сформулировали различные физические представления о времени, в котором время видится у каждого по-разному.

Несмотря на различные интерпретации времени в теориях физики, распространенных в ту или иную эпоху, ученые объединяются в определении трех форм проявления времени: порядка, измеримости и топологии. Космологистические понятия о времени обладают только тремя свойствами, упомянутыми выше, если же им будут определены другие свойства, то сформулированы они будут как другие понятия. В этом случае любое другое понятие по отношению к космологистической концепции является вторичным, поскольку оно просто дополняет её и проецирует определенные свойства воспринимающей системы на само время.

За последнее столетие онтология времени была пересмотрена несколько раз. В конце XIX века хорошо известное понятие абсолютного времени доминировало. Основываясь на работе Ньютона, считалось, что время «течет плавно и независимо от какого-либо фактора», это только измеримый промежуток длительности [3, с. 164]. Физическое время и пространство наиболее тесно связаны с материей и движением. Укажем на то, что теория относительности была первой физической теорией, которая радикально изменила представления о пространстве, времени и движении и показала наиболее тесную зависимость пространства–времени от структуры материального объекта и его скорости как в макро-, так и в микромире. Используя специальную теорию относительности, исследователи твердо установили: любое движение может быть описано только применительно к другим телам, которые можно рассматривать как систему отсчета для конкретной системы координат. Пространство и время тесно связаны, так как только вместе и во взаимодействии они могут определять положение движущегося тела.

Поскольку человеческое сознание – это система восприятия и осмысления окружающей среды, которая проецирует свои свойства на сам объект, в том числе время, то эти понятия называются антропологистическими. Немецкий социолог Гюнтер Дукс, исследуя временные концепции человека, обнаружил, что порядок настоящего – прошлого – будущего выражает качественный аспект временной последовательности, являющийся ясным выражением структуры бытия как развивающейся материи [2, с. 160]. Что касается людей, то здесь время приобретает направленное движение, ориентированное на внутреннее восприятие, исходя из развития их сознания. Фокус антропологистических характеристик времени – разделение времени на настоящее, прошлое

и будущее. В разных концепциях разнятся направления движения, а также мнения о том, какие временные проекты действительно существуют, а какие нет. Августин Аврелий считал, что только настоящее является реальным, а время переходит из прошлого в будущее [4, с. 106].

В описании свойств времени Г. П. Аксенов ссылается, прежде всего, на то, что оно длится. «Существует, – пишет он, – неоспоримый ход, бег времени, который образно называют “рекой времени”. Длительность – это такая очевидная и ощутимая особенность времени, что большая ее часть ассоциируется с течением времени. На первый взгляд это означает, что длительность и время одинаковы, хотя продолжительность обычно не может быть рассмотрена только во времени и наоборот. Время – это более многомерное явление по отношению к длительности, а последнее – это нечто, не имеющее структуры, непрерывное, спонтанное, без начала и без конца. Мы всегда находимся в середине потока времени, поэтому начало длительности и ее конец просто теряются. Все может быть, но нет мира без длительности» [5, с. 9–10]. И время, по нашему мнению, в каком-то смысле действительно течет, бежит. Нужно только отметить, что время не льется непрерывно, как поток, а периодически прерывается в процессе движения из одного состояния к следующему состоянию объекта. Время течет не из прошлого через настоящее в будущее, а из настоящего, образованного чередой смены состояний и объектов, в сформированное ими последующее настоящее.

Исследования природы физического пространства и времени показывают, что эти формы могут оставаться устойчивыми в отношении изменений в мире событий. Не каждое изменение в материальном мире требует соответствующего изменения в пространственно-временных отношениях. Известный российский философ М. А. Мостепаненко пишет: «Если бы пространство и время были только отношениями между предметами и явлениями, они бы зависели от любых или почти от всех изменений в мире явлений, но этого на самом деле нет. Пространство и время обладают относительной независимостью от мира явлений» [6, с. 21].

Следует иметь в виду, что пространство – это категория длины и структуры всех материальных объектов, оно является формой существования материи и выражает ее длину, структуру и порядок сосуществования в различных материальных системах. Время – это категория продолжительности существования и последовательности, которая описывает изменения в состояниях всех материальных объектов, существование материи, ее топологию и порядок изменения реальности [4, с. 115].

Свойства пространства и времени можно разделить на универсальные (всеобщие) и специфичные (всеобщность которых находится под вопросом). Универсальные свойства пространства и времени выражены в том, что они неразрывно связаны друг с другом. Именно в этом и состоит фундаментальная методологическая основа нашего исследования, так как чрезвычайно важно рассмотреть пространство и времени как диалектически связанные категории. Еще в 1908 г. немецкий математик Г. Минковский писал: «Отныне пространство и время должны двигаться в тени прошлого, независимость должны сохранять только пространство и время, слитые в одно целое». Работы ученого сыграли важную роль в неклассических концепциях времени, в которых он соединил пространство и время в знаменитом четырехмерном континууме. Это характеризует обратную, существенную связь между временем и пространством: время может быть измерено посредством пространственных координат, а пространственные измерения могут быть произведены во взаимосвязи со временем. Исходя из научного уровня изучения данного сложного феномена, научно подтверждено, особенно теорией относительности, что позиция единства времени и пространства приводит к появлению новой интегральной категории «пространство–время» [7, с. 65].

Таким образом, существующие в пространстве вещи существуют во времени и, наоборот, присутствуя во времени, они образуют пространственные структуры, поэтому каждая из основных форм бытия выступает как условие другой.

Однако в современном социальном познании преобладают временные или пространственные характеристики социальных явлений и процессов, и доминируют, на наш взгляд, именно первые. Эти разногласия в пропорциях подходов дают исследователям чувство неудовлетворенности, что особенно ощутимо как для тех, кто анализирует социальные явления и процессы в их

временном измерении, так и для тех, кто изучает пространственную структуру объектов. Это касается прежде всего тех, кто изучает бюджет времени в разрыве от социального времени и пространства. По этому поводу В. А. Артемов пишет: «Сегодня взаимосвязь времени и пространства не фиксирована, т. е. бюджет времени отделен от особенностей внешней среды...» [8, с. 20]. А необходимость такой связи более чем актуальна, поэтому одной из основных целей нашего исследования является рассмотрение бюджета времени в контексте пространственно-временной структуры общества, другими словами, бюджет времени не должен быть отделен от внешней среды.

Из материалов работ Я. Ф. Аскина, С. Т. Мелюхина, А. М. Мостепаненко, В. И. Свицерского, Е. Г. Зборовского, Р. Я. Штейнмана, Ю. А. Урманцева и других ученых следует, что все исследователи, занимающиеся изучением пространства и времени, сходятся во мнении, что большой набор характеристик пространства и времени необходимо рассматривать на уровне двух групп – топологических и метрических. Топологические признаки являются качественно устойчивыми характеристиками времени и пространства, метрические признаки – это количественно переменные характеристики данных форм существования. Метрические свойства характеризуются продолжительностью процессов, выраженных в единицах времени (секунда, день, столетие) и временными отношениями (сегодня, накануне, в будущем, в прошлом). Топологические свойства пространства и времени не даны нам в прямом восприятии и могут быть обнаружены посредством абстрактной умственной деятельности. По мнению доктора философских наук Е. Г. Зборовского, метрические и топологические группы времени и пространства могут быть применены к анализу социального времени и пространства. Поэтому в нашем исследовании свойства социального времени и пространства будут изучены с учетом их количественных и качественных характеристик.

Сегодня проблема социального времени и социального пространства представляет определенные трудности для изучения, поскольку социальные явления связаны со сложным переплетением психических явлений. В науке существуют разные подходы к исследованию социального пространства и времени и, как отмечает А. М. Мостепаненко, ни один из них не может считаться универсальным: «Социальное время и социальное пространство можно рассматривать как более или менее независимые формы социального существования. Социальное время и социальное пространство – это не пассивные формы социальной жизни, а активные “регуляторы” отношений, которые характеризуют любое серьезное социальное действие» [6, с. 37].

История человечества показывает, что разные общества по-разному воспринимали социальное пространство и время. Например, Жан Мари Гюйо считал, что концепция времени полностью отсутствовала в первобытном обществе. По словам французского философа, первобытные люди жили, как дети «в настоящем» [6, с. 201]. Постепенно необходимые функциональные действия учили людей ориентироваться в пространстве, у них развивалось ощущение пространства, из которого только в ходе длительного развития сформировалась идея времени. В то же время Герберт Спенсер полагал, что идея времени всегда была присуща человеку, а идея пространства – вторична [6, с. 201].

По мнению Эмиля Дюркгейма, категория времени и пространства имеет чисто социальное происхождение. Социолог рассматривал категорию времени как абстрактную безликую оправу, которая не охвачена нашим личным, индивидуальным сознанием, а является объективированной мыслью всех людей [6, с. 202]. Иными словами, время имеет чисто социальное происхождение (деление на часы, месяцы, и т. д., соответствует частоте праздников, церемоний, обрядов). То же самое относится, по мнению ученого, к категории пространства. Естественно, благодаря научному прогрессу современный человек воспринимает пространство и время по-другому. А. М. Мостепаненко по этому поводу отмечает: «Вывод Дюркгейма о чисто социальном происхождении категорий пространства и времени не оправдан, поскольку научные категории имеют объективное содержание, не зависящее ни от личности, ни от человечества. Конечно, нет причин, чтобы полностью сводить общественное пространство и время к физическому, как это делает, например, Рассел, но нет оснований также и для «растворения» физического пространства и времени в общественном» [6, с. 202–203].

Существенным аспектом этой проблемы является необходимость выяснить, в какой сфере жизни можно найти особенности социального пространства и времени – в социальной жизни, в биологической среде или в мире физической реальности. Очевидно, социальные явления не только тесно связаны с психологическими и биологическими явлениями, но также с физическими микроявлениями, а социальное пространство и время – с психологическим пространством и временем. Одна из трудностей в распознавании социального времени и пространства, по-видимому, связана с тем фактом, что его свойства могут быть изучены только с помощью тех явлений, которые относятся к одному из «более глубоких» уровней движущейся материи [6, с. 207]. Конечно, невозможно отрицать связь личности и социального организма в целом с биологической и физической средой. Но также невозможно отнести возникновение социального времени и пространства к влиянию несоциальных факторов.

Таким образом, делая промежуточные выводы, можно отметить, что социальное пространство – это форма социального бытия, при которой деятельность человека в определенных областях локализуется с позиции места ее проявления. Социальное время – это форма общественно-го бытия, при которой дифференцированность человеческой деятельности по продолжительности происходит в рамках отдельных социально-экономических формаций на протяжении всего общеприродного эволюционирования [9, с. 109].

При изучении социального времени и пространства определенную ценность имеют разработанные на уровне философских проблем мироистолкования подразделения времени и пространства на реальное, перцептуальное и концептуальное.

Под реальным временем и пространством исследователи понимают свойства и взаимосвязи этих форм в сфере объективной реальности. Свойства реального пространства и времени не зависят от воли человека, его сознания. Объекты и их состояния с момента их появления до реализации своего материального содержания в последующих объектах и состояниях составляют свои собственные настоящие времена. В связи с этим функционирование объекта, пока он существует как таковой, осуществляется в его собственном настоящем. Следовательно, реальное время, образованное конкретными конечными материальными объектами, объективно в действительности. Так называемое прошлое и будущее время не имеют статуса реальности. В природе нет давно ушедшего времени как своего рода контейнера, в который могли бы отправляться все существующие ранее, но исчезнувшие как таковые материальные объекты. Аналогично, нет будущего времени, где размещались бы материальные объекты до их появления.

Перцептуальное время и пространство трактуются как отражение в сознании, главным образом на уровне живого созерцания и воображения реальных отношений в пространстве и времени. Другими словами, это сфера восприятия окружающего мира отдельным индивидуумом. Философы-экзистенциалисты (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж. Сартр, А. Камю, Г. Марсель) внесли значительный вклад в изучение перцептуального времени и рассматривали эту категорию не с физической, а с духовной, моральной и эстетической точки зрения. Даже Августин Блаженный еще в V веке заметил странную временную особенность: прошлое прошло, будущее еще не наступило, а настоящее не имеет продолжительности (потому, что любой самый маленький интервал времени можно разделить на прошлое и будущее), а значит, его также не существует как времени. Из этого следует, что время не имеет реальности и существует только в наших субъективных восприятиях. Агностики Дэвид Юм отказывались признавать во времени и пространстве что-либо, кроме порядка и связей между нашими представлениями. Иммануил Кант назвал пространство и время априорными, т. е. внеопытными категориями нашего разума [1]. Для философов-экзистенциалистов жить во времени – значит жить не только в своем внутреннем мире с его непредсказуемой изменчивостью желаний и настроений, но и в изменяющейся внешней среде. Таким образом, перцептуальное время связано с восприятием и переживанием времени человеком: время истекает, замедляется и т. д. в зависимости от определенных ситуаций.

Концептуальное время и пространство представляют собой абстрактные (математические) модели и структуры, которые служат средством научного описания и познания реального и перцептуального времени и пространства. В иерархической системе «реальное – перцептуальное – концептуальное время и пространство» решающую роль играет первая связь. Далее рассмотрим

эти связи подробнее. Перцептуальное время и пространство отражают свою реальную основу, но не всегда полностью ей соответствуют. В мышлении и воображении часто можно увидеть временные и пространственные смещения, которые указывают на подсознательное «уплотнение» либо «разрежение», «ускорение» или «замедление» пространства и времени. Это субъективное ощущение времени, которое соответствует реальному физическому времени. В перцептуальном пространстве локализованы наши ощущения, восприятия и т. д. Реальные объекты локализованы в реальном пространстве (в частности, наши тела в качестве таковых). Наше перцептуальное время, несомненно, является отражением реального времени [6, с. 7, 13].

По-другому следует рассматривать концептуальное время и пространство по отношению к реальному. По мнению Е. Г. Зборовского, концептуальное время, несомненно, является отражением реального прототипа, и в то же время существует «полет воображения», который в этом случае имеет совершенно другое направление. Примечательно, что здесь фантазия находится на уровне высоких логических конструкций и в некоторых вариантах может в принципе не соответствовать реальному времени и пространству (например, ряд неевклидовых моделей и метризуемых пространств).

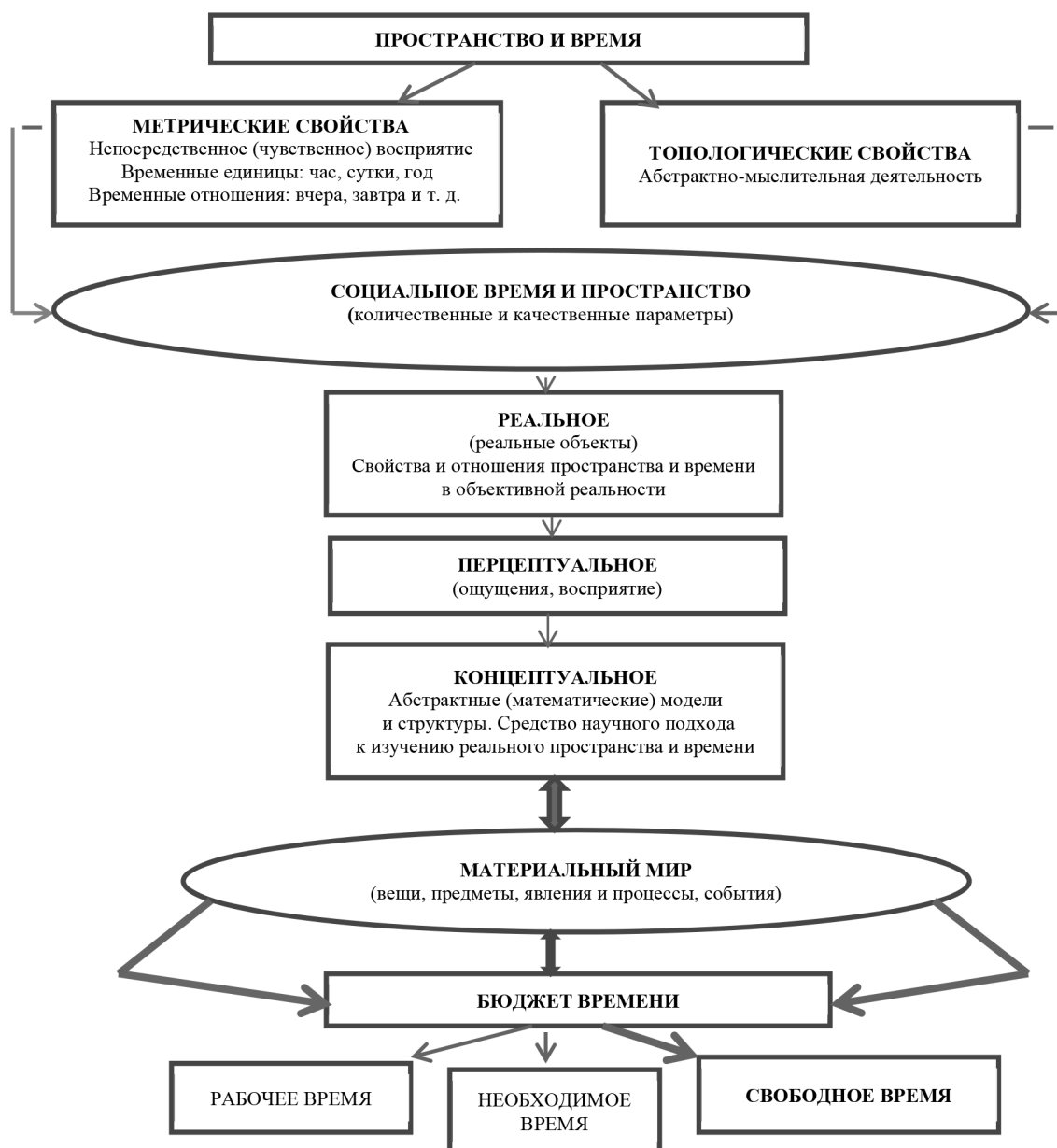
В концептуальном социальном пространстве и времени сегодня существует несколько теоретических конструкций, которые описывают особенности времени и пространства в обществе. Некоторые из них являются частными, а это означает, что они не могут распространяться на всё социальное время и пространство. Примером служат существующие схемы для пространственной организации и структуры городов разных размеров (маленький город, средний город, большой город и т. д.). В таких схемах концептуальное социальное пространство выражается в «кусочках». Помимо частных схем, существуют универсальные схемы, которые применяются ко всему социальному пространству в целом.

Описывая пространство и время, Ф. Энгельс отмечал, что эти две экзистенциальные формы материи без материи – ничто, пустые идеи, абстракции, которые существуют только в наших головах. Поэтому сущность времени и пространства в целом, их специфические характеристики можно понять только тогда, когда пространство и время тесно связаны с их содержанием. Последнее представляет собой множество вещей, объектов, явлений и процессов материального мира. Только в этом аспекте можно полностью описать свойства и дать полные характеристики пространства и времени [10, с. 550].

Таким образом, в неразрывной связи социального времени и пространства с деятельностью человека находит конкретное применение принцип единства пространства–времени с материальными структурами. В нашем случае примером пространственно-временной структуры свободного времени является схема (концептуальная матрица), в которой бюджет времени рассмотрен с выделением его трёх основных элементов – рабочее время, необходимое и свободное время (рисунок).

Фрагментация социального пространства в соответствии с выбранными критериями позволяет показать некоторые проблемы социальной жизни по-новому. На основании функционального подхода рассмотрим: 1) бюджет времени как элемент социального пространства–времени и проанализируем его через призму пространственной локализации; 2) структуру свободного времени как форму социального бытия в контексте концептуального пространства и времени, существующего в материальном мире.

Сегодня мы явно наблюдаем трансформацию социального времени и социального пространства, так как пространство и время меняют свои качественные и количественные характеристики. В постиндустриальном, информационном обществе, по мнению выдающегося испано-американского философа и социолога М. Кастельса, возможность генерировать, обрабатывать и передавать информацию стала фундаментальным источником производительности и власти. Поэтому Кастельс называет постиндустриальное общество «информационным» и считает его Сетевым: именно в нем доминирующие функции и процессы реализуются по принципу сетей. Исходя из распространенности электронных коммуникаций, все жизненно важные функции общества имеют глобальную систему электронных коммуникаций. Инфомагистраль (всемирная паутина) представляет собой систему специальных открытых структур, элементов и узлов,

Концептуальная матрица типов пространства и времени (собственная разработка на основе [6; 9; 10])

Conceptual matrix of space and time types (own development based on [6; 9; 10])

способных на основе сообщений неограниченно расширяться в пределах этой сети посредством одних и тех же кодов связи. Сеть имеет гибкий, адаптивный, эволюционный характер. Социальные сети очень динамичны, открыты для инноваций и не могут потерять равновесие. Сетевые структуры – это не вертикальные иерархические отношения, а горизонтальные, с меньшей позицией контроля [11, с. 61–67].

Поскольку информационное общество основано на пространстве потоков, то населенные пункты в значительной степени лишены своего географического, исторического, экономического и культурного значения и реинтегрированы в функциональные сети. Пространство потоков заменяет пространство мест и является выражением доминирующих процессов в жизни общества. Информационное общество строится вокруг потока капитала, технологий, информации, образов, символов, звуков. М. Кастельс выдвигает гипотезу: сетевое общество характеризуется разрушением биологического и социального ритма, связанного с жизненным циклом [11, с. 414]. В информационном (сетевом) обществе время становится вневременным и имеет новую характе-

ристику темпоральности. В новой общественной системе время как бы стирается. Прошлое, настоящее и будущее можно запрограммировать на взаимодействие друг с другом в одном сообщении. Линейное, необратимое, измеримое, предсказуемое время делится на части, время релятивизируется в соответствии с социальными контекстами. Происходит размывание жизненного цикла, что приводит к социальной аритмии: принцип последовательности жизни из биологического становится социобиологическим, основанным на гибкой, весьма изменчивой реальности.

М. Кастельс подчеркивает важность использования времени в качестве основного капитала. В сетевом обществе гибкая система управления основана на гибкой темпоральности. Сокращение производственного и обменного времени является ядром новых организационных форм хозяйственной деятельности сетевого предприятия. Капитал сжимает время, впитывает его в себя, существуя за счет его перевзвешивания [12, с. 105].

В «Третьей волне» Э. Тоффлера отмечены особенности организации труда в информационном обществе, такие как гибкий рабочий график и работа на дому [13, с. 324, 399]. Р. Флорида отмечает, что требования креативного класса к условиям труда сегодня, в дополнение к гибкому рабочему времени, предусматривают, что работники могут тратить время на реализацию своих собственных проектов, организацию места работы и определение своей роли в компании [14, с. 87].

Таким образом, одним из приоритетных направлений в новой организации труда в соответствии с потребностями информационного общества является уход от жесткого стандартизированного графика работы. Для обоснования этого явления З. Бауман приводит следующие данные. Например, в Англии в 2001 г. только одна треть работающего населения (в классическом смысле) была занята полный рабочий день. Для сравнения: в 1980-х гг. этот коэффициент был применим более чем к 80 % жителей. В Нидерландах работа стала классом высоких, почти спортивных достижений, которые практически не доступны большинству людей со средними навыками, а спорт становится популярным времяпрепровождением и трансформируется в элитное занятие, требующее высоких денежных процентных ставок. Небольшая часть населения, имеющая работу, выполняет свои должностные обязанности очень усердно и эффективно, а остальная часть находится в стороне и не поспевает за темпами производства [15, с. 30]. Для многих людей это означает конец работы в традиционном, довольно стабильном смысле. Поэтому можно говорить о существовании массового перехода работы на несколько часов в неделю, с краткосрочными контрактами или вообще без социальных гарантий, только до «следующего уведомления». Гибкий график работы во многом определяет рабочие отношения «к себе» и «к работодателю». Эта тенденция указывает на то, что границы между свободным и рабочим временем четко проследить невозможно.

В информационном обществе время воспринимается как непрерывный поток, который одновременно потенциально вовлечен в производство и развлечения. По факту рассматривается ещё одна особенность постиндустриального общества информационного типа – неуклонное увеличение доли свободного времени. Тем не менее сегодня в массовом сознании все еще существует связь с четким разделением времени на рабочее и свободное. Однако уже возникает новое направление исследований, которое стирает грани между свободным и рабочим временем, поскольку само производство становится все более виртуальным. Из-за этой тенденции рабочее время теряет свои репрессивные свойства, поскольку внешний источник давления и контроля (работодатель) стирается. Информационное общество также избегает учёта рабочего времени, не пользуясь этой во многом репрессивной процедурой [16]. В виртуализированной корпоративной среде производительность зависит не от графика работы, а от эффективности самой деятельности. Таким образом, закон экономии времени относится к рабочему и свободному времени всего общества (время, сэкономленное на создании материальных благ и развитии производительных сил, становится свободным временем общества).

Однако здесь возникает противоречие. Как отмечает Я. Ю. Ляхова, работники нематериальной сферы деятельности имеют меньше свободного времени, чем работники материальной сферы. На этот результат влияют факторы, связанные с постиндустриальным развитием общества, которые повышают производительность труда за счет внедрения информационных технологий, тем самым сокращая рабочее время, но вместе с этим увеличивают время, затрачиваемое на разра-

ботку новых технологий и необходимость непрерывного самосовершенствования. Несмотря на увеличивающееся количество свободного времени, которое существует в субъективных восприятиях людей, фактически свободного времени стало меньше. Это связано, с одной стороны, с одно-временным выполнением нескольких видов деятельности, а с другой – с психологическим отсутствием свободы от работы в нерабочее время, особенно у работников нематериальной сферы деятельности [17].

В XXI столетии уменьшается количество необходимого времени, так как затраты времени, связанные с бытовым трудом (мытьё посуды, стирка, уборка и т. д.) и удовлетворением физических потребностей (приготовление пищи, покупки и т. д.), значительно сократились с появлением специализированного автоматизированного оборудования почти в каждой семье. Инфраструктура обслуживания населения постоянно растёт: сегодня полуфабрикаты и готовые блюда можно купить в любом супермаркете. С появлением скоростных поездов, автобусов, машин значительно сокращается время транспортировки. Современные информационные технологии и современная техника дают возможность совмещать разные виды деятельности одновременно. Например, можно совмещать работу по дому и просмотр или прослушивание СМИ, разговор по телефону в дороге или во время приготовления пищи и другие домашние дела.

В настоящее время возникают две новые тенденции: во-первых, происходит трансформация понятия «труд» в постиндустриальном обществе сетевого типа, во-вторых, количество необходимого времени уменьшается, а количество свободного времени, соответственно, увеличивается, поэтому свободное время становится массовым достоянием. Эти изменения связаны с научно-техническим прогрессом, ростом производительности труда, увеличением объёма производства. Однако свободное время не является пустым временем и не освобождает индивида от включения в социальные отношения общества потребителей. В результате, наиболее динамично развивается «индустрия отдыха» со своей специфической инфраструктурой, гостиницами, барами, спортивными сооружениями, которые предназначены как для спортсменов, так и для болельщиков и любителей активного отдыха. Досуг теряет свои индивидуальные качества, поскольку теперь он формируется чаще всего медиасферой [18].

В современном обществе изменилось отношение не только к существующим видам деятельности, но и виды деятельности также стали другими. Инструментом такого изменения стал Интернет. С появлением компьютеров и компьютерных сетей Интернет предоставляет уникальную возможность своим пользователям опробовать новую роль, которая раньше не была доступна для них. Появляется новый вид досуга – Интернет-досуг. Мировые ресурсы Глобальной сети изобилуют сайтами, предлагающими создать произведение собственных рук, причем вариаций хобби такого типа существует невероятное множество и количество вещей в стиле «сделай сам» неуклонно растёт [19, с. 80]. Посредством Интернета можно также воспользоваться различными обучающими курсами, изучить иностранные языки, обучиться танцам и т. д. Интернет-досуг не привязан ни ко времени, ни к пространству. Возникает новый уровень нелокальной коммуникации: он существует всегда и сейчас – и в частном, и в публичном пространстве одновременно. Для получения нужной информации больше не нужно быть в определённом месте и в определённое время.

Развивается дихотомический процесс, состоящий в том, что, с одной стороны, развитие компьютерных технологий позволяет более эффективно использовать рабочее время и увеличить количество свободного времени, которое можно использовать для самообразования, хобби, культурного досуга. С другой стороны, компьютеры являются одними из самых коварных «пожирателей» свободного времени. Современный продукт эволюции – компьютерные игры, которые возникли в результате технологического прорыва в конце XX века, заставляют в корне переосмыслить досуговую деятельность. Опасность заключается в том, что даже самая простая компьютерная игра позволяет забыть о важных вещах, которые в настоящее время были запланированы. Обостряется проблема ухода человека в виртуальную реальность, которая называется интернет-зависимостью со следующими основными проявлениями: 1) зависимость от общения в онлайн-форме; 2) зависимость от интерактивных игр. Виды деятельности, которые осуществляются посредством Интернета, такие как общение, игры (развлечения), имеют возможность

полностью захватить разум, волю и чувства человека и не оставить ему времени для других занятий. Таким образом, в сетевом обществе активно формируется тип «человека – зависимого». Человек зависит от глобальной массовой культуры, которая сформировала его, и от социальных моделей, которые она ему предложила. Общество теряет критерии нормальности, в нем формируется терпимое отношение к отклоняющемуся досуговому поведению.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что создаваемое современным человеком сетевое общество существенно меняет пространственно-временную структуру, организацию и проведение отдельными индивидами и социальными общностями (семья, друзья, сослуживцы, соседи и т. д.) времени. Формируются и стремительно распространяются новые способы использования времени, как положительно, так и негативно влияющие на жизнедеятельность человека. Поэтому возникает необходимость формирования и развития, особенно у молодежи, высокой культуры благотворного использования информационно-коммуникационных технологий и расширяющихся благодаря их использованию объемов свободного времени.

Список использованных источников

1. Пилипенко, П. А. Время: относительная онтология / П. А. Пилипенко // Изв. Саратовского ун-та. Серия: Философия. Педагогика. – 2015. – Т. 15, вып.1. – С. 53–57.
2. Лопаев, Т. П. Свойства времени: их современная интерпретация / Т. П. Лопаев // Философия и общество. – 2005. – № 2. – С. 159–171.
3. Ньютон, И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютон; пер. с лат. и прим. А. Н. Крылова. – М., 1989. – 688 с.
4. Насырова, Э. А. Логико-философская интерпретация и лингвистический аспект категории время / Э. А. Насырова // Вестн. Башкирск. ун-та. – 2012. – Т. 17, № 2. – С. 105–123.
5. Аксенов, Г. П. Причина времени / Г. П. Аксенов. – М., 2001. – 147 с.
6. Мостепаненко, А. М. Проблема универсальности основных свойств пространства и времени / А. М. Мостепаненко. – Л.: Наука, 1969. – 225 с.
7. Ферсман, А. Е. Время / А. Е. Ферсман. – Петербург: Время, 1922. – 233 с.
8. Артёмов, В. И. Некоторые вопросы использования показателей времени в градостроительном проектировании / В. А. Артёмов, Е. П. Костогарова // Вопросы использования и прогнозирования бюджетов времени. – Новосибирск, 1973. – С. 13–27.
9. Зборовский, Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия / Г. Е. Зборовский. – М., 1834. – 189 с.
10. Маркс, К. Экономические рукописи 1857– 1859 гг. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч., 2-е изд. – Т. 46. Ч. 1. – М., 1978. – С. 515–556.
11. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
12. Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2016. – 243 с.
13. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2004. – 781 с.
14. Флорида, Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее / Р. Флорида. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 384 с.
15. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М., 2002. – 168 с.
16. Савенкова, Е. В. Время в массовом сознании / Е. В. Савенкова // Вестн. Самарск. гуманит. академии. – 2007. – № 2. – С. 144–154.
17. Ляхова, Я. Ю. Трансформация понятия «труд» в социально-философских концепциях «постиндустриалистов» / Я. Ю. Ляхова // Вестн. Северного федерального ун-та. Серия : гуманит. и социол. науки. – 2010. – № 4. – С. 36–39.
18. Ефимов, В. И. Эволюция содержания труда в процессе экономического развития общества / В. И. Ефимов, О. В. Мраморнова // Вестн. Саратовск. гос. техн. ун-та. – 2009. – № 2. – С. 36–47.
19. Иванченко, Е. А. Манифест handmade один сюжет о повседневности в сети и за её пределами / Е. А. Иванченко, М. А. Корецкая, Е. В. Славенская // Вестн. Самарск. гос. акад. Серия: Философия. Филология. – 2011. – № 3. – С. 71–81.

References

1. Pilipenko P. A. Time: relative ontology. *Izvestiya Saratovskogo universiteta = Proceedings of the Saratov University*, 2015, vol. 15, issue 1, pp. 53–57. (in Russian).
2. Lopaev T. P. Properties of the time: their modern interpretation. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and society*, 2005, no. 2, pp. 159–171. (in Russian).
3. Newton I. *Mathematical Principles of Natural Philosophy*. Moscow, 1989, 688 p. (in Russian).
4. Nasyrova E. A. Logical and philosophical interpretation and linguistic aspect of the category of time. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta = Bulletin of the Bashkir University*, 2012, vol. 17, no. 2, pp. 105–123. (in Russian).

5. Aksenov G. P. Cause of time. Moscow, 2001, 147 p. (in Russian).
6. Mostepanenko A. M. The problem of the universality of the basic elements of space and time. L, Science publishing house, 1969, 225 p. (in Russian).
7. Fersman A. E. Time. Petersburg, Vremya publishing house, 1922, 233 p. (in Russian).
8. Artyomov V. I., Kostogarova E. P. Some questions about the use of indicators of time in urban planning. *Voprosy ispol'zovaniya i prognozirovaniyam byudzheto vremeni = Issues of using and forecasting time budgets*. Novosibirsk, 1973, pp. 13–27. (in Russian).
9. Zborovsky G. E. Space and time as a form of social being. Moscow, 1834, 189 p. (in Russian).
10. Marks K., Engels F. Economic manuscripts of 1857–1859. 1978. Op. 2 ed., vol. 46, pt. 1, pp. 115–137. (in Russian).
11. Castells M. Information Age: Economy, Society and Culture. Moscow, UHSE, 2000, 608 p. (in Russian).
12. Castells M. The Power of Communication. Moscow, HSE, 2016, 243 p. (in Russian).
13. Toffler E. The Third Wave. Moscow, AST, 2004, 781 p. (in Russian).
14. Florida R. Creative class. People who create the future. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2016, 384 p. (in Russian).
15. Bauman Z. Individualized Society. Moscow, 2002, 168 p. (in Russian).
16. Savenkova E. V. Time in the mass consciousness. *Vestnik Samarskoy Akademii = Bulletin of the Samara Academy*, 2007, no. 2, pp. 144–154. (in Russian).
17. Lyakhova Yu. Transformation of the concept of “labor” in the socio-philosophical concepts of “post-industrialists”. *Vesnik Severnogo federal'nogo universiteta = Vesnik of the Northern Federal University*, 2010, no. 4, pp. 36–39. (in Russian).
18. Efimov V. I., Mramornova O. V. The evolution of the content of labor in the process of economic development of society. *Vesnik Severnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Saratov State TU*, 2009, no. 2, pp. 36–47. (in Russian).
19. Ivanchenko E. A., Koretskaya M. A., Slavenskaya E. V. Manifesto handmade a story about everyday life on the network and beyond. *Vestnik Samarskoy Gosudarstvennoy Akademii = Bulletin of the Samara State Academy*, 2011, no. 3, pp. 71–81. (in Russian).

Информация об авторе

Скорая Инна Геннадиевна – аспирант. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: ina.skoraya@yandex.by

Information about the author

Inna G. Skoraya – Postgraduate student. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, 220072 Minsk, Belarus). E-mail: ina.skoraya@yandex.by

ГІСТОРЫЯ
HISTORY

УДК 94(476.2-89)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-418-431>

Поступила в редакцию 11.06.2019
Received 11.06.2019

П. Ф. Лысенко

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ТУРОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КИЕВСКОГО
ВЛАДИМИРА МОНОМАХА (1113–1125 гг.)**

Аннотация. Рассматривается утрата туровскими князьями в начале XII в. права занимать престол великих киевских князей, которым туровские князья владели в XI в.

На основе сообщений древнерусских летописей (Лаврентьевская, Ипатьевская) прослеживается последовательная смена на Туровском княжестве туровских князей, которые происходили из числа старших сыновей великих киевских князей, раздававших отдельные княжества своим сыновьям по принципу: старшим сыновьям – наиболее важные и значимые княжества. Туровское княжество (дреговичей) доставалось старшим сыновьям киевских князей, что свидетельствует о его важности и значимости. В XI в. из шести великих киевских князей после Владимира Святославича (980–1015 гг.) – Святополк Владимирович, Ярослав Владимирович, Изяслав Ярославич, Святослав Ярославич, Всеволод Ярославич, Святополк Изяславич – трое происходили из числа туровских князей и переходили с туровского престола на киевский великокняжеский престол по легитимному праву старших наследников (Святополк Владимирович – 1015–1019 гг., Изяслав Ярославич – 1054–1078 гг., Святополк Изяславич – 1093–1113 гг.). В середине XI в. в Туровском княжестве сформировалась своя княжеская династия Ярославичей (Изяслав, Ярополк, Святополк), которая после перерыва с 1113 г. была восстановлена в 1157 г.

Одновременно длительное нахождение на киевском великокняжеском престоле туровских князей порождало иллюзию объединения Туровского и Киевского княжеств. Однако это была только иллюзия, т. к. Киевское и Туровское княжества сохраняли свои границы, территорию, династию и наследственность на протяжении столетий. Туровское княжество, как и все земли Великого княжества Киевского, находилось в феодальной зависимости от великого князя киевского, однако, за исключением короткого времени (1125–1157 гг.), сохраняло свою династическую линию наследования. Это подтверждается и летописями, которые называют Туровское княжество терминами «княжество», «волость», «земля» значительно чаще, чем другие владения.

Ключевые слова: дреговичи, этническое княжение, Туров, Туровская земля, Туровское княжество, административная реформа 988 г., I раздел Великого княжества Киевского 988 г., II раздел Великого княжества Киевского 1054 г., III раздел Великого княжества Киевского 1125 г., династическая линия туровских князей Изяславичей

Для цитирования. Лысенко, П. Ф. Туровское княжество во время великого князя киевского Владимира Мономаха (1113–1125 гг.) // П. Ф. Лысенко // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2019. – Т. 64, № 4. – С. 418–431. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-418-431>

P. F. Lysenko

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**TUROV PRINCIPALITY DURING THE GRAND DUKE
OF KIEV VLADIMIR MONOMAKH (1113–1125)**

Abstract. Loss by dukes of Turov at the beginning of the 12th century of the right to occupy the throne of the Grand dukes of Kiev, which was owned by dukes of Turov in the XI century, is under review in the article.

On the basis of the reports of the old Russian Chronicles (Laurentian, Ipatiev Chronicles), the article traces the successive change in the Turov Principality of the Turov princes, who came from among the eldest sons of the great Kiev princes, who distributed particular principalities to their sons on the principle – the most important and significant principalities go to the eldest sons. Turov Principality (Dregovich) got to the eldest sons of the Kiev princes what represents its importance and significance. In 11th century among six great Kievan princes after Vladimir Svyatoslavich (980–1015 gg.) – Sviatopolk Vladimirovich, Yaroslav Iziaslav Yaroslavych, Sviatoslav Yaroslavich, Vsevolod of Kiev, Svyatopolk II of Kiev three came

from the number of the princes of Turov and moved from Turov to the throne at the Kiev Grand-Ducal throne according to legitimate right of senior heirs (Svyatopolk Vladimirovich 1015–1019 years, Iziaslav Yaroslavich – 1054–1078 years, Svyatopolk II of Kiev – 1093–1113 years). In the middle of 11th century in Turov Principality its own princely dynasty Yaroslavich was created (Iziaslav, Yaropolk, Svyatopolk), which was restored in 1157 after a break in 1113.

At the same time, long presence of the Turov princes on the throne of Kiev gave rise to the illusion of unification of the Turov and Kiev principalities. However, it was only an illusion, because Kiev and Turov principalities retained its borders, territory, dynasty and heredity for centuries. Turov Principality, like all other lands of the Grand Duchy of Kiev, was in feudal dependence on the Grand Duke of Kiev, but retained its dynastic line of succession for a short time (1125–1157). This is confirmed by the Chronicles which call Turov Principality using terms Principality, parish, land much more often than in relation to other owners.

Keywords: Dregovichy, ethnic principedom, Turav, Turav property, Turav Principality, administrative reform 988, first division of the Great Kyev Principality in 988, second division of the Great Kyev Principality in 1054, third division of the Great Kyev Principality in 1125, dynastic line of the Turav Iziaslav princes

For citation. Lysenko P. F. Turov Principality during the Grand Duke of Kiev Vladimir Monomakh (1113–1125) / P. F. Lysenko // *Vesti Natsyonal'noi akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 4, pp. 418–431 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-418-431>

В истории Туровской земли и Туровского княжества начало XII в. характеризуется резким снижением его статуса в системе древнерусских княжеств Киевской Руси. В предшествующие столетия Туровское княжество по уровню своего социального развития занимало высокое положение среди других княжеств Древней Руси. Это подтверждается динамикой развития Туровского княжества в составе Великого княжества Киевского. Туровское княжество сложилось на территории расселения восточнославянского племени дреговичей. Дреговичи – одно из наиболее развитых восточнославянских племен, имевших свое «княжение» еще до вхождения в состав Киевской Руси. «Княжение» дреговичей упоминается летописцем в недатированной части «Повести временных лет» на третьем месте после полян и древлян и раньше, чем у новгородских словен и полоцких кривичей [1, с. 13]. В летописи расселение дреговичей упоминается в слишком общей форме: «... а друзии седоша межи Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи» [1, с. 11]. По уточненным археологическим данным, основанным на распространении этнически определяющих предметов (ажурные крупнозерновые бусы), ареал расселения дреговичей распространяется от Днепра на востоке и до Западного Буга на западе (Дрогичин Надбужный), от правобережья Припяти (Ровно–Луцк) на юге до линии Гродно–Логойск–Борисов на севере. Это самая крупная восточнославянская этническая группа на территории современной Беларуси [5, с. 97–101]. Наиболее древним и, очевидно, стольным центром княжения дреговичей был г. Туров, известный по летописным сообщениям с 980 г. [1, с. 54].

Княжение дреговичей позже других восточнославянских племен, расселявшихся на территории современной Беларуси, вошло в состав Киевской Руси. Радимичи попали в данную зависимость от Киева при Олеге в 885 г. [1, с. 21]. В походе Олега на Константинополь в 907 г. также участвовали кривичи [1, с. 23]. Дреговичи впервые упоминаются как данники Киевского княжества лишь в 949 г. Константином Багрянородным [3, с. 10].

Очевидно, в это время дреговичи, имевшие свое «княжение», находились на стадии разложения первобытнообщинного строя и имели племенных князей из своей родоплеменной верхушки, возможно, наследственных. Раннее существование собственного «княжения» у дреговичей и относительно позднее включение их в состав Киевского государства свидетельствуют об их вхождении в число наиболее развитых восточнославянских племен. Великая административная реформа 988 г., предпринятая великим князем киевским Владимиром Святославичем с целью укрепления центральной государственной власти киевского государства, отменила в этнических племенных княжениях местную родоплеменную княжескую власть и заменила ее назначенными из Киева сыновьями великого князя киевского.

У Владимира Святославича, великого князя киевского, было 12 сыновей: Вышеслав, Изяслав, Святополк, Ярослав, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав [1, с. 83]. На замену племенных князей из местной родоплеменной верхушки он направил своих сыновей, используя принцип старейшинства. В наиболее важное, развитое и значительное княжество в Новгороде Великом он направил своего старшего сына Вышеслава. Во второе по значе-

нию Полоцкое княжество он направил второго по возрасту сына Изяслава. Третий по старшинству сын Святополк был назначен князем Туровского княжества. Четвертый сын Владимира Ярослав был направлен в Ростов. Сыновья Владимира Борис и Глеб были назначены в Ростов (после смерти Вышеслава в 1010 г. и перевода Ярослава в Новгород) и в Муром. Сын Владимира Святослав получил княжение в земле древлян, Вячеслав – во Владимире Волынском, а Мстислав – в отдаленной Тмутаракани [2, стб. 105–106]. Выделение Туровского княжества третьему по старшинству сыну Владимира Святополку подчеркивает важность и значение Туровского княжества в системе древних княжеств в конце X – начале XI в.

Значение Туровского княжества в середине XI в. отчетливо прослеживается во время второго раздела княжеств – земель Великого княжества Киевского в наследовании Ярослава Владимировича (Мудрого). Ярослав Владимирович, победив в борьбе 1015–1019 гг. своего старшего брата Святополка и получив после смерти в 1036 г. другого брата Мстислава левобережную часть Киевского княжества, вновь объединил в своих руках земли всех восточнославянских княжеств. Умирая в 1054 г., он вновь разделил между своими сыновьями обширные владения всего Великого княжества Киевского. По его завещанию накануне смерти все земли Великого княжества Киевского были разделены между его сыновьями Изяславом, Святославом, Всеволодом, Игорем и Вячеславом. Старший сын Ярослава новгородский князь Владимир умер в 1052 г. В летописи отмечается: «Се же поручаю в собе место стол старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киев; сего послушайте, якоже послушаете мене, да той вы будеть в мене место; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимирь, а Вячеславу Смоленск. И тако раздели им грады, заповедав им не преступати предела братия» [1, с. 108].

Убедительными доказательствами высокого значения Туровского княжества в общей системе древнерусских княжеств в XI в. в составе Киевской Руси являются: 1) **выделение** Туровского княжества старшим сыновьям великого киевского князя при разделах Великого княжества Киевского; 2) **частый переход** туровских князей на киевский великокняжеский престол в XI в., что создает иллюзию единства Киевского и Туровского княжеств в форме вхождения Туровского княжества в Киевское княжество; 3) **формирование династической линии** Изяславичей на туровском престоле в XI в.; 4) **легитимность** занятия туровского и киевского великокняжеского престола представителями династии туровских князей; 5) **частота упоминаний** летописцами значащих титулов туровских князей.

Выделение Туровского княжества старшим сыновьям при разделах Великого княжества Киевского

1. При первом разделе Великого княжества Киевского в 988 г. во время проведения административной реформы в 988 г. великим киевским князем Владимиром Святославичем Туровское княжество было выделено третьему сыну Владимира Святославича Святополку. Важнее по значению оказались только Новгородское княжество, выделенное старшему сыну Владимира Святославича Вышеславу, и Полоцкое княжество, выделенное второму по старшинству сыну Изяславу.

2. При втором разделе Великого княжества Киевского в 1054 г. великим князем киевским Ярославом Владимировичем (Мудрым) Туровское княжество получил старший из живущих его сыновей – Изяслав Ярославич. Самый старший сын Ярослава Владимир умер в 1052 г. Средний его сын Святослав получил Черниговское княжество, что касается младших сыновей, то Всеволод получил Переяславское княжество, Игорь – Владимирское княжество, Вячеслав – Смоленское княжество: «...се же поручаю в собе место стол старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киев; сего послушайте, якоже послушаете мене, да той вы будеть в мене место; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимир, а Вячеславу Смоленск. И тако раздели им грады, заповедав им не преступати предела братия» [1, с. 108].

3. При третьем разделе Великого княжества Киевского в 1125 г. после смерти Владимира Всеволодовича Мономаха Туровское княжество получил его третий сын – Вячеслав Владимирович.

Выделение Туровского княжества при всех трех разделах Великого княжества Киевского старшим сыновьям великого князя киевского (не ниже третьего сына) свидетельствует о большом значении Туровского княжества в системе княжеств Киевской Руси в XI–XII вв.

Переход туровских князей на великокняжеский киевский престол

1. Первый переход туровского князя Святополка Владимировича на киевский великокняжеский престол зафиксирован летописью в 1015 г. 15 июля 1015 г. в Киеве во время подготовки похода на своего сына новгородского князя Ярослава, отказавшегося платить дань Киеву, умер великий князь киевский Владимир Святославич. К этому времени старшим по возрасту среди сыновей Владимира Святославича остался его третий сын – туровский князь (с 988 г.) Святополк Владимирович. Его старшие братья к этому времени умерли (новгородский князь Вышеслав – в 1010 г. и полоцкий князь Изяслав – в 1001 г.). Оставаясь старшим из оставшихся в живых сыновей на момент смерти отца, великого князя киевского Владимира Святославича, его третий сын – туровский князь Святополк Владимирович – по праву старшего унаследовал отцовский великокняжеский престол, т. е. совершенно легитимно.

2. Второй переход туровского князя Изяслава Ярославича на киевский великокняжеский престол произошел при втором разделе объединенных в одних руках древнерусских земель во время княжения великого князя киевского Ярослава Владимировича. В 1054 г. накануне своей смерти он назначил в завещании своим преемником на киевском великокняжеском престоле своего старшего из оставшихся в живых сыновей – туровского князя Изяслава Ярославича (старший сын Ярослава новгородский князь Владимир умер в 1052 г.) [1, с. 108]. Изяслав Ярославич занял киевский великокняжеский престол легитимно – и по старшинству, и по завещанию своего отца великого князя киевского Ярослава Владимировича.

3. Третий переход туровского князя Святополка Изяславича (1087–1113 гг.) на киевский великокняжеский престол произошел в 1093 г. В этом году в Киеве 13 апреля умер великий князь киевский Всеволод Ярославич, младший из сыновей Ярослава Мудрого. В потомстве Ярослава Мудрого не осталось больше в живых его прямых наследников – сыновей, т. е. первого поколения Ярославичей. Наследование киевского великокняжеского престола должно было перейти ко второму поколению Ярославичей – его внукам. И здесь вновь сыграл свою роль закон преимущественного права на наследование – закон первостепенности по старшинству. Правовое значение этого закона признавалось в древнерусском обществе на протяжении столетий. Признал его и прямой наследник Всеволода Ярославича – его сын Владимир Всеволодович Мономах. Летопись свидетельствует: «Володимер нача размышляти, река: «Аще сяду на столе отца своего, то имам рать с Святополком взятии, яко есть стол прежде отца его был. И тако размыслив посла по Святополку Турову, а сам иде Чернигову» [1, с. 143]. 24 апреля 1093 г. Святополк прибыл в Киев. Это был третий в XI в. переход туровского князя на киевский великокняжеский престол.

В XII в. продолжается традиция уважительного отношения к Туровскому княжеству и признания его высокого значения в системе древнерусских княжеств, как и признания прав туровских князей на занятие киевского великокняжеского престола. В сознании современников и в юридической практике утвердилось представление о необходимости владения Туровским княжеством как необходимом условии перехода на киевский великокняжеский престол (переходы в 1015 г. – Святополка, в 1054 г. – Изяслава, в 1093 г. – Святополка Изяславича). Это давало основание ужесточить борьбу за владение туровским престолом.

16 апреля 1113 г. в Киеве умер великий князь киевский Святополк Изяславич (1093–1113 гг.), он же – бывший легитимный туровский князь (1088 – 1113 гг.). Его сын и наследник Ярослав Святополчич был в это время владимирским князем (с 1097 г.) [1, с. 180].

После Святополка Изяславича великим князем киевским стал его двоюродный брат Владимир Всеволодович Мономах. Однако он отказался передать Туровское княжество его династическому наследнику – сыну Святополка Ярославу. Очевидно, Владимир Мономах в Ярославе Святополчиче, потомке старшей династической линии Изяславичей в потомстве Ярослава, видел опасного соперника и претендента на киевский великокняжеский престол, которому владение Туровским княжеством придавало дополнительные аргументы в претензиях на киевский великокняжеский престол. Ярослав Святополчич, сознавая роль и значение наследственного династического владения Туровским княжеством как стартовым плацдармом в последующих претензиях на киевский престол, решил силой добиваться реализации своих прав. В 1117 г. настойчивость Ярослава привела к карательной военной экспедиции и Ярослав был лишен владимирского

престола. В 1223 г. он при поддержке венгров, поляков и чехов с большой военной силой вернулся и осадил Владимира. Международная поддержка подтверждала обоснованность претензий Ярослава Святополчича к Владимиру Мономаху. Однако он погиб при объезде осажденного Владимира.

Тем не менее права владельцев Туровского княжества на киевский великокняжеский престол продолжали признаваться юридически обоснованными. Это дало право Вячеславу Владимировичу в 1139 г. после смерти старшего брата Ярополка занять киевский великокняжеский престол и впоследствии по приглашению великого князя киевского Изяслава Мстиславича с 1150 по 1154 г. занимать киевский престол.

На основании приведенных данных можно сделать вывод, что туровские князья, происходившие от старших сыновей великих киевских князей (Святополк Владимирович, Изяслав Ярославич, Святополк Изяславич, Вячеслав Владимирович), легитимно занимали киевский великокняжеский престол длительное время. Это порождало иллюзию единства Туровского и Великого княжества Киевского.

Формирование династической линии Изяславичей на Туровском престоле

Формирование княжеских династических линий в отдельных восточнославянских княжествах началось с великой административной реформы в Великом княжестве Киевском, его первого раздела и выделения отдельных восточнославянских этнических княжений в качестве отдельных княжеств сыновьям великого князя киевского Владимира Святославича. Целью этого мероприятия было укрепление центральной государственной власти в Великом княжестве Киевском. В предшествующие годы с целью сплочения различных восточнославянских племен (12–15 племен) Владимиром Святославичем и его мудрыми советниками в 982 г. была проведена попытка введения единой идеологии для восточных славян с помощью создания унифицированного пантеона восточнославянских языческих святых в Киеве: «...кумиры Перуна ... и Хорса, и Дажьбога, и Стрибога, и Семаргла, и Мокошь...» [2, стб. 67]. Остатки подобного капища были выявлены в Турове на окольном городе в 1993 г. [6, с. 98–101].

Однако для укрепления единой центральной государственной власти оказалось недостаточным создания единого пантеона языческих богов и было организовано и проведено принятие христианской религии по византийскому образцу, освящающему единую центральную власть государственного главы «от бога». Это служило дополнительным средством сплочения разнородного восточнославянского киевского государства, в котором местная власть племенных княжений заменялась властью сыновей великого князя киевского, что должно было обеспечивать более надежную связь с Киевом и более послушное выполнение требований великого князя киевского. При реализации этой реформы 988 г. в отдельные восточнославянские племена направлялись сыновья великого князя киевского, руководствуясь при этом назначением в наиболее важные племенные княжения старших по возрасту сыновей. В наиболее важное развитие Новгородское княжество был назначен князем старший сын Владимира Вышеслав, во второе по значению Полоцкое княжество был направлен князем его второй сын – Изяслав, в третье по значению Туровское княжество был направлен его третий сын – Святополк, в четвертое в Ростов – Ярослав и т. д. [2, стб. 105]. Эти направленные Владимиром сыновья и должны были стать родоначальниками отдельных местных династических ветвей общей наследственной линии Рюриковичей. Туровский князь Святополк Владимирович был первым, исторически достоверным князем Туровского княжества (с 988 г.).

Сильная центральная власть великого киевского князя Владимира Святославича в конце X – начале XI в. обеспечивала предусмотренные административной реформой 988 г. результаты. Однако уже в начале XI в. в киевском государстве начали проявляться местные сепаратистские тенденции. Туровский князь Святополк был обвинен в участии в заговоре, организованном его женой, дочерью польского князя Болеслава Храброго, и ее духовником епископом Рейенберном. Новгородский князь Ярослав Владимирович отказался платить Киеву «новгородские гривны». Владимир Святославич умер 15 июля 1015 г. во время подготовки карательного похода на новго-

родских бунтовщиков. Его смерть развязала сдерживающие разногласия среди его сыновей, происходящих от разных жен. В этой борьбе погибли его сыновья Борис и Глеб и древлянский князь Святослав. Туровский князь Святополк, занявший киевский великокняжеский престол после смерти Владимира Святославича по легитимному праву старшего из здравствующих сыновей, стал преследоваться младшим братом – новгородским князем Ярославом в нарушение легитимного преимущественного права старшего брата – Святополка. Борьба за киевский престол братьев Святополка и Ярослава продолжалась с переменным успехом с 1015 по 1019 г. В 1019 г. Ярослав в битве на р. Альте под Переяславом Русским одержал решительную победу, а Святополк бежал в Польшу к своему тестю Болеславу Храброму и погиб во время бегства, «межи ляхи и чаху».

После гибели Святополка и смерти другого брата Мстислава в 1036 г. Ярослав оказался единовластным владыкой Великого княжества Киевского. По этой причине процесс формирования отдельных династических линий после первого раздела Киевской Руси (988 г.) не состоялся. Он состоялся только в Полоцком княжестве, князя которого не могли участвовать в борьбе за киевский великокняжеский престол. Их князь Изяслав (с 988 г.) умер в 1001 г., не побывав на киевском престоле, ввиду чего в дальнейшем его потомки не имели права претендовать на киевский престол.

В Туровском княжестве местная династическая линия начала складываться после второго раздела территории Великого княжества Киевского в 1054 г. по завещанию Ярослава Владимировича. По этому завещанию Туровское княжество было отдано старшему сыну Ярослава Владимировича – Изяславу Ярославичу (1024–1078 гг.).

Изяслав Ярославич и был основателем княжеской династии туровских князей. В сообщении летописи о болезни Ярослава Владимировича в феврале 1054 г. содержится упоминание: «Изяславу тогда в Турове князю», из которого следует, что Туровское княжество Изяслав получил еще до смерти Ярослава, очевидно, по его распоряжению, т. е. легитимным путем. После смерти Ярослава по его завещанию Изяслав занял киевский великокняжеский престол. Как киевский великий князь и князь Туровского княжества Изяслав прожил бурную и богатую событиями жизнь. Успешные военные походы и поражения, измены и изгнания из Киева, возвращения на высокие престолы и борьба с отступниками и противниками сопутствовали ему во все годы его правления. Окончил он свою жизнь на бранном поле, на Нежатиной ниве, 3 октября 1078 г., защищая интересы своего младшего брата переяславского князя Всеволода Ярославича. Летописец оставил краткую его характеристику в похвальной посмертной записи: «...бе же Изяслав муж взором красен (красив), телом великом, незлобив нравом, кривды ненавида, любя правду, клюк же (хитрость, коварство) в нем не бе, ни лъсти, но прост умом, не воздая злом за зло...» [2, стб. 193]. После его смерти остались два сына – Ярополк Изяславич, князь Владимирский, и Святополк Изяславич – князь Новгорода Великого.

Прямым наследником на туровском престоле после смерти Изяслава Ярославича стал его старший сын **Ярополк Изяславич**, князь вышегородский, владимири-волинский, туровский, внук великого князя киевского Ярослава Владимировича.

После смерти в битве на Нежатиной ниве близ Чернигова великого князя киевского Изяслава Ярославича великим князем киевским стал его младший брат – Всеволод Ярославич. В соответствии с завещанием Ярослава Владимировича о выделении Туровского княжества его старшему сыну Изяславу Ярославичу новый киевский великий князь Всеволод Ярославич: «...посади сына своего Владимира в Чернигове, а Ярополка (Изяславича. – Л. П.) в Володимере (Волинском. – П. Л.), придав ему Туров ...» [2, стб. 195]. Это была наследственная передача отеческих владений («отчины»), свидетельствующая о создании династической княжеской наследственной линии. Это было легитимное вокняжение в Туровском княжестве, наследственное владение Ярополка Изяславича, князя туровского, утверждавшее династическую линию Изяславичей в Туровском княжестве.

В борьбе за Владимиро-Волинское княжество Ярополк Изяславич погиб 22 ноября 1087 г., пронзенный на санях убийцей Нерядцем, подосланным Рюриком, князем перемышльским [2, стб. 197].

После гибели Ярополка Изяславича, князя владимири-волинского и туровского, на туровский престол пришел его младший брат, новгородский князь **Святополк Изяславич**. Туровское княжество –

это владение его отца Изяслава Ярославича, князя туровского и великого князя киевского. Как сын туровского великого князя Изяслава Ярославича Святополк Изяславич имел легитимное наследственное право на туровское княжение и киевский великокняжеский престол. Преимущественное право на эти княжеские престолы ему давали принадлежность к старшей Изяславовой линии Ярославичей и владение Туровским княжеством, с которого преимущественно переходили его предшественники на киевский великокняжеский престол (Святополк Владимирович в 1015 г., Изяслав Ярославич в 1054 г.). В этой связи Святополк Изяславич предпочел Новгородскому княжеству Туровское княжество, которое представляло собой более надежные перспективы на киевский великокняжеский престол, чем отдаленное Новгородское княжество. На туровский престол Святополк Изяславич пришел как на свое наследственное династическое легитимное владение, которое принадлежало его отцу Изяславу (по завещанию Ярослава Владимировича). Старший сын Изяслава Ярославича, первый наследник Туровского княжества – Ярополк Изяславич трагически погиб в ноябре 1087 г. После его гибели Туровское княжество отошло к его брату – Святополку Изяславичу в качестве семейного достояния – «отчины». Ипатьевская летопись свидетельствует: «...тем же лете иде Святополк из Новгорода Турову на княжение...» [2, стб. 199]. Правда, Лаврентьевская летопись приводит другую редакцию этого сообщения: «Того же лета иде Святополк из Новгорода к Турову жити» [1, с. 137]. Однако, несомненно, следует отдать должное достоверности Ипатьевской летописи. Святополк приехал в Туров не как житель, а как наследственный князь Туровского княжества, имеющий наследственное право на Туровское княжество и законное преимущественное право на киевский великокняжеский престол после своего дяди великого князя киевского Всеволода Ярославича (младшего брата его отца Изяслава Ярославича). Эти преимущественные права Святополка Изяславича были легитимны и общепризнаны, что и нашло свое отражение в высказывании Владимира Мономаха после смерти его отца, великого князя киевского Всеволода Ярославича 13 апреля 1093 г.: «Володимер нача размышляти, река: «Аще сяду на столе отца своего (т. е. великокняжеском киевском престоле. – *П. Л.*), то имам рать с Святополком взяти, яко есть стол преже отца его был. И размыслив посла по Святополка Турову, а сам иде Чернигову» [1, с. 143]. 4 апреля 1093 г. Святополк приехал в Киев и возшел на престол великого князя киевского. Святополк Изяславич – третий представитель династической линии Изяславичей на туровском престоле. Три представителя династии Изяславичей занимали трон Туровского княжества на протяжении 61 года – с 1052 по 1113 г. (Изяслав Ярославич – 1052–1078 гг., Ярополк Изяславич – 1078–1087 гг., Святополк Изяславич – 1087–1113 гг.).

Четвертый представитель династической линии Изяславичей – **Ярослав Святополчич**. Сын великого князя киевского и туровского Святополка Изяславича Ярослав Святополчич – легитимный наследственный претендент на туровский престол и на киевский великокняжеский престол, сын великого князя Святополка, происходящего из старейшей династической линии наследников – Ярославичей. Новый великий князь киевский Владимир Мономах вопреки завещанию Ярослава Владимировича Мудрого 1054 г., вопреки постановлению Любечского съезда князей 1097 г. о сохранении границ и наследовании вотчин, вопреки крестному целованию на этом съезде, вопреки традиционному обычаю преимущественного права по старшинству отказался закрепить Туровское княжество за сыном туровского князя Святополка – Ярославом Святополчичем. Ярослав Святополчич, законный династический претендент на Туровское княжество и законный претендент на Великое княжество Киевское, незаконным самовластием Владимира Мономаха лишенный своих прав, не примирился с этим. Все это вызвало обострение отношений между ними, и в 1117 г. Владимир Мономах организовал коалиционный поход на Ярослава, осадил Владимир на 60 дней и заставил покориться Ярослава. Владимир Мономах лишил Ярослава княжения и послал во Владимир княжить своего сына Романа, а позже – сына Андрея. Лишенный княжества Ярослав бежал в 1118 г. из Владимира и с помощью поляков безуспешно пытался взять Червень в 1121 г. В 1123 г. Ярослав Святополчич с помощью венгров, поляков, чехов и волынских князей Володаря и Василько Ростиславичей осадил город Владимир, но был тяжело ранен при объезде города и умер.

В попытке Ярослава Святополчича, прежде всего, прослеживается упорное и настойчивое стремление отстоять свои наследственные легитимные владения и права. Эти права были

основаны на завещании Ярослава Мудрого 1054 г. и постановлениях Любечского съезда князей в 1097 г., скрепленных крестным целованием. После смерти великого князя киевского Святополка Изяславича в 1113 г. новый князь киевский Владимир Мономах (из младшей линии Ярославичей) грубо нарушил эти основополагающие соглашения и принципы о наследовании и отказался утвердить сына Святополка Изяславича Ярослава на его отеческом наследственном Туровском княжестве. Ярослав Святополчич упорно и настойчиво отстаивал свои права на туровский престол, не опасаясь ухудшить свои отношения со своим дядей – великим киевским князем Владимиром Мономахом. Претензии Ярослава Святополчича были убедительно обоснованными и признавались русскими князьями и зарубежными государствами, что находило свое выражение в выделении военных отрядов из Венгрии, Польши, Чехии в поддержку Ярослава Святополчича в 1117 и 1123 гг. К тому же и сам Владимир Мономах признавал преимущественные права на киевский великокняжеский престол старшей Изяславовой линии среди Ярославичей после смерти его отца, великого киевского князя Всеволода Ярославича в 1093 г. Но спустя двадцать лет в 1113 г., став великим князем киевским после смерти своего предшественника Святослава Изяславича, он резко изменил свое отношение к Туровскому княжеству и наследственному праву старшей в Ярославовом потомстве наследственной линии туровских Изяславичей. Став великим князем киевским в 1113 г., Владимир Мономах на протяжении всего своего княжения в Киеве отказывался признавать наследственное право на туровский престол Ярослава, сына туровского и великого князя киевского Святополка Изяславича, лишил его Владимирского княжества и военной силой препятствовал его стремлению отстоять свое владение Владимирским княжеством и права на туровский престол. Это противостояние последовательно отражено в русских летописях.

Древнерусские летописи («Повесть временных лет») только с положительной стороны отражают личность и деятельность Владимира Мономаха на посту великого князя киевского. В историографической литературе на этом основании сложилось положительное мнение об этом человеке и государственном деятеле. Помимо сообщений летописца этому способствовало и собственноручное произведение Владимира Мономаха «Поучение детям», написанное в 1117 г., но помещенное в Лаврентьевской летописи под 1096 г. [4, с. 425–455]. Однако при использовании этих источников и историографических исследований обязательно следует иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, общую оценку летописей, составленную А. А. Шахматовым на основе многолетних исследований всего корпуса древнерусских летописей: «Рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы» [7, с. XVI]. Этот вывод требует критического отношения к летописным сообщениям, в данном случае – к характеристике личности Владимира Мономаха и оценке его деятельности. Во-вторых, обязательно следует иметь в виду то обстоятельство, что редактором третьей редакции «Повести временных лет» (1118 г.) был новгородский князь Мстислав Владимирович, сын Владимира Мономаха. Это обстоятельство дает основание поставить под сомнение хвалебные оценки личности Владимира Мономаха, мотивы и оценки его деятельности, а также отрицательные характеристики, данные им его конкурентам и соперникам. Об этом совершенно справедливо писал Д. С. Лихачев в своем монументальном труде «Повесть временных лет» (ч. 1 и 2. М.; Л., 1950). Таким образом, третья редакция «Повести временных лет» – это летопись старшего сына Мономаха – Мстислава, бывшего до 1118 г. новгородским князем, а затем переехавшего на юг. Редакция эта сочувственна Мстиславу и его отцу – Мономаху, она отражает новгородско-ладожские предания и отмечает новгородско-ладожские события. Нам понятно также, почему именно летописец Мстислава воспользовался для своей работы «Повестью временных лет» во второй редакции. Как следует из приписки Сильвестра, вторая редакция составлялась в «княжом» «мономашьем» монастыре и была летописью отца Мстислава – самого Владимира Мономаха. Действительно, вторая редакция «Повести временных лет», как, естественно, и третья редакция в перешедшем к ней от второй редакции материале, отражала несомненное сочувствие Владимиру Мономаху, идеализировала его [4, с. 128–129]. Для уяснения причин благожелательного отношения второй редакции «Повести временных лет» к Владимиру Мономаху и его деяниям следует добавить, что Сильвестр был игуменом в Михайловском Выдубицком монастыре, основанном отцом Владимира Мономаха Всеволодом Яросла-

вичем, который являлся «княжим» семейным монастырем в его роду [4, с. 473]. Несомненно, игумен «княжего» Выдубицкого Михайловского монастыря являлся современником Владимира Мономаха, был лично с ним знаком и, будучи игуменом «княжего» монастыря, пользовался его поддержкой и благодеяниями. Безусловно, это повлияло на упоминание положительной характеристики и деяний Владимира Мономаха в летописи Сильвестра и недоброжелательное отношение к личностям его соперников и конкурентов, прежде всего, предшественника на киевском великокняжеском престоле – Святополка Изяславича. Это обусловило необъективный характер описания Владимира Мономаха и его поступков в отношении Туровского княжества и его наследников.

В чем же конкретно проявилась недоброжелательность Владимира Мономаха в отношении Туровского княжества и его наследников? Туровское княжество по завещанию Ярослава Владимировича Мудрого в 1054 г. было выделено Изяславу, старшему его сыну на момент составления распоряжения о наследовании. Это давало преимущественные права наследования киевского великокняжеского престола. В Туровском княжестве сложилась своя династическая наследственная линия преемников на туровском престоле (Изяслав Ярославич – 1052–1078 гг., Ярополк Изяславич – 1078–1087 гг., Святополк Изяславич – 1087–1113 гг.). Как старшая в Ярославовом потомстве эта наследственная линия туровских князей пользовалась преимущественным правом наследования Киевского великокняжеского престола. Поэтому после смерти в 1093 г. киевского великого князя Всеволода киевский великокняжеский престол легитимно занял представитель туровской династической линии Изяславичей – Святополк Изяславич, а не сын умершего великого князя киевского Всеволода Ярославича (младшего сына Ярослава Владимировича) Владимир Всеволодович Мономах. В 1093 г. Владимир Мономах вынужден был согласиться с вокняжением в Киеве на великокняжеском престоле Святополка Изяславича, князя туровского, как представителя старшей наследственной линии в потомстве Ярославичей.

В 1113 г. после смерти великого князя киевского Святополка Изяславича, заняв киевский великокняжеский престол, Владимир Мономах изменил свое отношение к порядку наследования киевского великокняжеского престола. Став великим князем киевским, будучи сам многодетным отцом, озабоченный проблемами устройства личных судеб своих многочисленных девяти сыновей и трех дочерей, Владимир Мономах решил закрепить в своем роду наследование киевским великим княжением, что давало больше возможностей для устройства личных судеб в своей семье. Однако для этого нужно было устранить конкурентов, имевших легитимное право наследования киевского престола. Такими конкурентами были, прежде всего, представители старшей династической линии в Ярославовом потомстве – туровские князья Изяславичи и черниговские князья Святославичи. Из туровских князей наиболее опасным претендентом был владимирский князь Ярослав Святополчич, сын киевского великого князя и туровского князя Святополка Изяславича. Княжение его отца Святополка Изяславича на киевском великокняжеском престоле (1093–1113 гг.) давало право Ярославу Святополчичу претендовать на киевский великокняжеский престол. Принадлежность к старшей наследственной линии в роду делало это право преимущественным. Усиливало эти права владение Туровским княжеством, с которого, как правило, переходили на киевский великокняжеский престол Святополк Владимирович I в 1015 г., Изяслав Ярославич в 1054 г., Святополк Изяславич II в 1093 г. В этой связи Владимир Мономах, когда стал великим князем киевским, решил оставить Ярослава Святополчича князем владимирским, но не передавать ему Туровское княжество, которое до смерти Святополка Изяславича считалось княжеством последнего. Ярослав Святополчич, сознавая, что наличие наследственных династических прав усиливает его легитимные права на киевский великокняжеский престол, решил бороться за свои права. В 1117 г. он выступил против Владимира Мономаха, но после длительной осады Владимира сдался Мономаху и потерял Владимирское княжение, но в 1123 г., возвратившись из изгнания с помощью венгерских, польских и чешских войск, он погиб при объезде осажденного Владимира.

После гибели Ярослава Святополчича в роду туровских Изяславичей не нашлось преемника, способного достойно представить старшую Изяславову ветвь в претензиях на Великое княжество

Киевское. Малолетние сыновья Святополка Изяславича Брячислав (1185–1127 гг.) и Изяслав (ум. в 1127 г.) не могли оказать достойной конкуренции великому киевскому князю Мономаху и его многочисленным сыновьям. Владимир Мономах добился своего. Старшая в Ярославовом потомстве наследственная линия Изяславичей была выбита из права наследования Великого княжества Киевского и лишена туровского престола – безжалостно и противозаконно. При этом были попораны и завещание Ярослава 1054 г. о престолонаследии и распределении вотчин, и постановления Любечского съезда князей 1097 г. о закреплении «отчин», и крестное целование, освящавшее это совместное постановление, и вековые законы о преимущественном праве старших наследников. Такова общая правовая оценка антиправной деятельности Мономаха в отношении Туровского княжества.

Помимо *правовой оценки* деятельности Мономаха в отношении старшей в Ярославовом наследии Изяславовой династии и Туровского княжества существует и моральная сторона вопроса, вернее, не моральная, а аморальная сторона.

Одним из важнейших источников по этому вопросу является опубликованное в третьей редакции «Повести временных лет» «Поучение», написанное Владимиром Мономахом в 1117 г. (вставкой включено в текст «Повести временных лет» под 1096 г.). Прежде всего, следует отметить общий восхваляющий тон «Поучения», прославляющий самого автора и напоминающий саморекламу и самолюбование. В обширном тексте «Поучения» [1, с. 153–170] значительная часть (с. 153–157) посвящена вопросам соблюдения высокоморальных принципов человеческого поведения и общения, братолюбия и благочестия. В практической повседневной действительности Владимир Мономах, автор «Поучения», довольно далеко отходит от этих провозглашенных принципов. Особенно отчетливо это проявляется в отношениях с представителями туровской княжеской династической линии Изяславичей, имевшей преимущественные права на киевский великокняжеский престол. Опасаясь конкуренции Изяславовой династии туровских князей, Владимир Мономах, став великим князем киевским, последовательно и настойчиво проводит политику снижения возможностей этой туровской княжеской династии принимать участие в занятии великокняжеского престола. С этой целью он отказался передать Туровское княжество Ярославу Святополчичу после смерти его отца Святополка Изяславича, великого князя киевского и туровского в 1113 г. По-видимому, он в переходе Ярослава Святополчича с владимирского престола на Туровское княжество видел усиление позиций Изяславичей, учитывая традиционно частый переход туровских князей на Великое княжество Киевское (Святополк Владимирович в 1015 г., Изяслав Ярославич в 1054 г., Святополк Изяславич в 1093 г.). Опасаясь усиления позиций туровских Изяславичей, Мономах отказывается в утверждении Ярослава Святополчича на Туровском княжестве. Подобная позиция Мономаха выглядит не очень симпатичной в моральном плане, особенно учитывая их близкие родственные отношения. Ведь отец Ярослава Святополк являлся двоюродным братом Владимира Мономаха, а сам Мономах был дядей Ярослава Святополчича.

В среде русских князей, современников Владимира Мономаха и зарубежных родственников и соседей в Польше, Венгрии и Чехии, отлично понимали и признавали обоснованность претензий туровских Изяславичей на киевский великокняжеский престол, необоснованность препятствий со стороны Владимира Мономаха наследственному владению Туровским княжеством Ярослава Святополчича после смерти его отца. Властители этих государств даже вооруженной силой оказывали помощь Ярославу Святополчичу. В этой ситуации позиция Владимира Мономаха выглядела *юридически необоснованной и некрасивой с моральной точки зрения*.

Недостойно выглядела позиция в отношении вдовы Святополка Изяславича Варвары (Ирины). Ее, великую княгиню, Владимир Мономах после смерти ее мужа Святополка Изяславича удалил из Киева и отправил в Туров «на дожитие». Вполне возможно, что она, византийская принцесса, дочь византийского императора Алексея I Комнина, воспитанная в условиях византийского императорского двора, имела склонность к участию в различных интригах. Несомненно, если такие действия проявлялись в ее поведении в Киеве, то это делало ее нежелательной жительницей

киевского княжеского двора. Однако вполне возможно и другое предположение – она была нежелательным свидетелем и моральным укором Владимиру Мономаху из-за его отношения к туровским князьям, ее родственникам. Сознвая недостойность своих поступков в отношении туровских князей, Мономах и удалил из Киева нежелательного свидетеля – вдову Святополка Изяславича.

Несомненным моральным укором Владимиру Мономаху служило воспоминание о том, что, защищая интересы его отца Всеволода Ярославича, отец Святополка Изяславича, великий киевский и туровский князь Изяслав Ярославич, сложил свою голову на Нежатиной ниве у Чернигова 3 октября 1078 г.

Ни моральные соображения по поводу смерти Изяслава Ярославича в защиту его отца Всеволода Ярославича, по поводу лишения Туровского княжества своего племянника Ярослава Святополчича, по поводу изгнания из Киева вдовы его брата Святополка, ни общественное осуждение, вставшее на защиту Ярослава Святополчича, не остановили Владимира Мономаха. Защищая интересы своего рода, он пренебрег общим осуждением и лишил Ярослава Святополчича его законного династического наследия – Туровского княжества. Старшей династической линии Ярославичей – туровским князьям – был нанесен жестокий удар. Туровское княжество получило тяжелый политический удар – его князья перестали быть первоочередными претендентами на киевский великокняжеский престол.

Виной этому были власть и политика великого князя киевского Владимира Мономаха. В личных интересах и интересах своего рода, своей династической линии он лишил старшую династическую линию Ярославичей – туровских Изяславичей – прав на занятие киевского великокняжеского престола.

Говоря современным языком, Владимир Мономах совершил злоупотребление своим личным положением великого князя киевского. В истории Туровского княжества это сыграло роковую роль. Туровское княжество во время Владимира Мономаха и его потомков – «мономашичей» перестало быть достоянием старшей династической линии в потомстве Ярославичей (временно), а сами туровские Изяславичи утратили не только преимущественное, но и вообще право претендовать на занятие престола великого князя киевского.

В истории Туровского княжества наступил новый этап – этап смутного времени.

Легитимность княжения

1. Туровское княжество.

1) Святополк Владимирович (988–1019 гг.) назначен туровским князем великим киевским князем Владимиром Святославичем – легитимно;

2) Ярослав Владимирович (1019–1052 гг.) – в результате изгнания с помощью военной силы легитимного туровского князя, старшего брата Святополка Владимировича – не легитимно;

3) Изяслав Ярославич (1052–1078 гг.) назначен туровским князем своим отцом великим киевским князем Ярославом Владимировичем – легитимно;

4) Ярополк Изяславич (1078–1087 гг.) – династическое наследование после смерти своего отца туровского князя Изяслава Ярославича – легитимно;

5) Святополк Изяславич (1087–1113 гг.) – династическое наследование после смерти старшего брата туровского князя Ярополка Изяславича – легитимно;

6) Ярослав Святополчич в 1113 г. лишен династического наследования Туровским княжеством новым великим киевским князем Владимиром Мономахом, что противоречит праву династического владения Изяславичами Туровским княжеством: а) по завещанию Ярослава Владимировича в 1054 г.; б) по порядку престолонаследия в Древней Руси; в) по постановлению Любечского съезда князей 1097 г.; г) по крестному целованию, утвердившему постановления Любечского съезда. Это противоречит также принципам мира и братолюбия, изложенным Ярославом в «Починении детям» (написано в 1117 г., опубликовано в 1096 г.), что является лицемерием и саморекламой – провозглашать одно, делать противоположное.

Таблица 1. Туровские князья

Table 1. The Turov princes

№ п/п	Князь Туровского княжества	Дата	Право	Легитимность
1	Святополк Владимирович	988–1019	+	назначен великим князем киевским Владимиром
2	Ярослав Владимирович	1019–1052	–	назначен военной силой, нарушая право
3	Изяслав Ярославич	1052–1078	+	назначен великим князем киевским Ярославом
4	Ярополк Изяславич	1078–1087	+	династическое наследование после Изяслава Ярославича
5	Святополк Изяславич	1087–1113	+	династическое наследование после Ярополка Изяславича
6	Ярослав Святополчич	лишен	–	лишен великим князем киевским Владимиром Мономахом династического наследования

2. Киевские великие князья. Туровские князья на киевском великокняжеском престоле.

1) Владимир Святославич (980–1015 гг.) занял киевский престол после убийства старшего брата Ярополка – не легитимен;

2) Святополк Владимирович (1015–1019 гг.) стал великим киевским князем после смерти отца – легитимен;

3) Ярослав Владимирович (1019–1054 гг.) стал великим киевским князем после свержения старшего брата Святополка Владимировича в 1019 г. – не легитимен;

4) Изяслав Ярославич (1054–1068; 1070–1072; 1076–1078 гг.) стал великим киевским князем после смерти отца – легитимен;

5) Всеслав Брячиславич, полоцкий (1068–1069 гг.) стал великим киевским князем в результате восстания в Киеве в 1068 г. – не легитимен;

6) Святослав Ярославич, черниговский (1072–1076 гг.) стал великим киевским князем после свержения старшего брата Изяслава Ярославича – не легитимен;

7) Всеволод Ярославич (1078–1093 гг.) – стал великим киевским князем после смерти старшего брата Изяслава Ярославича – легитимен;

8) Святополк Изяславич (1093–1113 гг.) – стал великим киевским князем по наследованию после Всеволода Ярославича как представитель старшей ветви Ярославичей – легитимен;

9) Владимир Всеволодович Мономах (1113–1125 гг.) – легитимен.

Таблица 2. Легитимность князей Великого княжества Киевского

Table 2. The princes legitimacy of the Great Kyev Principaty

№ п/п	Великий киевский князь	Годы	Легитимность	Основание
1	Владимир Святославич	980–1015	–	убийство великого князя киевского, брата Ярополка
2	Святополк Владимирович, туровский	1015–1019	+	династическое право старшего сына
3	Ярослав Владимирович	1019–1054	–	свержение старшего брата Святополка
4	Изяслав Ярославич, туровский	1054–1068 1070–1072 1076–1078	+	династическое право старшего сына, Ярославичи, I поколение
5	Всеслав Брячиславич, полоцкий	1068–1069	–	избран восставшими в 1068 г.
6	Святослав Ярославич, черниговский	1072–1076	–	свержение старшего брата Изяслава
7.	Всеволод Ярославич, переяславский	1078–1093	+	наследование Ярославичей, I поколение
8.	Святополк Изяславич, туровский	1093–1113	+	Ярославичи, II поколение
9.	Владимир Всеволодович Мономах	1113–1125	+	Ярославичи, II поколение

3. Частота упоминаний значащих титулов туровских князей.

Упоминание Туровского княжества в древнерусских летописях с применением значащего прилагательного, обозначающего самостоятельность конкретного владения, административной единицы, применявшегося древними летописцами (княжество, волость, область, земля), является убедительным доказательством самостоятельности существования конкретной административной единицы в составе древнерусского государства с центром в г. Киеве. Использование такого названия

применительно к Турову свидетельствует об осознании в современном летописцу обществе определенной этим термином отдельной самостоятельной административной единицы в составе общего государственного образования – Великого княжества Киевского с единым центром в г. Киеве.

В Великом княжестве Киевском были объединены в X в. племенные **княжения**, образовавшиеся на этнической основе (полян, древлян, дреговичей, кривичей, словен новгородских). В конце X в. с помощью великой административной реформы Владимира Святославича, великого князя киевского, они были преобразованы в территориальные феодальные княжества, находившиеся в феодальной зависимости и подчиненности центральному государственному органу – Великому княжеству Киевскому. Они по-разному называются в летописи – княжество, область, волость, земля. Однако по своему социальному содержанию они все равнозначны – это самостоятельные политические объединения обширных территорий, подчиненных центральному государственному объединению – Великому княжеству Киевскому. Наиболее частой формой названия является термин «волость». Этот термин в Ипатьевской летописи применительно к Киевскому владению применен 5 раз, Смоленскому – 5 раз, Полоцкому – 2 раза, Переяславскому – 1 раз. При этом эти владения не имеют других форм названия.

При упоминании Туровского владения используются две формы названия – княжество (3 раза – 1054, 1088, 1274 гг.) и волость (4 раза – 1077, 1140, 1154, 1155 гг.). При общем количестве названий владений – 7 раз (княжество – 3 раза и волость – 4 раза) оно явно превосходит по количеству таких названий в Полоцком (2 раза) и Переяславском (1 раз) владениях, в самостоятельном существовании которых никто не сомневается. Такое преимущественное количество владений в Туровском княжестве лишний раз подтверждает и подчеркивает самостоятельность туровского политического образования (княжества, волости) вопреки необоснованным попыткам объявить Туровское княжество частью Киевского княжества. Иллюзию единения с Киевской землей Туровского княжества придает единовременное правление Туровским и Киевским княжествами одних и тех же князей в XI в.: Святополка Владимировича (1015–1019 гг.), Ярослава Владимировича (1019–1054 гг.), Изяслава Ярославича (1054–1078 гг.), Святополка Изяславича (1093–1113 гг.). Однако следует учитывать, что на киевский великокняжеский престол они восходили, будучи туровскими князьями (Святополк Владимирович с 988 г., Изяслав Ярославич с 1052 г., Святополк Изяславич с 1087 г.). Относительно Ярослава Владимировича следует иметь в виду владение им Киевским и Туровским княжествами военным нелегитимным путем.

Таблица 3. Название владений. Ипатьевская летопись

Table 3. The title of the possessions. The Ipatiev chronicle

№ п/п	Наименование	Княжество	Волость	Область	Земля
1	Киевская	–	5	–	–
2	Полоцкая	–	2	–	–
3	Переяславская	–	1	–	–
4	Смоленская	–	5	–	–
5	Туровская	3(1054, 1088, 1274 гг.)	4(1077, 1140, 1154, 1155 гг.)	–	–
6	Пинская	–	–	–	1
7	Деревьская	–	2	–	1

Таким образом, исходя из истории Туровского княжества X–XI вв., можно сделать следующие выводы:

- 1) Туровское княжество сформировалось в конце X в. на базе восточнославянского племенного княжения дреговичей – одного из наиболее развитых восточнославянских племен;
- 2) Туровское княжество выделилось в конце X в. из объединенного восточнославянского Великого княжества Киевского в результате реализации административной реформы 988 г., заменившей племенное устройство восточнославянских племен раннефеодальными княжествами, находившимися в феодальной зависимости от центральной власти Великого княжества Киевского;
- 3) Туровское княжество выделилось из состава Великого княжества Киевского одновременно и на равных правах с другими восточнославянскими княжествами – Новгородским, Полоцким, Ростовским, Владимиро-Волынским;

4) Туровское княжество занимало в X–XI вв. почетное место в системе других княжеств Киевской Руси. Оно трижды при разделах Великого княжества Киевского выделялось старшим сыновьям великого киевского князя – в 988 г. третьему по старшинству сыну Святополку Владимировичу, в 1054 г. старшему сыну Ярослава Владимировича – Изяславу Ярославичу, в 1125 г. третьему сыну Владимира Мономаха – Вячеславу Владимировичу;

5) туровские князья как представители старших ветвей великих киевских князей Владимира Святославича (980–1015 гг.), Ярослава Владимировича (1019–1054 гг.) имели преимущественное право и легитимно занимали престол великого князя киевского в XI – начале XII в. (Святополк Владимирович в 1015–1019 гг., Изяслав Ярославич в 1054–1078 гг., Святополк Изяславич в 1093–1113 гг.);

6) в Туровском княжестве с середины XI в. сложилась устойчивая наследственная старшая династия князей Ярославичей – Изяслава и его сыновей, легитимных наследников туровского престола – Ярополка, Святополка, которая после перерыва в первой половине XII в. восстановила династическую преемственность во второй половине XII в. (с 1158 г.) и в XIII в.;

7) единовременное и единоличное нахождение туровских князей на киевском великокняжеском престоле создавало иллюзию единства, но вовсе не означало слияния Туровского и Киевского княжеств, Туровское княжество продолжало сохранять свою самостоятельность (территорию, название, организацию);

8) нелегитимными действиями Владимира Мономаха (великий князь киевский 1113–1125 гг.) в нарушение завещания Ярослава Владимировича (1054 г.) и постановлений Любечского съезда князей 1097 г. был лишен наследственного владения Туровским княжеством Ярослав Святополчич после смерти отца, туровского и великого князя киевского Святополка Изяславича в 1113 г. Легитимные наследственные туровские князья старшей династии Ярославичей были лишены Туровского княжества и права на киевский великокняжеский престол в пользу младшей ветви Ярославичей – Всеволодовичей, к которой принадлежал Владимир Мономах.

Список использованных источников

1. Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1372 г. (текст и перевод). – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. I. – 404 с.
2. Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – Т. II. – 1016 с.
3. Латышев, В. В. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. – Вып. 1: Константин Багрянородный / В. В. Латышев. – Серия: Известия ГАИМК. – Вып. 91. – М.: ОГИЗ, 1934. – 74 с.
4. Лихачев, Д. С. Повесть временных лет / Д. С. Лихачев, Б. А. Романов. – Ч. II. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 1063 с.
5. Лысенко, П. Ф. Дреговичи / П. Ф. Лысенко. – Минск: Наука и техника, 1991. – 244 с.
6. Лысенко, П. Ф. Древний Туров / П. Ф. Лысенко. – Минск: Беларуская навука, 2004. – 180 с.: ил.
7. Шахматов, А. А. Повесть временных лет. – Вводная часть. Текст. Примечание / А. А. Шахматов. – Пгр., 1916. – Т. I. – Пгр.: Изд-во Императ. Академии наук, 1916. – 487 с.

References

1. The tale of bygone years according to the Laurentian Codex of 1372 (text and translation). M.-L., Publishing House of the USSR, 1950, part I, 404 p. (in Russian).
2. Full collection of Russian Chronicles. The Ipatiev chronicle. Moscow, Publishing House of Oriental literature, 1962, vol. II, 1016 p. (in Russian).
3. Latyshev V. V. Reports of the Byzantine writers of the Northern black sea region. Issue. 1. Constantine Porphyrogenitu. Series: proceedings of GAMC. Issue. 91. M.: ogiz, 1934. 74 p. (in Russian).
4. Likhachev D. S., Romanov B. A. Tale of bygone years. Part II. M.-L.: Publishing House of the USSR, 1950. 1063 p. (in Russian).
5. Lysenko P. F. Dregovich. Minsk, Science and technology, 1991. 244 p. (in Russian).
6. Lysenko P. F. Ancient Turov. Minsk, Bel. Nauka Publ., 2004. 180 p.: Il. (in Russian).
7. Shakhmatov, A. A. the Tale of bygone years. – Introductory part. Text. Note. PRTs., 1916. Vol. I, PGR.: Imperial ed. Academy of Sciences, 1916. 487 p. (in Russian).

Информация об авторе

Лысенко Петр Федорович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: ii@history.by.

Information about the author

Pyotr F. Lysenko – D. Sc. (Hist.), Professor, Chief Scientific Researcher. Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: ii@history.by.

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 94.476+94(44) (091)

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-432-442>

Паступіў у рэдакцыю 26.07.2019

Received 26.07.2019

В. А. Пілецкі

Мінскі іннавацыйны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

ПРАБЛЕМА СВЕЦКАСЦІ ВЫХАВАЎЧА-АДУКАЦЫЙНАГА ПРАЦЭСУ Ў ГІСТОРЫІ І СУЧАСНАСЦІ (НА ПРЫКЛАДЗЕ БЕЛАРУСІ І ФРАНЦЫІ)

Анотацыя. Проанализирована проблема светскости воспитательно-образовательного процесса в истории и современности на примере Беларуси и Франции. Показано сущностное отличие «воспитательно-образовательной», светской деятельности школы от конфессионально-воспитательной (доктринальной) деятельности церковных структур. Сделан экскурс в историю борьбы за светскость школьного дела в двух названных регионах. Показаны отдельные вехи становления светской школы на протяжении веков. Подчеркнута сложность этого процесса. Обозначены как периоды успехов, так и досадные примеры откатывания назад к реалиям средневековья, обусловленные чаще политическими факторами.

Ключевые слова: христианство, светскость, Конкордат Наполеона, народные училища, «Эдукационная комиссия», гимназии, Великая французская революция, гражданское обустройство духовенства, Положение о реальных училищах, схоластика, изгнание иезуитов, церковно-приходские школы, Устав гимназий

Для цитирования. Пілецкі В. А. Праблема свецкасці выхаваўча-адукацыйнага працэсу ў гісторыі і сучаснасці (на прыкладзе Беларусі і Францыі) // Весті Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 4. – С. 432–442. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-432-442>

V. A. Piletsky

Minsk Innovative University, Minsk, Belarus

PROBLEM OF SECULARITY OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN HISTORY AND PRESENT (THROUGH THE EXAMPLES OF BELARUS AND FRANCE)

Abstract. The problem of secular educational process in the history and the present on the example of Belarus and France is analyzed. Essential difference between «educational» secular activities and religious-educational (doctrinal) of Church structures is presented. Retrospective journey into the history of struggle for secularism of school affairs in these two regions. Individual milestones in the development of secular schools for centuries are demonstrated. Complexity of the process is emphasized. Both periods of success and unfortunate examples of rolling back to the realities of middle ages, caused more often by political factors, are indicated.

Keywords: Christianity, secularism, the Concordat of Napoleon, public schools, education Commission, school, French revolution, civil construction of clergy, Statute on real schools, scholasticism, the expulsion of the Jesuits, parochial schools, Charter of schools

For citation. Piletsky V. A. Problem of secularity of the educational process in history and present (through the examples of Belarus and France). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 4, pp. 432–442 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-432-442>

Праблема свецкасці «выхаваўча-адукацыйнага працэсу» (альбо «адукацыйна-выхаваўчага», у залежнасці ад першаступеннасці задач у кожным канкрэтным гістарычным перыядзе [1, с. 292]) даволі складаная для навуковага аналізу найперш таму, што яна да сённяшніх дзён захоўвае сваю палітычную актуальнасць. Тэрмін «свецкі» тут і далей разумеецца ў сэнсе «не царкоўны», «не духоўны», «грамадзянскі» [2].

Вядома, што важную ролю ў жыцці еўрапейскіх краін нават у XXI ст. адыгрывае сусветная рэлігія хрысціянства, якая мае сваіх шматлікіх прыхільнікаў у розных дзяржавах свету. Царкоўныя структуры каталіцтва і праваслаўя як двух важнейшых хрысціянскіх кірункаў (канфесій) выконваюць выключную ролю ў жыцці еўрапейскага грамадства – дапамагаюць чалавецтву (грамадству і асобна кожнаму чалавеку) у наш даволі складаны перыяд гісторыі, насычаны «высокімі хуткасцямі» (навуковымі, эканамічнымі, інфармацыйнымі, палітыка-ідэалагічнымі і інш.),

заставацца людзьмі і памятаць пра тое, што чалавек (хоць ён і «*цар прыроды*»), як некалі гаварылі ў СССР), нягледзячы на яго велізарныя магчымасці ў розных галінах свайго існавання, асабліва ў цяперашнім XXI стагоддзі, без «божай падтрымкі» (без веры) часцей за ўсё ператвараецца ў «істоту» альбо «лісціка, які гайдаецца на паветры».

Аўтарытэт хрысціянства ў свеце ўмацоўваецца. Колькасць прыхільнікаў імкліва расце. Нашы сучаснікі, як правіла, пісьменныя людзі. А таму існуе значная частка аўтараў і публікацый, асабліва ў інтэрнэт-прасторы, якія свядома (а хтосьці і не наўмысна) навукападобна заблытваюць праблему свецкасці выхаваўча-адукацыйнага працэсу.

Іх матывацыя зразумелая. Касцёльныя (царкоўныя) структуры прагнуць злучыць сваю дзейнасць са школьнай справай, імкнуцца пашырыць свой удзел у школьным адукацыйным працэсе, зрабіць абавязковым выкладанне царкоўных прадметаў, дамагчыся дзяржаўнага фінансавання і маральна-палітычнага панавання царквы над грамадствам, падобна перыяду сярэдневяковай гісторыі.

Для гэтага выкарыстоўваецца аб'ектыўна існуючая блізкасць задач, форм і метадаў ажыццяўлення выхаваўча-адукацыйнага працэсу і канфесійна-дактрынальнай дзейнасці царкоўных структур. Грамадству навязваецца думка пра аднатыпнасць дзейнасці, форм працы і задач, мэт школы і царквы. Гэтыя дзве структуры падаюцца, як аднолькавыя («тоесныя»), маўляў, «несправядліва» адзеленыя адна ад другой. Такія меркаванні засноўваюцца на Свяшчэнным Пісанні: «...идите и научите ... народы...» (Евангелле ад Матфея [3]). Усё гэта вядзе да пераканання, што «вучыць» – гэта адзіны магчымы працэс. Не важна «чаму вучыць?», «як вучыць?» і «у імя чаго вучыць?» – галоўнае вучыць.

Іншымі словамі, усё вынікае з кантэксту падобных публікацый сведчыць пра тое, што і «школа», і «царква» выконваюць у грамадстве практычна адну і тую ж функцыю. Выснова з гэтых размоў напрашваецца сама сабой: «чаму ж не аб'яднаць іх намаганні», чаму не зрабіць «Закон Божы» абавязковым прадметам у школах, каледжах, ліцэях і ВНУ? Ад гэтага, маўляў, выйграюць усе, асабліва грамадства, якое стане яшчэ больш «выхаванае», «маральнае», богападобнае і г. д.

Паспрабуем спыніцца на сутнасным адрозненні «выхаваўча-адукацыйнай» (альбо «адукацыйна-выхаваўчай») *свецкай* дзейнасці школы ад канфесійна-выхаваўчай дзейнасці царкоўных структур, на «гісторыі» вызначанай праблемы, з якой таксама нельга не рабіць высновы ў імя будучыні.

Адзначым спачатку, што вывучэнне гістарычнага мінулага чалавецтва пераканаўча сведчыць: свабода выхаваўча-адукацыйнага працэсу ад уплыву канфесій на працягу існавання таго ці іншага рэгіёна, народа (этнасу), краіны (дзяржавы) адыгрывала выключна важную ролю. Яна была індикатарам сапраўднай свабоды грамадства, паказчыкам яго магчымасці рухацца да прагрэсу, быць незалежным ад клерыкалізму, які заўсёды быў для яго стрымліваючым фактарам [4]. Наяўнасць свецкасці школы ў значнай ступені характарызуе самую сутнасць існавання таго ці іншага грамадства ў гісторыі, тую сітуацыю, у якой развіваецца названы рэгіён, этнас альбо дзяржава.

Перш за ўсё маецца на ўвазе наяўнасць умоў для выразнага размежавання выхаваўча-адукацыйнага працэсу, з аднаго боку, і функцыянавання царкоўнай структуры – з другога. Наяўнасць свецкасці забяспечвае магчымасць рэалізацыі менавіта адукацыйна-выхаваўчых задач, якія маюць у дадзеным выпадку атрыбутыўны (неад'емны) характар паспяховасці грамадства, уласцівых менавіта адукацыйна-выхаваўчаму працэсу.

Любая рэлігія прэтэндуе на выхаванне грамадзян у адпаведнасці са сваёй дагматыкай. Выхаваўча-адукацыйны працэс як асобная сфера жыцця грамадства з'яўляецца даволі блізкай дзейнасцю (па формах рэалізацыі задач, якія стаяць на парадку дня) з той, якой займаецца царкоўная структура любой канфесіі.

Адрозненне заключаецца толькі ў тым, што царква прэтэндуе на ўкараненне ў свядомасць чалавека рэлігійна-дагматычных ведаў з мэтай карэкцыі яго светапогляду і павелічэння тым самым шэрагаў сваіх прыхільнікаў, «вернікаў», якія складаюць базу папаўнення даходаў канфесіі і ўзмацнення яе пазіцый у дадзеным канкрэтным грамадстве і ў свеце, калі гэта сусветная рэлігія. Тэрмін «вернікі» вельмі трапна адлюстроўвае рэчаіснасць – яны, менавіта вернікі, больш

дакладнае слова знайсці немагчыма, паколькі ў аснове царкоўнага веравучэння ляжыць тэзіс: «верую – не верую», а ў аснове навуковых ведаў – эксперыментальна- доказы падыход.

Для навуковага падыходу «*навукова тое, што супадае з аб'ектыўнай рэчаіснасцю і пацвярджаецца эксперыментальна*». Сутнасць выхаваўча-адукацыйнага працэсу заключаецца ў перадачы маладым людзям назапашанага былымі пакаленнямі грамадзян грамадска-значнага (найперш навуковага) вопыту, прычым менавіта ў перыяд іх фізічнага сталення і маральна-псіхалагічнага станаўлення. А перадаваемы вопыт, як вядома, мае як рацыянальны (найперш навуковы) складнік, які на працягу стагоддзяў і тысячагоддзяў з'яўляўся асноўным з фактараў, што забяспечвалі выжыванне чалавецтва і паступальнае развіццё грамадства ў гістарычнай перспектыве, так і выхаваўчыя каштоўнасці. Апошнія, як вядома, таксама з'яўляюцца рацыянальна-выверанымі мінулымі пакаленнямі, менавіта тымі, якія неабходны чалавеку на стадыях яго сталення ў мэтах станаўлення паўнапраўнага чалавека і грамадзяніна. Яны ўключаюць у сябе цэлы комплекс маральна-этычных, культурных, псіхалага-паводзінскіх, светапоглядных і навуковых каштоўнасцей, неабходных асобнаму чалавеку для жыцця, а таксама як сацыяльна-адказнаму грамадзяніну для паспяховага развіцця формаў існавання грамадства і прасоўвання яго на новыя перспектывы рубяжы гістарычнай эвалюцыі.

Выхаваўчы эффект ад дзейнасці царквы таксама, безумоўна, маецца. Рэлігійна-царкоўная дагматыка, вядома, грунтуецца на агульначалавечых каштоўнасцях (у тым ліку і рацыянальна-вывераных, тых, якія распрацоўваліся грамадствам на працягу гісторыі развіцця выхаваўча-адукацыйнага працэсу). Тым самым, яна часткова станоўча ўплывае і на развіццё выхаваўча-адукацыйнага працэсу. Але, тым не менш, трэба мець на ўвазе, што блізкасць формаў і метадаў дзейнасці канфесійных структур з адукацыйна-выхаваўчымі ўстановамі ні ў якім разе не робіць іх тоеснымі.

Адрозненне заключаецца ў тым, што царква распаўсюджвае рэлігійную дагматыку, а ў працэсе адукацыйна-выхаваўчай дзейнасці рэалізуюцца выключна грамадска-значныя задачы па перадачы рацыянальных ведаў і сацыяльнага досведу, неабходнага для грамадскага прагрэсу.

Інакш кажучы, грамадству XXI стагоддзя, каб рухацца наперад, патрэбна свецкая школа. «Свецкая школа, – як адзначыў адзін з вядомых педагогаў сучаснай Расіі Яўген Ямбург, – гэта тэхніка бяспекі» [5], тэхніка бяспекі грамадства ад клерыкалізму, засілля ў навуцы і адукацыі, спусташэння рацыянальнага і ператварэння яго ў дагматычна-схаластычнае.

Але ці павінна сучасная школа быць атэістычнай? Думаецца, наўрад ці. Духоўныя якасці (іх непахіснасць для выхаванага чалавека) гэта тое, чаго не стае ў сучасным грамадстве. І тут, безумоўна, хрысціянскія каштоўнасці (для вернікаў іншых рэлігій – іншыя) могуць быць той базай, на якой ідзе выхаванне чалавека XXI стагоддзя. Самае важнае тут – не бытаць «духоўнасць» і «клерыкалізм», не ператвараць царкву ў маральнага цензара грамадства і не надаваць ёй абавязковыя функцыі ў дзяржаве (школе, ССНУ, ВНУ). Свабода сумлення, свабода выбару для чалавека, «у што верыць», «як верыць» і «ці верыць увогуле» – гэта аснова грамадзянскай свабоды.

Каб яшчэ больш выразна паказаць гісторыю «праблемы свецкасці», высветліць тыя памылкі, якія можа зрабіць грамадства XXI стагоддзя (у любой з еўрапейскіх краін), якое злучыць «школу» і «царкву», звернемся да гісторыі. Спынімся на праблеме свецкасці выхаваўча-адукацыйнага працэсу ў Еўропе на мяжы XVIII–XIX стст. (на прыкладзе Беларусі і Францыі).

Аktуальнасць дасягнення свецкага характару выхаваўча-адукацыйнага працэсу ў названы перыяд і вастрыня гэтай праблематыкі вызначаліся задачамі развіцця грамадства, што фарміраваліся яшчэ ў больш раннія стагоддзі. Завяршэнне перыяду сярэдневякоўя, крызіс і падзенне феадальна-прыгонніцкага ладу пад ударам пашырэння таварна-грашовых адносін «спарадзілі» эпоху Адраджэння, падчас якой так званае «трэцяе саслоўе» (будучы клас буржуазіі) умацавалася, стварыла сваю гуманістычную ідэалогію як антыпод царкоўна-схаластычнаму разуменню рэчаіснасці, прапагандуемую царкоўна-дактрынальнымі структурамі.

На змену перыяду эпохі Адраджэння ў беларускай культуры, як і ў еўрапейскіх краінах (і Францыі ў тым ліку), прыйшоў перыяд контррэформы. Пасля Люблінскай уніі 1569 года віленскі біскуп Валерыян Пратасевіч запрасіў у ВКЛ 13 прадстаўнікоў ордэна езуітаў. Праз год іх ужо было каля 300 чалавек (місіянеры, багасловы, прапаведнікі). Яны разгарнулі буйнамаштабную

дзеінасць па аднаўленні страчаных за перыяд рэфармацыі пазіцый каталіцкага касцёла, а разам з тым і пашырэнні паланізацыі на тэрыторыі Беларусі. Пачаўся перыяд контррэфармацыі, які ізноў аднавіў пазіцыі царкоўнай прысутнасці ў выхаваўча-адукацыйным працэсе.

Праблема свецкасці адукацыі ў названы перыяд была даволі актуальнай для розных краін Еўропы. XVIII стагоддзе – гэта заключны этап дзейнасці ордэна езуітаў у Еўропе. Да гэтых часоў ордэн заявіў пра сябе як пра арганізацыю, што разгарнула найбольш актыўную дзейнасць у сферы выхаваўча-адукацыйнага працэсу. Нездарма педагагічная дзейнасць ордэна езуітаў – адзін з двух фундаментальных прынцыпаў («місіянерская дзейнасць і выхаванне юнацтва ў каталіцкай традыцыі»), распрацаваных яшчэ стваральнікам ордэна іспанскім дваранінам І. Лаёлам [6].

«У 1540 годзе ордэн налічваў толькі 10 рэгулярных членаў і не меў уласнай рэзідэнцыі. У 1556 годзе (на тэрыторыі розных дзяржаў. – В. П.) у яго было ўжо 12 правінцый, 79 дамоў і каля 1000 членаў. Праз 18 гадоў у 1574 г. існавала ўжо 17 правінцый, 125 калегій, 11 навіцыятаў, 35 пасяленняў і 4000 членаў. Праз пакаленне, у 1608 годзе, – 31 правінцыя, 306 калегій, 40 навіцыятаў, 21 дом прафесаў, 65 рэзідэнцый і місій, 10640 членаў...» [7]. А да 50–70-х гг. XVIII ст., калі езуітаў пачалі масава выганяць з розных краін Еўропы (з Партугаліі (1759), Францыі (1764), Іспаніі і Непаліа (1767)) і да часу фактычнай ліквідацыі ордэна ў 1773 годзе папам Кліментам XIV, гэта быў перыяд найбольшага распаўсюджвання езуіцкіх адукацыйных устаноў у розных краінах свету (у Беларусі і Францыі ў тым ліку). У гэты перыяд пад уплывам езуітаў знаходзілася абсалютная большасць сярэдніх і вышэйшых навучальных устаноў Заходняй Еўропы.

Францыя як адна з вядучых каталіцкіх краін мела велізарную колькасць езуіцкіх устаноў. Прафесар Бонскага, Марбургскага і Лейпцыгскага ўніверсітэтаў Генрых Бёмер (1869–1927) у сваёй кнізе «Гісторыя ордэна езуітаў» адзначаў: «...Ужо ў 1610 годзе ён (ордэн. – В. П.) налічваў у сваіх чатырох французскіх правінцыях 36 калегій, пяць навіцыятаў, адзін дом прафесаў, адну місію і каля 1400 членаў...» [8].

У распадаржэнні езуітаў былі розныя віды устаноў: *навіцыяты* (установы, прызначаныя для «навіцыяў»), што праходзілі 2-гадовы выпрабавальны тэрмін пры ўступленні ў члены ордэна); *езуіцкія калегіі* і *акадэміі* (выхаваўча-навучальныя ўстановы школьна-ўніверсітэцкага тыпу); *дамы прафесаў* («прафесы» – сапраўдныя члены ордэна, якія прайшлі ўсе выпрабаванні і мелі права ўдзельнічаць у кіраўніцтве ордэнам); *місіі* і *рэзідэнцыі* (установы, прызначаныя для выканання задач па распаўсюджванні ўплыву ордэна езуітаў у асобным рэгіёне) і інш.

«У 1640 годзе ордэн меў (у Францыі. – В. П.) 65 калегій, 2 акадэміі, 2 семінарыі, 9 пансіёнаў, 7 навіцыятаў, 4 дамы прафесаў, 16 рэзідэнцый, дзе было 2050 членаў...». Пазней «... у 1679 годзе: 83 калегіі, 5 семінарыі і пансіёнаў, 8 навіцыятаў, 5 дамоў прафесаў, 21 рэзідэнцыю і місію, дзе было больш за 2500 членаў». І нарэшце «... у 1750 годзе: 84 калегіі, 64 іншыя дамы з больш чым 4000 членамі...» [8].

Навукова-рацыянальны кантэкст дзейнасці школы, набыты за перыяд Адраджэння і Рэфармацыі ў краінах Еўропы, падчас контррэфармацыі быў практычна знішчаны і стаў панаваць сярэдневякова-схаластычны тып адукацыі. Грамадска-значная сфера выхавання і адукацыі ізноў, як і раней, апынулася ў руках царквы.

Схаластыка, як вядома, рэлігійная філасофія, якая характарызуецца спалучэннем багаслоўска-дагматычных мэт і задач з рацыяналістычнай метадыкай іх дасягнення і вырашэння. Асновай яе інструментарыю з’яўляецца фармальна-лагічная праблематыка, якая рэалізуецца праз рацыяналістычныя метады. Іншымі словамі, яна грунтуецца на фармальных ведах, якія зусім адарваны ад жыцця і прыродазнаўчай практыкі.

Навучанне ў сярэдневяковай схаластычнай школе адбывалася з дапамогай дыспутаў. Дыспут – «навуковая спрэчка», якая праводзіцца для высьвятлення «тэалагічнай альбо навуковай ісціны» шляхам спасылак на аўтарытэтныя пісьмовыя крыніцы (працы вядомых тэолагаў і інш.) і пільны аналіз аргументаў кожнага з бакоў, удзельнікаў дыспуту. Прадметам «навуковага» дыспуту (тэмай дыспуту) магло быць, напрыклад, пытанне: «*Колькі анёлаў магло б сесці (змясціцца) на востры канец іголки*» [9, с. 137–143]. Іншымі словамі, для схаластыкі было важна навучыць «навукападобна» спрачацца, умець прывесці аргументы ў пацвярджэнне нават зусім фантамнай, выдуманай (неіснуючай у жыцці) «ісціны». Гэта было выдатным спосабам падрыхтоўкі дагматыкаў, царкоўных

ідэолагаў (абаронцаў) пастулатаў, якія заснаваны на тэзісе «веру – не веру», не мелі ніякіх адносін да навукі і ніяк не падмацоўваліся жыццёвай практыкай.

Але гісторыя рухалася наперад. У другой палове XVIII ст. з’явілася ідэалогія Асветніцтва. На тэрыторыю Беларусі ідэі Асветніцтва прыйшлі з Еўропы. Гэты ідэйны рух з’яўляўся працягам гуманістычных традыцый Адраджэння, ён зарадзіўся ў Англіі ў канцы XVII ст., але сваю назву і найвышэйшае развіццё Асветніцтва атрымала ў Францыі ў XVIII ст.

Характэрнай рысай Асветніцтва было ўспрыманне (разуменне) асветы і навукі як магутнага рычага сацыяльнага прагрэсу. Замацаванню ідэалаў Асветніцтва ў грамадскай свядомасці спрыялі навуковыя адкрыцці ў прыродазнаўстве і дасягненні ў галіне гуманітарных ведаў. Гэтыя «адкрыцці» і «дасягненні» аказалі выключна моцнае ўражанне на найбольш адукаваных прадстаўнікоў грамадства. Большасць з іх пачала лічыць, што чалавецтва (у гісторыі) развіваецца ў першую чаргу таму, што развіваецца адукацыя, асвета і пашыраюцца навуковыя ведаў ў грамадстве.

З’яўленне ідэалогіі Асветніцтва было звязана з развіццём капіталізму. Гэта была новая спроба класа буржуазіі (пасля ідэалогіі Адраджэння, якая была прыніжана і амаль знішчана контррэфармацыяй) замацаваць свае светапоглядныя ідэалы і разуменне перспектывы эвалюцыі грамадскага прагрэсу ў якасці агульнапрынятых. Буржуазныя рэвалюцыі ў Нідэрландах (1566–1609) і Англіі (1642–1660) аслабілі пазіцыі контррэфармацыі ў Еўропе.

Але найбольшага выяўлення ідэалы Асветніцтва атрымалі ў Францыі, якая няўхільна рухалася ў бок Вялікай французскай рэвалюцыі (1789–1799). Там наступленне крызісу феадалізму было найбольш выразным. Французская буржуазія назапасіла буйныя капіталы, стала ўплывовай эканамічнай сілай. Яна патрабавала падпарадкавання эканомікі сваім інтарэсам і ўдзелу ў рэальным кіраванні краінай. Гэтаму замінала абсалютысцкая форма манархіі, што кіравала краінай. Кансерватыўна-каталіцкія сілы, духавенства і дваранства, якія ўмацавалі сваё становішча падчас контррэфармацыі, аб’ядналіся вакол каралеўскага двара і імкнуліся захаваць свой сярэдневякова-схаластычны погляд на развіццё грамадства ў якасці пануючага ў краіне. Ідэолагамі буржуазіі выступілі найбольш прагрэсіўныя на той час мысліцелі – Л. Мантэск’ё, Ф. Вальтэр, Ж.-Ж. Русо і інш., якія адстойвалі ідэал прыярытэту асветы і навукі ў развіцці грамадства і яго культуры.

Беларускае грамадства перажывала ў той перыяд не самыя лепшыя ў сваёй гісторыі гады. XVIII стагоддзе – гэта час палітычнага крызісу і смяротнай агоніі польска-беларуска-літоўскай дзяржавы – Рэчы Паспалітай. У канцы XVIII ст. адбыліся тры вядомыя падзелы Рэчы Паспалітай (1772, 1793, 1795), падчас якіх тэрыторыя гэтай краіны была назаўсёды разарвана моцнымі суседзямі (Аўстрыяй, Прусіяй і Расіяй), у выніку чаго беларускія землі апынуліся ў складзе царскай Расіі.

Яшчэ да падзелаў Рэчы Паспалітай у развіцці адукацыі Беларусі адбыліся важныя змены, накіраваныя на пашырэнне свецкасці. Глыбокае аднаўленне школьна-адукацыйных устаноў у Рэчы Паспалітай (а значыць, на тэрыторыі ВКЛ і Беларусі) адбылося, пачынаючы з другой паловы XVIII ст. Гэта было звязана перш за ўсё са зменамі ў эканамічным жыцці грамадства, з развіццём навукі і сацыяльна-палітычнай і рэлігійнай сітуацыяй у Еўропе. Пачалося ўсё з таго, што на тэрыторыі Рэчы Паспалітай, па-першае, распаўсюдзілася еўрапейская ідэалогія Асветніцтва, а па-другое, у 1773 годзе Папа рымскі забараніў дзейнасць ордэна езуітаў.

Гэтыя дзве перадумовы выклікалі карэнныя змены ў сістэме адукацыі краіны, якія захаваліся на тэрыторыі Беларусі да пачатку XIX ст. У выніку ліквідацыі ордэна езуітаў, які трымаў фактычна абсалютную большасць школьна-адукацыйных устаноў на тэрыторыі краіны, быў створаны спецыяльны орган па кіраванні выхаваўча-адукацыйным працэсам, што атрымаў назву «Адукацыйная камісія» (польск.: *Komisija Edukacji Narodowej*; рус.: «Эдукационная комиссия»; бел.: «Камісія Народнай Адукацыі»; «Камісія па нацыянальнай адукацыі» альбо «Адукацыйная камісія»).

Менавіта ў гэты час былі зроблены рашучыя крокі па ўсталяванні свецкай школы. Але, разам з тым, варта заўважыць, што гэтая праца тут была распачата не менш чым на дзесяцігоддзе раней. «У Рэчы Паспалітай яшчэ да скасавання закону езуітаў абмяркоўваліся планы... (у гэтым кірунку. – В. П.). Адукаваныя магнаты (А. Чартарыйскі, А. Замойскі і інш.) яшчэ ў часы Аўгуста III пачалі распрацоўваць асноўныя прынцыпы новай сістэмы выхавання і адукацыі. На канвакацыйным сойме ў 1764 г. А. Замойскі абвясціў агульны план яе пераўладкавання – секулярызацыю,

стварэнне Міністэрства асветы, наданне адукацыі нацыянальнага характару, сувязь выхавання з патрабаваннямі эканамічнага і палітычнага жыцця краіны» [10, с. 18].

«Камісія...» была заснавана ў 1773 г. соймам Рэчы Паспалітай (1773–1775 гг.). Мэтай арганізацыі такой структуры было правядзенне рэформаў у галіне выхаваўча-адукацыйнага працэсу краіны. Прычынай стварэння свецкай арганізацыі з функцыямі Міністэрства адукацыі была забарона рымскім папскім прастолам дзейнасці ордэна езуітаў у 1773. Дарэчы, у Расіі і на тэрыторыі Беларусі пасля яе далучэння да Расіі ён існаваў яшчэ да 1820 г., служыў, па меркаванні царска-расійскіх ідэолагаў, мэтам «заспакаення краю» пасля гвалтоўнай акцыі «далучэння».

Згодна з ўмовамі забароны ордэна ў Рэчы Паспалітай уся нерухомая маёмасць перадавалася ў вечную арэнду шляхце з абавязкам выплочваць 4,5% яе ацэначнага кошту ў год на карысць адукацыі. Для размеркавання атрыманых сродкаў і найлепшага іх укладання ў развіццё адукацыі і асветы быў створаны орган, які атрымаў назву Адукацыйная камісія. Першым кіраўніком «Камісіі...» быў віленскі біскуп І. Я. Масальскі (1773–1778 гг.). У яе склад у розныя часы ўваходзілі І. Патоцкі, Я. Снядэцкі, І. Храптовіч, А. Паплаўскі, Г. І. Чартарыйскі, А. Замойскі, С. Панятоўскі, Г. Страйноўскі і інш.

Гэта былі высокаадукаваныя і патрыятычна накіраваныя дзеячы Польшчы, Беларусі і Літвы, якія імкнуліся вывесці Рэч Паспалітую з эканамічнага і палітычнага крызісу. У выніку рэформы школы і ўніверсітэты краіны былі пераведзены на прынцыпы ідэй Асветніцтва (свецкасць, навукова-рацыяналістычны змест адукацыі і інш.). Адзначаюцца тры этапы рэфармавання, праведзеныя ў 1773–1792 гг. На першым этапе ішла распрацоўка новай арганізацыйнай структуры сістэмы адукацыі і замена настаўнікаў (адхіленне езуітаў). На другім быў распрацаваны і апублікаваны «*Статут, прадпісаны Камісіяй народнай асветы для акадэміі і школ Рэчы Паспалітай*» які гарантаваў самакіраванне ў галіне кадравай палітыкі, фіксаваную заробковую плату настаўнікаў і іх пенсійнае забеспячэнне, а таксама ступеньчатую (іерархічную) сістэму ўстаноў школьнай адукацыі.

Сістэма адукацыі ў выніку была трохступеньчатая: Першая ступень – *універсітэт* (не толькі ў якасці вышэйшай навучальнай установы, але ў якасці адміністрацыйнай установы па кіраванні школамі адпаведнай «навучальнай акругі»). На тэрыторыі Польшчы (у Кароне) такую функцыю ажыццяўляў Ягелонскі ўніверсітэт (у г. Кракаве), а на тэрыторыі Княства – Галоўная школа ВКЛ (утворана на базе Віленскай езуіцкай акадэміі), пазней з 1803 па 1832 г. – Віленскі ўніверсітэт.

Сярэдняю ступень складалі таксама ўзаемападпарадкаваныя паміж сабой «*акруговыя*» (на тэрыторыі Беларусі: у Брэсце, Гродне і Навагрудку) і «*падакруговыя*» школы. Паспяховае заканчэнне сярэдняй школы давала права навучэнцам паступаць ва ўніверсітэт і атрымліваць вышэйшую адукацыю. Трэцяй, ніжэйшай ступенню адукацыі павінны былі стаць *парафіяльныя вучылішчы*, адкрыццё якіх прадугледжвалася ў гарадах і мястэчках краіны. Кіраванне імі ажыццяўляў рэктар «акруговай» школы альбо прэфект «падакруговай» школы.

Найбольш значным дасягненнем рэформы было ажыццяўленне рэальнай спробы вызваліць сістэму адукацыі ад прамога ўплыву каталіцкай царквы і надаць працэсу навучання свецкі (навукова-рацыянальны) характар. Менавіта такія патрабаванні эпохі Асветніцтва былі ў той час найбольш прагрэсіўнымі і запатрабаванымі ў Еўропе. Яны азначалі пераход краін заходнееўрапейскай цывілізацыі да новага, прагрэсіўнага (у параўнанні з феадалізмам) сацыяльна-эканамічнага буржуазнага ладу.

Галоўная ўвага ў навучальным працэсе надавалася прадметам фізіка-матэматычнага цыкла. Асаблівае пашырэнне атрымала фізіка. У праграму гэтага прадмета былі ўключаны элементы земляробства, батанікі, садоўніцтва, мінералогіі і гігіены. Для складання вучэбных праграм рэфармуемай школы і падрыхтоўкі новых падручнікаў «Камісія...» зацвердзіла спецыяльны орган «Таварыства элементарных кніг», які ў сваёй рабоце арыентаваўся на заходнееўрапейскія, найперш французскія, распрацоўкі. Адным з найбольш актыўных членаў гэтага «Таварыства...» быў вядомы вучоны, выхадзец з беларускай лідчыны Казімір Нарбут.

Практычная накіраванасць навучання выявілася ў тым, што ў пералік праграмных прадметаў уводзіліся: асновы геаметрыі, ветэрынарыі, камерцыі і іншых запатрабаваных у той час дысцыплін. Вывучэнне гісторыі імкнуліся адмежаваць ад палітыка-ідэалагічных ведаў. На належным

узроўні наладжвалася сістэма фізічнага выхавання вучняў. Абавязковым становілася вывучэнне замежных моў. З вучэбных праграм выключаліся тэалагічныя дысцыпліны, а Закон Божы пераставаў быць школьным прадметам і адыходзіў да сферы касцёльна-царкоўнай дзейнасці.

На жаль, не ўсё задуманае і заяўленае ў «Статуце...» членамі «Камісіі...» ўдалося ажыццявіць на практыцы. Супраць новых падыходаў да сістэмы выхаваўча-адукацыйнага працэсу ў краіне рэзка выступілі кансерватыўныя колы. Памешчыкі і духавенства практычна сарвалі арганізацыю ніжэйшай ступені адукацыі («парафіяльных» школ), якая была разлічана на дзяцей з сялянска-рамесніцкага асяроддзя гарадоў і мястэчак. Не падабалася гэта і суседнім дзяржавам – Аўстрыі, Прусіі і Расіі. Яны ў той час якраз стымулявалі працэс паглыблення крызісу ў Рэчы Паспалітай для таго, каб хутчэй разарваць на часткі («падзяліць») яе тэрыторыю. У выніку, «Статут...» Адукацыйнай камісіі быў адменены прарасійскай Таргавіцкай канфедэрацыяй у 1794 г., а сама яна была распушчана.

Нягледзячы на гэта, сістэма адукацыі, распрацаваная і ажыццёўленая падчас рэформы, працягнула сваё існаванне на беларускіх землях і пасля іх далучэння да Расійскай імперыі. Спыненне навацый, ажыццёўленых Адукацыйнай камісіяй на тэрыторыі Беларусі, адбылося толькі ў выніку рэформы школ, праведзенай расійскім царызмам у XIX стагоддзі.

Самым галоўным дасягненнем Адукацыйнай камісіі было зацвярджэнне свецкага характару навучання і адукацыі. Агульнае кіраўніцтва справай асветы забіралася з ліку духавенства і перадавалася дзяржаўным органам. Калі раней дзяцей у школах навучалі перш-наперш рэлігійнасці, то цяпер галоўнае месца пачалі займаць прадметы прыродазнаўчага цыкла і навукова-рацыяналістычнага зместу.

Больш чым за 20 гадоў сваёй дзейнасці Адукацыйная камісія заснавала шэраг новых школ. Асабліваю цікавасць выклікаюць закладзеныя ў Гародні і Паставах мецэнатам Антоніем Тызенгаўзам шматлікія прафесіянальныя ўстановы. У 70-я гг. XVIII ст. ён арганізаваў (першыя ў Рэчы Паспалітай): медыцынскую, ветэрынарную, акушэрскую школы; майстэрні для навучання чарчэнню і маляванню; а таксама ўстанову для набыцця прафесійнай адукацыі фінансавых кантралёраў; мастацка-тэатральную школу. Асабліва адметна, што ў іх вучыліся пераважна дзеці беларускіх прыгонных сялян.

Свецкасць школы ў Францыі таксама пачалася пасля забароны ордэна езуітаў. «Выгнанне езуітаў з Францыі ... паставіла тут пытанне аб арганізацыі свецкай школы. Але ... (гэтая тэндэнцыя. – В. П.) ахапіла не толькі Францыю. Неабходнасць рэфармавання, і найперш секулярызацыі сістэмы адукацыі, была надзённым пытаннем для многіх еўрапейскіх краін [10, с. 18]. Яна стымулявалася пераходам дзяржаў Еўропы да новай, прагрэсіўнай на той час, «капіталістычнай» сацыяльна-эканамічнай фармацыі.

Адрозненне Беларусі і Францыі было толькі ў тым, што тэрыторыя Рэчы Паспалітай (ВКЛ і Беларусі ў тым ліку) пазбавілася ад езуітаў пасля афіцыйнага падпісання папам Кліментам XIV (21.07.1773 г.) свайго знакамітага «Паслання» [11], а Францыя выгнала езуітаў сама.

Адбылося гэта 6 жніўня 1762 г., калі парызскі парламент прыняў указ аб роспуску ордэна езуітаў. У чэрвені 1763 года французскі кароль Людовік XV з роду Бурбонаў, якія кіравалі ў многіх краінах Еўропы, аб'явіў аб канфіскацыі маёмасці ордэна на карысць Кароны. Папа Клімент XIII паспрабаваў супрацьстаяць гэтаму (выдаў канстытуцыю, дзе пацвердзіў прывілеі ордэна). Але тэкст гэтага дакумента быў афіцыйна спалены ў Францыі «рукой палача» і адхілены іншымі еўрапейскімі краінамі.

Пазней пачаўся «парад арыштаў» і высылкі ў Рым ненавісных езуітаў. У Іспаніі ордэн быў таксама забаронены і ў турму было кінута каля 6000 самых вядомых езуітаў. Кароль Карл III пасадзіў арыштаваных на караблі і адправіў «... у падарунак папе...». Тое ж самае зрабіла кіраўніцтва Партугаліі і некаторых іншых каталіцкіх краін. У Рыме зразумелі, што настаў час забараніць ордэн. У адваротным выпадку можна было ўвогуле пазбавіцца ад уплыву каталіцкага касцёла ў Еўропе. Наступны папа, Клімент XIV, ажыццявіў канчатковую забарону ордэна ў 1773 годзе, і з гэтага часу езуітаў выгналі з астатніх еўрапейскіх краін.

У той жа самы час у еўрапейскім грамадстве XVIII ст. ішла распрацоўка навукова-ідэалагічнай канцэпцыі свабоды ад клерыкалізму і ўмацавання нацыянальнага кантэксту выхаваўча-аду-

кацыйнага працэсу. Гэта адбывалася як на тэрыторыі Францыі, так і ў Беларусі. Так, вядомы французскі гісторык і педагог, прафесар рыторыкі і красамоўства, былы рэктар Парыжскага ўніверсітэта Ш. Рален (1661–1741) у сваім «Трактаце аб адукацыі» (фр.: «*Le Traité des études*»), напісаным у другой палове 20-х гг. XVIII ст., выступіў за тое, каб школьныя прадметы вывучаліся не на латыні, як раней, а на роднай (французскай) мове, а таксама за скарачэнне вывучэння гісторыі старажытнасці і пашырэнне вывучэння айчыннай гісторыі» [12].

Трактат аб адукацыі Ш. Ралена быў прыкметнай з’явай у гісторыі Францыі. Аб ім з захапленнем гаварыў найвялікшы французскі філосаф эпохі Асветніцтва Ф.-М. Вальтэр (1694–1778), ён захапляўся «высакароднасцю і лёгкасцю» мовы напісанага твора. Па меркаванні вядомага французскага педагога Ж.-Ж. Русо (1712–1778), якога сучасныя навукоўцы лічаць адным з ідэолагаў Вялікай французскай рэвалюцыі, педагагічныя ідэі Ш. Ралена аказалі значны ўплыў на выхаваўча-адукацыйны працэс у Францыі XVIII ст. Твор Ш. Ралена, такім чынам, быў адной з зыходных кропак руху да прагрэсу французскай школы, ад якой адштурхоўваліся ідэолагі Рэвалюцыі.

Вядомы філосаф эпохі Асветніцтва, ураджэнец Беларусі (Лідскі павет), Казімір Нарбут (1738–1807), прафесар філасофіі (брат беларускага гісторыка Тэадора Нарбута) прысвяціў значную частку сваіх прац абгрунтаванню права на свабоду філасофіі (як навукі) ад рэлігійнага дагматызму. У сваіх працах ён прынцыпова выступаў за вызваленне філасофіі ад схаластыкі і багаслоўя. Быў шчырым прыхільнікам навуковага падыходу да арганізацыі жыцця грамадства. Асабліва крытычна ён ставіўся да езуіцкай сістэмы выхавання, што ажыццяўлялася ў калегіях і акадэміях. Яго ідэалам былі свецкая адукацыя і выхаванне. Прычым ён быў сярод тых, хто займаўся школьнай рэформай у ВКЛ. У 1775 годзе Адукацыйная камісія прызначыла Казіміра Нарбута членам «Таварыства пачатковых кніг». Гэта быў адзін з «...выканаўчых органаў ...Камісіі, мэтай якога была падрыхтоўка і рэцэнзаванне школьных праграм, ацэнка дасланных на конкурснай аснове праектаў школьных кніг, іх друкаванне і дастаўка ў школы, якія дзейнічалі ўжо па новых правілах...» [13].

Прынцып свецкасці і свабоды сумлення ўпершыню быў абвешчаны ў Францыі ў артыкуле 10 «Дэкларацыі правоў чалавека і грамадзяніна» (1789 г.), дзе адзначалася: «Ніхто не павінен быць падвергнуты ўціску за свае погляды, нават рэлігійныя, пры ўмове, што іх абнародаванне не парушае грамадскі парадак, устаноўлены законам» (фр.: *Nul ne doit être inquiété pour ses opinions, même religieuses, pourvu que leur manifestation ne trouble pas l'ordre public établi par la Loi*) [14].

Паказальна, што Францыя і Рэч Паспалітая (часткай якой з’яўлялася ВКЛ і тэрыторыя Беларусі ў тым ліку) знаходзіліся ў XVIII ст. у авангардзе сусветнага сацыяльна-палітычнага прагрэсу. У 1791 г. у Рэчы Паспалітай была прынята першая ў Еўропе (2-я ў свеце пасля ЗША) Канстытуцыя. Цікава, што першая папраўка да Канстытуцыі ЗША (што служыла ўзорам для астатніх прагрэсіўных дзяржаў свету), прынятая 15.12.1791 г., абвешчала пра аддзяленне царквы ад дзяржавы і разумелася заканадаўцамі як забарона на ўстанаўленне дзяржаўнай рэлігіі [15].

Падчас Вялікай французскай рэвалюцыі (1789–1799 гг.), якая абвясціла лозунг «Свабода, роўнасць, братэрства» ў 1793 г., была прынята Канстытуцыя Францыі. У яе аснове ляжаў тэкст «Дэкларацыі правоў чалавека і грамадзяніна» (1789 г.), што грунтаваўся на прынцыпе свабоды сумлення. Рэлігія падчас французскай рэвалюцыі была ўзята пад дзяржаўны кантроль. Змены ў адваротны бок адбыліся толькі падчас прыходу да ўлады Напалеона I Банапарта. Кіраўнік Францыі ў мэтах усталявання свайго палітычнага становішча і ўмацавання дзяржаўнай улады ў 1801 годзе заключыў дагавор («Канкардат», фр.: *Concordat de Napoléon*) з папам Піем VII (1800–1823) [16].

Яго тэкст адмяніў палажэнні, адхіляючыя папства ад прызначэння епіскапаў, замацаваныя Рэвалюцыяй. Так, дакумент 1790 г. «Грамадзянская канстытуцыя духавенства» (фр.: *Constitution civile du clergé*) фактычна ператвараў духавенства ў дзяржаўных чыноўнікаў [17]. Згодна з яго тэкстам, епіскапы выбіраліся тымі ж структурамі, што і дэпутаты, члены судаў першай інстанцыі і дэпартаментальная адміністрацыя. А кіраўнікі парафій таксама выбіраліся, а потым павінны былі атрымаць зацверджанне (інсталяцыю) епіскапа. Прычым Закон не патрабаваў, каб выбаршчыкамі былі менавіта католікі. Што тычыць новаабраных епіскапаў, то яны толькі паведамлялі папе аб сваім уступленні на пасаду.

Папскі прастол у сваю чаргу абавязваўся не прымаць рашэнняў, якія будуць супярэчыць палітыцы І Консула (пазней імператара) Францыі (Напалеона І Банапарта). Пасля падпісання Канкардата французскае дзяржаўнае кіраўніцтва дазволіла значнае пашырэнне ўплыву каталіцкай царквы ў грамадстве, у тым ліку і адступленне ў справе барацьбы за сведкасць у галіне выхаваўча-адукацыйнага працэсу. Дасягненні эпохі Рэвалюцыі, такім чынам, былі ў значнай ступені нівеліраваны.

Барацьба за новую (свецкую і навукова-рацыянальную) школу працягвалася і ў XIX ст. Прычым там былі не толькі поспехі ў гэтым кірунку, але і прыкрыя перыяды адступлення і адкатвання на прынцыпы амаль сярэднявёкаў, дзе пазіцыі клерыкалізму ўзмацняліся. Сітуацыя на тэрыторыі Беларусі змянілася ў канцы 1850-х гг. Кіраўніцтва царскай Расіі, ускраінай якой былі беларускія землі, пачало адкрываць тут пачатковыя школы для сялян.

Іх называлі «*Училища для поселянских детей*» альбо «царкоўна-прыходскія» школы. Яны дзейнічалі часткова за кошт сродкаў дзяржавы, альбо фінансаваліся праваслаўнай царквой ці сялянамі. Гэта былі элементарныя школы, дзе вучылі рускай мове, пачаткам арыфметыкі і праваслаўным малітвам. Самай важнай задачай гэтых школ была «русіфікацыя» беларускіх сялян і іх «катэхізацыя» (ператварэнне ў прыхільнікаў рускай праваслаўнай царквы, якая была галоўным ідэалагічным інструментам у руках улады).

Пэўным поспехам у справе барацьбы «за сведкасць» на тэрыторыі Беларусі з'яўляліся школьныя рэформы 60-х гг. XIX ст. Падчас іх правядзення былі ўзаконены тры тыпы агульнаадукацыйных навучальных устаноў («*народныя вучылішчы*», «*прагімназіі*» і «*гімназіі*») і намерана паступовае ажыўленне ў галіне выхаваўча-адукацыйнага працэсу. Але ўжо з пачатку 1870-х гг. у Расійскай імперыі (часткай якой была тэрыторыя Беларусі) ізноў пачалі дзейнічаць рэакцыйныя (па меркаванні навуковай грамадскасці) заканадаўчыя акты «Статут гімназій» (1871) і «Палажэнне аб рэальных вучылішчах» (1872). Апошняе змяніла парадак кіравання сістэмай народнай адукацыі з мэтай «охранения дела народного образования от посторонних пагубных влияний». У склад кіраўніцтва навучальнымі ўстановамі ўводзіліся найперш прадстаўнікі дваранства, а таксама быў устаноўлены «неослабный надзор со стороны духовенства» [18, т. 4, с. 400–404].

Згодна з гэтымі нарматыўнымі актамі, узнаўлялася саслоўная адасобленасць, якая разрывала адзіную сістэму адукацыі. У 1887 г. было выдадзена «Распараджэнне», якое ў асяроддзі прагрэсіўнай грамадскасці атрымала назву «Цыркуляр аб кухарчыных дзецях». У ім была сфармулявана забарона паступлення ў гімназіі і прагімназіі дзяцей падатковых саслоўяў (фурманаў, лакеяў, повараў, прачак, дробных гандляроў і інш.) «...детей, коим ... вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию...» [19].

Але тым не менш барацьба за прагрэс грамадскай эвалюцыі, перашкодай якому быў царкоўна-дактрынальны тып выхавання і адукацыі, а таксама панаванне царкоўнікаў у школьных структурах усё ж працягваліся далей. Канчатковае аддзяленне царквы ад дзяржавы як у Францыі, так і на тэрыторыі Расіі (і Беларусі ў тым ліку) адбылося ў пачатку XX стагоддзя. Законам «Аб аддзяленні цэркваў і дзяржавы» (09.12.1905 г. у Францыі [20]) і Дэкрэтам «Аб аддзяленні царквы ад дзяржавы і школы ад царквы» (05.02.1918 г. у Савецкай Расіі [21]) быў замацаваны прынцып узаемаадносін дзяржавы і царквы ў абодвух краінах. Ён замацоўваў: «адмову ўмяшання дзяржавы ў царкоўныя справы»; «свабоду грамадзян ад прымушэння да спавядання той ці іншай рэлігіі»; «перапыненне замацаваных за царквой дзяржаўных функцый».

У выніку гэтых актаў адукацыйна-выхаваўчы працэс на тэрыторыі Беларусі і Францыі набыў свецкі статус. Ён дазволіў школьна-ўніверсітэцкім установам займацца сапраўднымі мэтамі адукацыі і выхавання як асобнай сферы жыцця грамадства ў гісторыі, перадаваць рацыянальна-вывераныя навукова-рацыяналістычныя веды, назапашаныя былымі пакаленнямі грамадзян, будучым. Інакш кажучы, выконваць сваю непасрэдную (асноўную) місію па дасягненні грамадска-значных мэт, накіраваных ім гісторыяй.

Такім чынам, праведзеныя намі кароткі агляд гісторыі эвалюцыі выхаваўча-адукацыйнага працэсу ў дзвюх названых краінах, дзе працэс усталявання свецкай школы заняў даволі працяглы перыяд, сведчыць пра тое, што барацьба за секулярызацыю выхаваўча-адукацыйнай сфе-

ры жыцця грамадства стаяла на парадку дня прагрэсіўнай грамадскай некалькі стагоддзяў. Яна была прадвызначана задачамі эвалюцыі грамадства, патрабаваннем прагрэсу і неабходнасці руху наперад. Працэс быў складаны. Дасягненні і прыкрыя перыяды адкату на пазіцыі клерыкалізму залежалі ад розных, найперш палітычных, фактараў. Але ўсё ж рух грамадства да прагрэсу суправаджаўся няўхільным імкненнем да аддзялення царквы ад дзяржавы і ад дзяржаўнай школы ў тым ліку.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Пілецкі, В. А. Выхаваўча-адукацыйны працэс у гісторыі Беларусі дахрысціянскага перыяду / В. А. Пілецкі. – 2-е выд., дапрац. – Мінск : Ковчег, 2017. – 372 с.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 5. Кн. 1: С–У [рэд. тома М. Р. Суднік]. – Мінск: БелСЭ імя Петруся Броўкі, 1982. – 663 с.
3. Евангелие от Матфея, 28-я глава // Библия онлайн [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <https://bible.by/syn/40/28/>. – Дата доступа: 01.11.2018.
4. Клерикализм // Большой толковый словарь русского языка (БТС) С. И. Кузнецова / [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>. – Дата доступа: 02.01.2019.
5. Ямбург, Е. Светская школа – это техника безопасности / Е. Ямбург // Интервью Дарьи Рыжковой с известным педагогом России [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <https://jewish.ru/ru/interviews/articles/179815>. – Дата доступа: 28.12.2018.
6. Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/293585.html>. – Дата доступа: 12.03.2018.
7. Бёмер, Г. История ордена иезуитов / Г. Бёмер // Богатство иезуитов [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/1033625/30/Bemer_-_Istoriya_ordena_iezuitov.html. – Дата доступа: 04.01.2019.
8. Бёмер, Г. История ордена иезуитов / Г. Бёмер // Иезуиты во Франции [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: http://www.e-reading.by/bookreader.php/1033625/Bemer_-_Istoriya_ordena_iezuitov.html. – Дата доступа: 04.01.2019.
9. Душенко, К. Ангелы на кончике иглы / К. Душенко // Культурология: Дайджест ; РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. культурологии; редкол.: О. В. Кулешов [и др.]. – М., 2017. – (Сер.: Теория и история культуры / редсовет: Л. В. Скворцов [и др.]. – 2017. – №4 (83) – 251 с. [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://цгнии.инион.рф/archives/777>. – Дата доступа: 06.01.2019.
10. Куль-Сяльверстава, С. Я. Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур: Фарміраванне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII – 1820-я гады) / навук. рэд. П. І. Брыгадзін. – Мінск: БДУ, 2000. – 260 с.
11. Брве // Католическая энциклопедия / Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/catholic/342>. – Дата доступа: 07.01.2019.
12. Traité des études par Rollin, nouvelle édition, revue par M. Letronne et accompagnée des remarques de Crevier. T.1. – Paris: Librairie, de H. Firmin didot, freres, fils et C*, 1863. – 534 p. [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k204672h/f3.item>. – Дата доступа: 16.01.2019.
13. Стасевіч-Ясюкова, І. Казімір Нарбут (1738–1807) / І. Стасевіч-Ясюкова / Камітэт гісторыі навукі і тэхнікі Польскай акадэміі навук; ГА “Таварыства польскай культуры на Лідчыне”. – Варшава–Ліда, 2004 [Электронны рэсурс]. – 2019. – Рэжым доступу: http://pawet.net/library/history/city_district/data_people/scientists/narbutt_k/Kazimir_Narbutt.html. – Дата доступу: 06.01.2019.
14. Déclaration des Droits de l’Homme et du Citoyen de 1789 [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://www.legifrance.gouv.fr/Droit-francais/Constitution/Declaration-des-Droits-de-l-Homme-et-du-Citoyen-de-1789>. – Дата доступа: 23.01.2019.
15. Билль о правах Соединенных Штатов Америки (1791 год) [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://billofrightsinstitute.org/founding-documents/bill-of-rights/>. – Дата доступа: 27.01.2019.
16. Le Concordat de 1801 [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://www.napoleon.org/histoire-des-2-empires/articles/le-concordat-de-1801/>. – Дата доступа: 24.01.2019.
17. Constitution civile du clergé [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://www.nogentrev.fr/archives/2016/01/05/33164943.html>. – Дата доступа: 29.01.2019.
18. Уставы школьные и университетские в России // Педагогическая энциклопедия: в 4 т. Т.4.: Сн – Я. – М.: Сов. энцикл., 1968. – 912 с.
19. Циркуляр о кухаркиных детях [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://doc.histrf.ru/19/tsirkulyar-o-kukharkinykh-detyakh/>. – Дата доступа: 28.01.2019.
20. Loi du 9 décembre 1905 concernant la séparation des Eglises et de l’Etat [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000508749>. – Дата доступа: 30.01.2019.
21. Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/>. – Дата доступа: 31.01.2019.

References

1. Piletsky V. A. The upbringing-and-education process in the history of Belarus of the pre-Christian period, 2-e Izd., revised. Minsk, Kovcheg Publ., 2017. 372 p. (in Belarusian).
2. Explanatory dictionary of the Russian language. Vol. 5. kN.1 :S-U [Ed. tom M. G. Sudnik]. Minsk, Publishing house: Bel.SE name Petrus Brovka, 1982, 663 p. (in Belarusian).
3. Gospel of Matthew 28 Chapter // Bible online 2018. Available at: <https://bible.by/syn/40/28/> (Accessed 01.11.2018) (in Russian).
4. Clericalism. Great explanatory dictionary of the Russian language (BTS) S. I. Kuznetsov, 2019. Available at: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (Accessed 02.01.2019) (in Russian).
5. Yamburg E. Secular school is a safety technique. Daria Ryzhkova's Interview with the famous teacher of Russia. 2018. Available at: <https://jewish.ru/ru/interviews/articles/179815> (Accessed 28.12.2018) (in Russian).
6. Orthodox encyclopedia (edited by Patriarch Kirill of Moscow and all Russia). 2018. Available at: <http://www.pravenc.ru/text/293585.html> (Accessed 12.03.2018) (in Russian).
7. Boehmer G. History of the order of Jesuits Wealth of Jesuits. 2019. Available at: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/1033625/30/Bemer_-_Istoriya_ordena_iezuitov.html. (Accessed 04.01.2019) (in Russian).
8. Boehmer G. History of the order of Jesuits. Jesuits in France. 2019. Available at: http://www.e-reading.by/bookreader.php/1033625/Bemer_-_Istoriya_ordena_iezuitov.html (Accessed 04.01.2019) (in Russian).
9. Dushenko K. Angels on the tip of the needle. Culturology: Digest /RAS.INION. Center humanit.science.-inform. research. Otd. cultural studies; Rare. O. V. Kuleshov, ed. and others. Moscow, 2017. (Ser.: Theory and history of culture /Ed. advice: Skvortsov, LV pred. and others). 2017, no. 4 (83), 251 p. 2019. Available at: <http://цгнии.инионран.рф/archives/777> (Accessed 06.01.2019) (in Russian).
10. Cul-Seliverstova S. E. Belarus on a boundary of centuries and cultures: the culture of New time in the Belarusian lands (second half of XVIII – 1820-ies). science. Ed. P. I. Brigadin. Minsk: BSU Publ., 2000. 260 p. (in Belarusian).
11. Logs. Catholic encyclopedia. Dictionaries and encyclopedias on the Academician. 2019. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/catholic/342> (Accessed 07.01.2019) (in Russian).
12. Treaty of the studies by Rollin, new edition, revised by M. Letronne, and accompanied by the remargues Crevier. T. 1. Paris: Librairie, H. Firmin didot, brothers, son, and C*, 1863, 534 p. 2019. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k204672h/f3.item>. (Accessed 16.01.2019) (in French).
13. Stasevich-Yasukawa I. Casimir Narbut (1738–1807). Committee of the history of science and technology of the Polish of Academy of Sciences; NGO “Society of Polish Culture in Lidoine”. Warsaw–Lida, 2004. 2019. Available at: http://pawet.net/library/history/city_district/data_people/scientists/narbutt_k/Kazimip_Напбур.html (Accessed 06.01.2019) (in Belarusian).
14. Declaration of the rights of Man and The Citizen of 1789. 2019. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/Droit-francais/Constitution/Declaration-des-Droits-de-l-Homme-et-du-Citoyen-de-1789> (Accessed 23.01.2019) (in French).
15. Bill Of rights of the United States of America (1791). 2019. Available at: <https://billofrightsinstitute.org/founding-documents/bill-of-rights/> (Accessed 27.01.2019) (in Russian).
16. The Concordat of 1801. 2019. Available at: <https://www.napoleon.org/histoire-des-2-empires/articles/le-concordat-de-1801/> (Accessed 24.01.2019) (in French).
17. Civil constitution of the clergy. Available at: <http://www.nogentrev.fr/archives/2016/01/05/33164943.html> (Accessed 29.01.2019) (in French).
18. University Charter school is not Russia V. Educational encyclopedia. Vol. 4.: S.- Ka. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1968. 912 p. (in Russian).
19. Circular on cook's children. 2019. Available at: <http://doc.histrf.ru/19/tsirkulyar-o-kukharkinykh-detyakh/>. (Accessed 28.01.2019) (in Russian).
20. Law of 9 December 1905 concerning the separation of Churches and State. 2019. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000508749> (Accessed 30.01.2019) (in French).
21. Decree of the Council of People's Commissars “On separation of Church from state and school from Church”. 2019. Available at: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/> (Accessed 31.01.2019) (in Russian).

Информация об авторе

Пилецкий Виктор Александрович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, Минский инновационный университет (ул. Лазо, 12, 220102, Минск, Республика Беларусь). E-mail: ekonhistbel@mail.ru

Information about the author

Victor A. Piletsky – D. Sc. (Hist.), Head of the Department of Humanities, Minsk Innovative University (12 Lazo Str., Minsk 220102, Belarus). E-mail: ekonhistbel@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 94 (476-15)+94(438)

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-443-449>

Паступіў у рэдакцыю 24.04.2018

Received 24.04.2018

В. І. Крывуць

Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт, Баранавічы, Беларусь

СПАРТЫЎНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ СТРАЛЕЦКАГА САЮЗА Ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1920–1930-я гг.)

Анотацыя. Стаття посвящена исследованию такой малоизученной в белорусской исторической науке проблеме, как деятельность Стрелецкого союза «Стрелец» по развитию физической культуры и спорта на территории Западной Беларуси в межвоенный период. Подчеркивается, что уставные документы союза объявляли работу в этой сфере одной из главных задач стрелецкой организации. Также отмечено, что после государственного переворота 1926 г. спортивная деятельность «Стрельца» начала получать всестороннюю поддержку польских властей, которые рассматривали ее в качестве важного компонента своей молодежной политики. Характеризуется проведение спортивной работы в Стрелецком союзе в ходе реализации военной подготовки его членов, а также деятельность стрелецких спортивных клубов и спортивных кружков при отрядах «Стрельца». Анализируется участие западнобелорусских подразделений Стрелецкого союза в подготовке и проведении разного рода спортивных мероприятий как местного, так и общегосударственного масштаба. Сделаны выводы о том, что Стрелецкий союз внес определенный вклад в развитие спорта на территории Западной Беларуси, наибольших успехов при этом добились стрельцы на Полесье и в Вильно. Вместе с тем по ряду объективных причин, прежде всего из-за тяжелого материального положения молодого поколения региона, спортивная деятельность стрелецкой организации не смогла приобрести по-настоящему массовый характер. Использован широкий спектр документальных и зарубежных историографических источников.

Ключевые слова: Западная Беларусь, Стрелецкий союз, молодежная политика, спорт, физическое воспитание, межвоенный период

Для цитирования. Крывуць, В. І. Спартыўная дзейнасць Стралецкага саюза ў Заходняй Беларусі (1920–1930-я гг.) / В. І. Крывуць // Весті Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 4. – С. 443–449. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-443-449>

V. I. Kryvuts

Baranovich State University, Baranavichy, Belarus

SPORTING ACTIVITIES OF THE SHOOTING UNION IN WESTERN BELARUS (1920–1930s)

Abstract. The article analyzes sporting activities of the Shooting Union «Strelets» in the territory of Western Belarus during the interwar period. The Union's Charter declared the work on the development of physical culture and sports one of the main tasks of the shooting organization. After the coup d'état of 1926, sports activities of the «Strelets» began to receive the full support of the Polish authorities, who viewed it as an important component of their youth policy. The article describes the conduct of sports work in the Shooting Union during the implementation of the military training of its members, as well as the activities of the sports clubs and sports sections in the shooting squads. Participation of the western belarusian units of the Shooting Union in the preparation and conduct of various sports events, both local and national, is analyzed. Conclusions are made that the Shooting Union made a definite contribution to the development of sports in the territory of Western Belarus, the greatest success was achieved by the archers in Polesie and in Vilna. At the same time, for a number of objective reasons, primarily because of the difficult financial situation of the younger generation of the region, sporting activities of the shooting organization were not able to acquire a truly mass character. During the work on the article, a wide range of documentary and foreign historiographic sources was used.

Keywords: Western Belarus, Shooting Union, youth policy, sport, physical education, interwar period

For citation. Kryvuts V. I. Sporting activities of the Shooting Union in Western Belarus (1920–1930s). *Vestsi Natsyyanal'най akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 4, pp. 443–449 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-443-449>

Праўрадавыя маладзёжныя арганізацыі з'яўляліся адным з галоўных інструментаў ажыццяўлення афіцыйнай маладзёжнай палітыкі на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд. Найбольш актыўным сярод іх быў Стралецкі саюз «Стрелец», які праводзіў даволі шматбаковую дзейнасць у маладзёжным асяроддзі рэгіёна. Адным з кірункаў гэтай дзейнасці з'яўлялася развіццё

спорту і фізічнай культуры. На жаль, дадзеная праблематыка не знайшла належнага адлюстравання ў айчыннай гістарыяграфіі. Што тычыцца польскіх гісторыкаў, то ў іх працах, прысвечаных развіццю спорта на тэрыторыі паўночна-ўсходніх ваяводстваў міжваеннай польскай дзяржавы, дзейнасць Стралецкага саюза ў гэтай сферы таксама разглядаецца толькі ўскосна [1; 2]. Таму існуе неабходнасць раскрыцця мэт, якія ставіліся перад Стралецкім саюзам у развіцці спорту і фізічнай культуры, метадаў і вынікаў яго працы ў дадзенай сферы. Гэта дазволіць не толькі даць больш падрабязную характарыстыку афіцыйнай польскай маладзёжнай палітыкі на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1920–1930-я гг., але і стварыць больш аб'ектыўнае ўяўленне аб грамадска-палітычным жыцці рэгіёна ў цэлым.

Міжваенны Стралецкі саюз «Стралец» быў створаны ў жніўні 1919 г. і з цягам часу ператварыўся ў адну з самых уплывовых маладзёжных арганізацый праўрадавай арыентацыі. На тэрыторыі Заходняй Беларусі існавалі дзве акругі «Стральца» – № 3 «Гродна» і № 9 «Палеская», тэрыторыі якіх супадалі з дыслакацыяй вайсковых акруг польскай арміі. Акруга «Гродна» дзялілася на падакругі з цэнтрамі ў Беластоку, Вільні, Гродне і Маладзечне. Акруга «Палеская» мела падакругі «Навагрудак» і «Брэст». Падакругі дзяліліся на паветы і гміны, дзе ствараліся адпаведна павятовыя і гмінныя камендатуры «Стральца» [3, арк. 106].

Дзякуючы актыўнай падтрымцы з боку мясцовых і цэнтральных улад, Стралецкі саюз быў даволі масавым аб'яднаннем. Па ўсёй Польшчы ў 1934 г. ён налічваў 300 000 членаў, з якіх у 3-й і 9-й акругах – каля 50 000 чалавек. Згодна з афіцыйнымі данымі таго часу, стралецкая арганізацыя Віленшчыны з'яўлялася найбольш моцнай ва ўсёй тагачаснай польскай дзяржаве [4, арк. 112]. Членамі «Стральца» на тэрыторыі Заходняй Беларусі былі ў першую чаргу дзеці польскіх чыноўнікаў і асаднікаў, але адначасова прысутнічала і значная колькасць польскіх сялян і беларусаў каталіцкага веравызнання. Напрыклад, у маі 1931 г. на тэрыторыі Баранавіцкага павета беларусы складалі каля 30% мясцовых стральцоў і 15% членаў праўленняў атрадаў саюза [5, с. 356].

Статутныя дакументы «Стральца» абвешчалі галоўнай задачай яго дзейнасці «памнажэнне якасці і сілы нацыі для развіцця дзяржаўнай моцы Дзяржавы». Гэтага планавалася дасягнуць праз грамадзянскае выхаванне членаў арганізацыі, падрыхтоўку іх да вайскавай службы, а таксама праз фізічнае выхаванне і спорт [6, с. 9]. Што тычыцца апошняга кірунку дзейнасці, то прапаноўваліся наступныя сродкі для яго рэалізацыі:

- 1) правядзенне спартыўных клубаў, гурткоў і кансультацый, курсаў, заняткаў, лагераў, а таксама спартыўных мерапрыемстваў;
- 2) удзел у агульнадзяржаўных і міжнародных спартыўных саюзах і аб'яднаннях;
- 3) будаўніцтва і эксплуатацыя стадыёнаў, спартыўных і гімнастычных пляцовак, басейнаў і розных іншых спартыўных збудаванняў [6, с. 10–11].

Асобным пунктам падкрэслівалася неабходнасць развіцця і прапаганды ў арганізацыі і за яе межамі стралковага спорту [6, с. 10].

Неабходна адзначыць, што падтрымка і развіццё фізічнай культуры і спорту з'яўляліся важнай часткай афіцыйнай маладзёжнай палітыкі, асабліва пасля ўсталявання ў польскай дзяржаве «санацыйнага» рэжыму ў маі 1926 г. Лідар «санацыі» маршал Ю. Пілсудскі лічыў фізічную сілу важным фактарам баяздольнасці арміі. Згодна з яго меркаваннем, задачы ў сферы развіцця фізічнай культуры ўскладаліся не толькі на школу і войска, але і на мясцовае самакіраванне, а таксама на спартыўныя саюзы і грамадскія, у першую чаргу маладзёжныя, арганізацыі [7, с. 111]. У студзені 1927 г. па ініцыятыве Ю. Пілсудскага было створана Дзяржаўнае праўленне фізічнага выхавання і ваеннай падрыхтоўкі, якое павінна было кіраваць усімі працамі, звязанымі з усеагульным фізічным выхаваннем і ваенным навучаннем. Акрамя таго, ствараліся ваяводскія, павятовыя і гарадскія камітэты фізічнага выхавання і ваеннай падрыхтоўкі. Яны з'яўляліся органамі, якія ажыццяўлялі супрацоўніцтва дзяржаўных і грамадскіх структур у дадзенай сферы [8, с. 60]. Зразумела, што такоее вядучае «санацыйнае» маладзёжнае аб'яднанне, як Стралецкі саюз, не магло заставацца ў баку ад гэтага супрацоўніцтва і павінна было, так ці інакш, разгарнуць спартыўную дзейнасць.

У першую чаргу пэўная фізічная падрыхтоўка членаў «Стральца» адбывалася ў час рэалізацыі галоўнага кірунку яго дзейнасці – ваеннай падрыхтоўкі (ВП). Яна была падзелена на 2 ступені (школа малодшых і старэйшых юнакоў). Праграма кожнай ступені была разлічана на 130 гадзін,

з якіх 35 адводзілася на фізічнае выхаванне. ВП завяршалася ў летніх лагерах, дзе на фізічнае выхаванне прыпадала 30 з прадугледжаных праграмай 105 гадзін [9, арк. 28].

Фізічнае выхаванне ў межах ВП прадугледжвала маршы, бег, кіданне гранаты, элементы фехтавання, спартыўныя гульні (футбол, баскетбол), лёгкаю атлетыку, плаванне. Каб атрымаць пасведчанне аб завяршэнні другой ступені ВП, член Стралецкага саюза, акрамя ўсяго іншага, павінен быў мець «Польскую спартыўную адзнаку» і здаць нарматыў па плаванні (25 метраў вольным стылем) [9, арк. 28; 10, с. 7].

Аднак «Стралец» не абмяжоўваўся толькі фізічным выхаваннем сваіх членаў у межах непасрэдна ваеннай падрыхтоўкі. Пры гэтым, як адзначалася на афіцыйным узроўні, пры вырашэнні праблемы фізічнага выхавання і спорту пад увагу браліся такія фактары, як масавасць дадзенага віду спорту, яго прыдатнасць з пункта гледжання навучання, таннасць абсталявання і аб'ектаў, адпаведнасць узросту і полу членаў арганізацыі [11, с. 80]. На тэрыторыі Заходняй Беларусі, акрамя ўсяго іншага, ўлічваўся і той фактар, што спорт павінен быў садзейнічаць прыцягненню мясцовай беларускай моладзі ў шэрагі «Стральца». Так, згодна з афіцыйнымі справаздачамі, адзначалася, што ў Пінскім, Лунінецкім і Столінскім паветах «сельская моладзь з'яўляецца беларускай і не мае жадання да ваенных заняткаў. Да працы ў ВП яе можна прыцягнуць толькі праз арганізацыю спорту, гульні і забаў» [12, арк. 59].

Найбольшае распаўсюджанне ў Стралецкім саюзе, у тым ліку і на тэрыторыі Заходняй Беларусі, набылі такія віды, як маршы (паколькі яны не патрабавалі спецыяльнай экіпіроўкі і абсталявання), спартыўныя гульні (баскетбол, валејбол, футбол), водныя віды спорту на чале з плаваннем, бокс, стралковы спорт, лыжны спорт. Ужо ў 1928 г. «Стралец» пачаў праводзіць здачу нарматываў на т. з. «Спартыўную адзнаку Стралецкага саюза». Испыты складаліся з пяці элементаў: бег 100 м, скачкі ў даўжыню, штурханне ядра, стральба з малакалібернай зброі, бег 1 500 м. У 1931 г. менавіта на аснове стралецкай адзнакі была распрацавана і ўведзена агульнадзяржаўная «Польская спартыўная адзнака». Пры гэтым стралецкія нарматывы былі больш складанымі, чым агульнадзяржаўныя [11, с. 81].

Важнымі цэнтрамі спартыўнага жыцця Стралецкага саюза з'яўляліся яго спартыўныя клубы, якія звычайна ствараліся ў гарадах. Напрыклад, у 1931 г. улады афіцыйна зарэгістравалі статут спартыўнага клуба «Стралец» у Брэсце. Задачай клуба абвешчалася стварэнне ўмоў для працы актыўных спартсменаў і забеспячэнне іх удзелу ў агульнадзяржаўным спартыўным жыцці. Гэта планавалася дасягнуць праз:

- 1) арганізацыю спорту і гімнастыкі;
- 2) аказанне дапамогі камендантам Стралецкага саюза пры правядзенні спартыўнай працы і арганізацыі гурткоў у атрадах «Стральца»;
- 3) папулярызацыю спорту сярод шырокіх мас моладзі, у першую чаргу сярод членаў стралецкай арганізацыі;
- 4) удзел у агульнадзяржаўным спартыўным жыцці [13, с. 2].

З мэтай выканання сваіх задач клуб атрымліваў права мець свае спартыўныя пляцоўкі; праводзіць гімнастычныя і спартыўныя заняткі; арганізоўваць спаборніцтвы і гульні; ствараць спартыўныя гурткі моладзі; праводзіць спартыўную прапаганду; удзельнічаць у агульнадзяржаўных спартыўных саюзах [13, с. 2–3].

Кіруючымі органамі клуба лічыліся агульны сход і праўленне на чале са старшынёй. Фінансавы кантроль ажыццяўляла рэвізійная камісія [13, с. 7]. Для кіраўніцтва асобнымі відамі спартыўнай дзейнасці маглі стварацца спецыяльныя секцыі. Фонды клуба фарміраваліся за кошт членскіх узносаў (0,5 злотых штомесячна ад аднаго члена), даходаў ад платных мерапрыемстваў, добраахвотных ахвяраванняў, падарункаў, датацый і г. д. [13, с. 13–14]. Аднак на практыцы аснову фінансавання складала дапамога ад дзяржаўных структур, у першую чаргу ад Дзяржаўнага праўлення фізічнай культуры і ваеннай падрыхтоўкі, а таксама ад яго ваяводскіх, павятовых і гарадскіх структур – камітэтаў фізічнага выхавання і ваеннай падрыхтоўкі. Пэўную дапамогу развіццю спорту ў Стралецкім саюзе таксама аказвала Войска Польскае.

У Заходняй Беларусі найбольш актыўна спартыўныя клубы Стралецкага саюза ствараліся на тэрыторыі падакругі «Брэст». У сярэдзіне 1930-х гг. тут існавала 8 павятовых спартыўных клубаў

«Стралец» [14, с. 63]. Што тычыцца іншых падакруг, то на сённяшні дзень вядома толькі пра існаванне спартыўных клубаў у Лідзе і Вільні [1, с. 317]. Тым не менш адсутнасць клубаў не перашкаджала спартыўнай дзейнасці «Стральца», якая развівалася за кошт розных спартыўных гурткоў, існаваўшых непасрэдна пры асобных атрадах стральцкай арганізацыі.

Члены гэтых гурткоў ужо з першай паловы 1920-х гг. актыўна ўдзельнічалі ў розных спартыўных спаборніцтвах мясцовага, рэгіянальнага і нават агульнадзяржаўнага ўзроўню. Так, 27 – 28 верасня 1923 г. у Брэсце адбыліся акруговыя спаборніцтвы, арганізаваныя камандаваннем вайскавай акругі № 9 «Брэст над Бугам». У іх прынялі ўдзел 149 чалавек з Брэста, Седлец, Лукава, Слоніма, Бяла-Падляскі і Баранавіч. Найбольш масава быў прадстаўлены менавіта Стральцкі саюз – 13 яго атрадаў выставілі 114 чалавек. Таксама ў спаборніцтвах удзельнічалі прадстаўнікі Гімнастычнага таварыства «Сокал», Саюза сельскай моладзі і Спартыўнае таварыства са Слоніма. У праграму спаборніцтваў уваходзілі ваенна-спартыўнае пяцібор'е, індывідуальная стральба, лёгкае атлетыка і футбол. Па выніках спаборніцтваў лідарам стала каманда Стральцкага саюза з Лукава, якая ўзяла 5 першых, 6 другіх і 3 трэціх месца ў асобных відах. Другое месца занялі стральцы з Брэста – 3 першых, 3 другіх і 4 трэціх месцаў. Трэцяе месца занялі седлецкія стральцы – 1 першае і 3 другіх месцы. Пры гэтым афіцыйная справаздача адзначала, што дасягненні лепшых атлетаў брэсцкіх спаборніцтваў адстаюць нават ад сярэдніх добрых паказчыкаў па ўсёй краіне. Такі вынік тлумачыўся цяжкімі ўмовамі, у якіх працуюць арганізацыі, – недахопам пляцовак, спартыўнага абсталявання і прафесійных кіраўнікоў у невялікіх мястэчках і вялікіх вёсках, адсутнасцю разумення з боку грамадства і мясцовых улад [15, с. 19–21].

Сітуацыя пачала выразна мяняцца пасля 1926 г. Гэта адбылася на выніках спартыўнай дзейнасці стральцкіх арганізацый Заходняй Беларусі. Так, ужо ў 1928 г. нешматлікая віленская каманда «Стральца» заняла першае месца на агульнапольскіх спаборніцтвах саюза па стральбе ў Варшаве [16, с. 3].

Адначасова ў другой палове 1920-х гг. усё большую папулярнасць сярод стральцкіх спартсменаў стаў набываць маршавы спорт. Першым значным маршавым спаборніцтвам стаў «Марш шляхам Кадруўкі». Упершыню ён быў арганізаваны Стральцкім саюзам у 1924 г. у 10-ю гадавіну выступлення 1-й кадравай роты Легіёнаў Пілсудскага 6 жніўня 1914 г. Потым гэты марш адбываўся штогадова па маршруце Кракаў – Кельце (120 км) на працягу трох дзён – з 6 па 8 жніўня. Акрамя ўсяго іншага, гэтым мерапрыемствам «Стралец» ушаноўваў «гістарычны подзвіг Будаўніка Польшчы і свайго найвышэйшага пратэктара маршала Юзэфа Пілсудскага» [17, с. 5]. Стральцкія каманды з Заходняй Беларусі ўпершыню прынялі ўдзел у «Маршы шляхам Кадруўкі» ў 1926 г. – разам з 66 іншымі стральцкімі камандамі ў спаборніцтве ўдзельнічалі каманды з Гродна і Вільні. Праўда, неабходна адзначыць, што віленская каманда не здолела прайсці маршрут у поўным складзе і яе дыскваліфікавалі [18, с. 9; 19, с. 193]. У далейшым удзел заходнебеларускіх стральцоў у маршы стаў рэгулярным.

Падобныя маршы пачалі праводзіцца і непасрэдна на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Так, у 1927 г. тут адбыліся «Майскі марш» па маршруце Беласток – Гродна (82 км), марш «Свіцязянскі шлях» Баранавічы – Навагрудак (58 км). У 1928 г. упершыню правялі «Надбужанскі марш» па маршруце Бяла – Брэст (44 км), «Марш шляхам Баторыя» Канстанцінаў – Вільня (86 км). Апошні з іх быў арганізаваны Віленскім ваяводскім камітэтам фізічнага выхавання і ваеннай падрыхтоўкі, арганізатарам усіх астатніх з'яўляўся Стральцкі саюз [17, с. 5].

Маршавыя спаборніцтвы з'яўляліся важнымі падзеямі ў мясцовым спартыўным жыцці. У якасці прыкладу можна прывесці «Свіцязянскі шлях», мэтай якога было ўшанаванне 1-й кадравай роты і праверка фізічнай спраўнасці войска і арганізацый ВП [20, с. 3]. Першы марш адбываўся 5 – 6 жніўня 1927 г. Усяго ў ім прынялі ўдзел 13 каманд: стральцкія дружыны з Навагрудка, Слоніма, Сталовіч (веска Баранавіцкага павета), Новаельні, Баранавіч, Ліды, Міра, Дзятлава, вайсковыя каманды 78-га і 79-га пяхотных палкоў, 20-га палка палявой артылерыі, каманда батальёна Корпуса аховы пагранічча са Стоўбцаў і дружына Пажарнай стражы з Навагрудка [21, с. 6]. У афіцыйнай справаздачы адзначалася, што многія атрады «Стральца» з сельскай мясцовасці падакругі «Навагрудак» не здолелі прыняць удзел у маршы, паколькі іх члены займаліся сельскагаспадарчымі працамі ў полі. Пераможцам першага «Свіцязянскага шляху» стала каманда

78-га пяхотнага палка, другое месца занялі стральцы з Навагрудка, трэцяе – 79-ы пяхотны полк [22, с. 8–9].

Другі «Свіцязянскі шлях» адбыўся 21–22 ліпеня 1928 г. На гэты раз у ім прынялі ўдзел 23 каманды: 11 стралецкіх (у тым ліку 4 жаночыя), 7 вайсковых, 4 каманды Пажарнай стражы і 1 паліцэйская. Як паказалі вынікі спаборніцтва, узровень фізічнай падрыхтоўкі ў Войску Польшкім быў вышэйшы, чым у Стралецкім саюзе. Першае месца заняла каманда 42-га пяхотнага палка з Беластока (дарэчы, у 1927 г. яна перамагла ў «Маршы шляхам Кадруўкі»). Другое і трэцяе месца занялі адпаведна 78-ы пяхотны полк з Баранавіч і 77-ы пяхотны полк з Ліды [23, с. 28–30].

Трэці «Свіцязянскі шлях» адбыўся 13–14 верасня 1930 г. У ім прынялі ўдзел 19 каманд. Улічваючы папярэдні вопыт, іх падзялі на тры асобныя катэгорыі: армейскія, стралецкія, каманды іншых арганізацый. Кожная катэгорыя спаборнічала асобна. Лідарам сярод дружных Стралецкага саюза стала каманда з Бяла-Падляскі [24, с. 2]. На жаль, трэці «Свіцязянскі шлях» стаў апошнім. Па фінансавых прычынах, звязаных з наступствамі эканамічнага крызісу, мерапрыемства перастала праводзіцца.

Зразумела, што эканамічны крызіс, які пагоршыў і без таго складанае эканамічнае становішча Заходняй Беларусі, адмоўна адбіўся на развіцці спартыўнага жыцця. Тым не менш Стралецкі саюз працягваў сваю дзейнасць у спартыўнай сферы, галоўным чынам праз развіццё спартыўных гурткоў пры сваіх атрадах. Найбольшую актыўнасць у гэтым кірунку «Стралец» праяўляў на Палессі. Згодна з афіцыйнымі данымі, у сярэдзіне 1930-х гг. пры мясцовых атрадах аб'яднання дзейнічала 1 769 спартыўных гурткоў. На розных інструктарскіх спартыўных курсах штогадова навучалася каля 200 стральцоў. У 1933/34 навучальным годзе «Польскую спартыўную адзнаку» атрымалі 2 489 мясцовых стральцоў, а ў 1935/36 навучальным годзе – 3 247 [14, с. 63]. Паказальна, што ў пачатку 1930-х гг. Брэст нават займаў другое месца па колькасці гэтых адзнак сярод польскіх гарадоў (адносна колькасці жыхароў) [2, с. 136].

У другой палове 1930-х гг. афіцыйныя справаздачы адзначалі «добра зразумелае кіраванне масавым спортам» палескіх стральцоў, што пэўным чынам кампенсавала адсутнасць нейкіх выдатных спартыўных рэкордаў. Так, у 1937 г. на Палессі Стралецкі саюз правёў 61 лыжны паход, 53 веласіпедныя рэйды, 263 турыстычныя паходы, 27 водных рэйдаў (вясялярных, парусных, на байдарках). Акрамя таго, была праведзена веласіпедная эстафета ад савецкай граніцы (Мікашэвічы) праз паветы: Лунінец, Пінск, Драгічын, Кобрын, Косава, Пружаны, Бельск-Падляскі, Седльце, Лукаў, Радзынь-Падляскі, Бяла-Падляска, Влодава, Брэст (агульная працягласць 860 км). У гэтым мерапрыемстве, якое мела спартыўна-турыстычны і прапагандысцкі характар, прынялі ўдзел 20 каманд, а таксама 390 індывідуальных удзельнікаў, стральцоў і членаў іншых арганізацый. Таксама на мясцовым узроўні (ваяводства, павет, горад, гміна) быў праведзены шэраг камандных спаборніцтваў па асобных відах спорту: 58 баскетбольных, 605 валебольных, 17 па боксу, 66 футбольных, 178 па лёгкай атлетыцы, 14 хакейных, 13 веласіпедных, 205 па настольным тэнісе, 3 па лыжнаму спорту, 10 па водных відах спорту (вясялярныя, байдарачныя, парусныя), а таксама 25 маршаў [25, с. 15].

Больш сціплымі былі спартыўныя дасягненні стральцоў у іншых акругах і падакругах на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Стралецкая прэса прызнавала, што, за выключэннем віленскага Спартыўнага клуба Стралецкага саюза, спартыўная дзейнасць арганізацыі не выйшла за лакальныя межы, хаця, улічваючы цяжкія мясцовыя ўмовы, у гэтай сферы робіцца шмат [26, с. 13]. Віленскі спартыўны клуб «Стральца», секцыі якога ўваходзілі ў склад агульнадзяржаўных спартыўных федэрацый Польшчы, займаў высокія месцы ў класіфікацыі, праведзенай Галоўнай камандатурай арганізацыі [27, с. 108]. З 1935 г. на Віленшчыне рэгулярна праводзіўся лыжны марш Зулаў – Вільня, які з цягам часу набыў маштаб агульнадзяржаўнага спартыўнага мерапрыемства. Актыўны ўдзел у яго арганізацыі і правядзенні прымалі і мясцовыя стралецкія структуры [1, с. 324]. Што тычыцца Навагрудчыны, то гэта наогул быў слаба развіты ў спартыўным плане рэгіён Заходняй Беларусі [1, с. 327]. Пра гэта сведчыла і статыстыка Стралецкага саюза. Напрыклад, у 1936 г. мясцовыя стралецкія структуры правялі 24 спаборніцтвы па лёгкай атлетыцы. Акрамя таго, праводзіліся спаборніцтвы па вясялярнаму спорту, 440 юнакоў і дзяўчат прынялі ўдзел у баскетбольных спаборніцтвах. Пры гэтым кіраўніцтва «Стральца» спасылалася на камуніка-

цыйныя цяжкасці і аддаленасць ад асноўных кіруючых органаў, што перашкаджала нармальнаму развіццю, у тым ліку і спартыўнай працы [28, с. 94].

Такім чынам, у 1920 – 1930-х гг. Стралецкі саюз «Стралец» у ходзе рэалізацыі афіцыйнай маладзёжнай палітыкі праводзіў значную спартыўную дзейнасць сярод моладзі Заходняй Беларусі. Згодна са статутнымі дакументамі «Стральца», гэтая дзейнасць лічылася адным з асноўных кірункаў працы дадзенага аб'яднання. Яна актывізавалася пасля 1926 г. і ў першую чаргу праводзілася ў рамках ваеннай падрыхтоўкі маладога пакалення. Таксама пэўную працу вялі стралецкія клубы і спартыўныя гурткі пры мясцовых стралецкіх атрадах. Стралецкія структуры Заходняй Беларусі прымалі ўдзел у арганізацыі і правядзенні рознага роду спартыўных мерапрыемстваў як рэгіянальнага, так і агульнадзяржаўнага маштабу. Найбольшую актыўнасць у спартыўнай сферы Стралецкі саюз праяўляў на Палессі і ў Вільні. Тым не менш неабходна адзначыць, што наступствы эканамічнага крызісу і наогул цяжкае матэрыяльнае становішча заходнебеларускіх ваяводстваў сталі сур'ёзнай перашкодай для развіцця спартыўнай дзейнасці «Стральца» ў рэгіёне. На працягу ўсяго міжваеннага перыяду яна так і не набыла сапраўды масавага характару і не здолела ахапіць шырокіх колаў заходнебеларускай моладзі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Małolepszy, E. Przyczynek do dziejów sportu ludności polskiej województw północno-wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej / E. Małolepszy // *Przegląd Polsko-Polonijny*. – 2012. – № 3. – S. 313–328.
2. Małolepszy, E. Kultura fizyczna i turystyka w województwie poleskim w latach 1921–1939. Zarys problematyki / E. Małolepszy, T. Drozdek-Małolepsza // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – 2014. – № 41. – S. 126–142.
3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 242 п. Прадстаўніцтва ЦК КПЗБ. Воп. 1. Спр. 483.
4. НАРБ. – Ф. 242 п. Прадстаўніцтва ЦК КПЗБ. Воп. 1. Спр. 465.
5. Bogalecki, T. Związek Strzelecki wobec słowiańskich mniejszości narodowych w II Rzeczypospolitej / T. Bogalecki // *Przegląd Historyczny*. – 1995. – № 3–4. – S. 351–359.
6. Statut i regulaminy Związku Strzeleckiego. – Warszawa: Wydawnictwo Centralnego Instytutu Wydawniczego Związku Strzeleckiego, 1933. – 178 s.
7. Jabłonowski, M. Wychowanie fizyczne i przysposobienie wojskowe w opiniach Józefa Piłsudskiego 1926–1935 (wybrane zagadnienia) / M. Jabłonowski // *Echa Przeszłości VI*. – Olsztyn, 2005. – S. 107–118.
8. Dziemianko, Z. Przysposobienie wojskowe Związku Strzeleckiego w latach 1919–1939 / Z. Dziemianko // *Przegląd Naukowo-Metodyczny. Edukacja dla Bezpieczeństwa*. – 2009. – № 2. – S. 57–63.
9. Дзяржаўны архіў Брэскай вобласці (ДАБВ). – Ф. 67 сч. Камандаванне акругі карпусоў № 9. – Воп. 2. – Спр. 197.
10. Tymczasowy program przysposobienia wojskowego w szkołach średnich, zawodowych i seminarjach nauczycielskich // *Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego*. – 1923. – № 1. – S. 7–9.
11. Kurlito, M. Wychowanie fizyczne w Związku Strzeleckim / M. Kurlito // *Strzelec*. – 1933. – № 53. – S. 80–82.
12. ДАБВ. – Ф. 59 оц. Папачыцельства Брэскай школьнай акругі. – Воп. 2 оц. – Спр. 1052.
13. Statut Brzeskiego klubu sportowego “Strzelec”. – Brześć: Drukarnia Literacka, 1931. – 16 s.
14. Cichowicz, C. Jak pracuje Okręg Brześć nad Bugiem / C. Cichowicz // *Strzelec*. – 1936. – № 50–52. – S. 62–64.
15. Kawalec, T. Okręgowe zawody sportowo-strzeleckie organizacji P.W. w Brześciu n/B. / T. Kawalec // *Strzelec*. – 1924. – № 19 – 20. – S. 19–22.
16. Ze związku Strzeleckiego // *Kurjer Wileński*. – 1928. – 13 października. – S. 3.
17. Wiśniewski, K. O sporcie pieszym / K. Wiśniewski // *Stadjon*. – 1929. – № 24. – S. 5.
18. Czaki, T. Trzeci Marsz Szlakiem Kadrówki / T. Czaki // *Strzelec*. – 1926. – № 31–33. – S. 4–19.
19. V-ty Marsz Szlakiem Kadrówki 6. VIII. 1928. – Warszawa: Drukarnia Państwowa, 1928. – 244 s.
20. Regulamin Marszu Strzeleckiego „Szlakiem Świteziańskim” Baranowicze – Nowogródek. – Nowogródek: Drukarnia Wydziału Pow. w Nowogródku, 1930. – 16 s.
21. Kronika // *Życie Nowogródzkie*. – 1927. – № 13. – 6 sierpnia. – S. 6.
22. Przebieg Marszu Szlakiem Świteziańskim // *Życie Nowogródzkie*. – 1927. – № 14. – S. 7–9.
23. Drugi Marsz Szlakiem Świteziańskim // *Strzelec*. – 1928. – № 31–32. – S. 28–30.
24. III Marsz Szlakiem Świteziańskim // *Życie Nowogródzkie*. – 1930. – 14 września. – S. 2.
25. Kurlito, M. Z życia sportowego okręgów Związku Strzeleckiego w r. 1937 / M. Kurlito // *Strzelec*. – 1938. – № 2. – S. 15–16.
26. Kurlito, M. Z życia sportowego okręgów Związku Strzeleckiego w r. 1937 / M. Kurlito // *Strzelec*. – 1938. – № 3. – S. 12–13.
27. Strzelcy na ziemi Komendanta // *Strzelec*. – 1936. – № 50 – 52. – S. 105–109.
28. Gajl-Kot, A. Na pograniczu Rzeczypospolitej / A. Gajl-Kot // *Strzelec*. – 1936. – № 50–52. – S. 93–95.

References

1. Małolepszy E. Przyczynek do dziejów sportu ludności polskiej województw północno-wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej [*A contribution to the history of sport to the population of Polish north-eastern provinces of the Second Polish Republic*]. Przegląd Polsko-Polonijny [*The Poland – Polonia Review*], 2012, no. 3, pp. 313–328.
2. Małolepszy E., Drozdek-Małolepsza T. Kultura fizyczna i turystyka w województwie poleskim w latach 1921 – 1939. Zarys problematyki [*Physical culture and tourism in the Polesie province in the years 1921 – 1939. Outline of the problem*]. Białoruskie Zeszyty Historyczne [*Belarusian Historical Journals*], 2014, no. 41, pp. 126–142.
3. Natsional’nyj archive Respubliki Belarus’ (NARB) [*National Archive of the Republic of Belarus (NARB)*]. F. 242 p. L. 1. C. 483.
4. NARB [*NARB*]. F. 242 p. L. 1. C. 465.
5. Bogalecki T. Związek Strzelecki wobec słowiańskich mniejszości narodowych w II Rzeczypospolitej [*Shooting Union against Slavic national minorities in the Second Polish Republic*]. Przegląd Historyczny [*Historical Review*], 1995, no. 3–4, pp. 351 – 359.
6. Statut i regulaminy Związku Strzeleckiego [*Statute and regulations of the Shooting Union*]. Warsaw, 1933, 178 p.
7. Jabłonowski M. Wychowanie fizyczne i przysposobienie wojskowe w opiniach Józefa Piłsudskiego 1926–1935 (wybrane zagadnienia) [*Physical education and military training in the opinions of Józef Piłsudski 1926–1935 (selected issues)*]. Echa Przeszłości VI [*Echoes of the Past VI*]. Olsztyn, 2005, pp. 107–118.
8. Dziemianko Z. Przysposobienie wojskowe Związku Strzeleckiego w latach 1919–1939 [*Military disposition of the Shooting Union in the years 1919 – 1939*]. Przegląd Naukowo-Metodyczny. Edukacja dla Bezpieczeństwa [*Scientific and Methodological Review. Education for safety*], 2009, no. 2, pp. 57–63.
9. Gosudarstvennyj arkhiv Brestskoj oblasti (GABO) [*State Archives of Brest Region (SABR)*]. F. 67 sch. L. 2. C. 197.
10. Tymczasowy program przysposobienia wojskowego w szkołach średnich, zawodowych i seminarjach nauczycielskich [*Provisional program of military training in secondary schools, vocational and teacher training seminars*]. Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego = *Official Journal of the Ministry of Religion and Public Education*, 1923, no. 1, pp. 7–9.
11. Kurlito M. Wychowanie fizyczne w Związku Strzeleckim [*Physical education in the Shooting Union*]. *Strzelec = Archer*, 1933, no. 53, pp. 80–82.
12. GABO [*SABR*]. F. 59 oc. L. 2 oc. C. 1052.
13. Statut Brzeskiego klubu sportowego „Strzelec” [*Statute of Brest sports club „Strzelec”*]. Brest, 1931, 16 p.
14. Cichowicz C. Jak pracuje Okręg Brześć nad Bugiem [*How the Brest on the Bug district works*]. *Strzelec = Archer*, 1936, no. 50 – 52, pp. 62 – 64.
15. Kawalec, T. Okręgowe zawody sportowo-strzeleckie organizacji P. W. w Brześciu n/B. [*District sports and shooting competition of the M. T. organizations in Brest*]. *Strzelec = Archer*, 1924, no. 19–20, pp. 19–22.
16. Ze związku Strzeleckiego [*From the Shooting Union*]. *Kurjer Wileński = Wilno Kurier*, 1928, no. 235, p. 3.
17. Wiśniewski K. O sporcie pieszym [*About walking sport*]. *Stadion = Stadium*, 1929, no. 24, p. 5.
18. Czaki T. Trzeci Marsz Szlakiem Kadrówki [*Third March along the Kadrówka Trail*]. *Strzelec = Archer*, 1926, no. 31–33, pp. 4 – 19.
19. V-ty Marsz Szlakiem Kadrówki 6. VIII. 1928. [*V-th March along the Kadrówka Trail 6. VIII. 1928.*] Warsaw, 1928, 244 p.
20. Regulamin Marszu Strzeleckiego „Szlakiem Świteziańskim” Baranowicze – Nowogródek [*Regulations of the Marching Rifle «Svityazan Trail» Baranowicze – Novogrudok*]. Novogrudok, 1930, 16 p.
21. Kronika [*Chronicle*]. *Życie Nowogródzkie = Nowogrodek life*, 1927, no. 13, p. 6.
22. Przebieg Marszu Szlakiem Świteziańskim [*The route of the March along the Svityazan Trail*]. *Życie Nowogródzkie = Nowogrodek life*, 1927, no. 14, pp. 7–9.
23. Drugi Marsz Szlakiem Świteziańskim [*Second March on the Svityazan Trail*]. *Strzelec = Archer*, 1928, no. 31–32, pp. 28–30.
24. III Marsz Szlakiem Świteziańskim [*III March along the Svityazan Trail*]. *Życie Nowogródzkie = Nowogrodek life*, 1930, no. 215, p. 2.
25. Kurlito M. Z życia sportowego okręgów Związku Strzeleckiego w r. 1937 [*From the sporting life of the Shooting Union District in 1937*]. *Strzelec = Archer*, 1938, no. 2, pp. 15–16.
26. Kurlito M. Z życia sportowego okręgów Związku Strzeleckiego w r. 1937 [*From the sporting life of the Shooting Union District in 1937*]. *Strzelec = Archer*, 1938, no. 3, pp. 12–13.
27. Strzelcy na ziemi Komendanta [*Archers on the Commander’s land*]. *Strzelec = Archer*, 1936, no. 50 – 52, pp. 105–109.
28. Gajl-Kot A. Na pograniczu Rzeczypospolitej [*On the border of the Republic*]. *Strzelec = Archer*, 1936, no. 50–52, pp. 93–95.

Информация об авторе

Кривуть Виталий Иванович – кандидат исторических наук, доцент. Барановичский государственный университет (ул. Войкова, 21, 225404, Барановичи, Республика Беларусь). E-mail: krivut@mail.ru

Information about the author

Vitaly I. Kryvuts – Ph. D. (Hist.), Associate Professor. Baranovichi State University (21 Voikova Str., Baranavichy 225404, Belarus). E-mail: krivut@mail.ru

МОВАЗНАЎСТВА
LINGUISTICS

УДК 81'373.611
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-450-456>

Поступила в редакцию 26.02.2019
Received 26.02.2019

А. В. Никитевич

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ**

Аннотация. Статья посвящена такой хорошо известной, на первый взгляд, в теории словообразования единице, как словообразовательная пара. Построение различных фрагментов словообразовательного гнезда базируется на основе различных объединений родственных единиц (словообразовательных цепочек, словообразовательных парадигм), важнейшим элементом которых является словообразовательная пара. С учетом особенностей словообразовательной лексикографии представляется достаточно актуальным вопрос: сколь различно семантическое наполнение словообразовательных пар в некоторых подсистемах русского языка (литературный язык/говоры)? Словообразовательные пары могут наполняться различным семантическим содержанием, так как различны лексические значения производящей и производной единиц. Однако очевидно, что словообразовательная пара – это результат *моделирования*, при котором учитывается собственно словообразовательная семантика. Если в каждом конкретном случае учитывать и лексические значения производящих и производных, то приходится говорить о наличии некоторого количества лексико-словообразовательных пар. Автор обращает внимание на необходимость рассмотрения трех групп единиц: 1) словообразовательные пары как объединения слов в системе литературного языка; 2) словообразовательные пары диалектные, которых не знает литературный язык; 3) словообразовательные пары синтезированного типа, когда возможное объединение связывает слово диалектное и слово литературного языка. В последнем случае производные слова в говорах нередко претендуют на роль «заполнителей» словообразовательных и семантических лакун.

Ключевые слова: словообразовательная пара, словообразовательная семантика, лингвистическое моделирование, фрагменты лексико-словообразовательных гнезд

Для цитирования. Никитевич А. В. Словообразовательная пара: теория и практика лексикографирования / А. В. Никитевич // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 4. – С. 450–456. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-450-456>

A. V. Nikitevich

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

DERIVATIONAL PAIR: THEORY AND PRACTICE OF LEXICOGRAPHY

Abstract. The article is devoted to such a seemingly well-known in the theory of word formation unit as a derivational pair. The construction of various fragments of family of words is based on different combinations of related units (word-building chains, word-building paradigms), the most important element of which is a derivational pair. In the light of the peculiarities of derivational lexicography, the following question appears to be relevant: how different is the semantic content of derivational pairs in certain subsystems of the Russian language (literary language / dialects)? Derivational pairs can have different semantic content because of the differing lexical meanings of the base and the derivative. However, a derivational pair is obviously the result of modelling in which the word-building semantics proper is taken into account. If lexical meanings of the base and the derivative are taken into account in each particular case, then it is necessary to speak about the existence of some quantity of derivational pairs. The author draws attention to the necessity of examining the three following groups of units: 1) derivational pairs as combinations of words in the system of the literary language; 2) dialectal derivational pairs unknown in the literary language; 3) derivational pairs of synthesized type, when the combination of a dialectal word and a literary word is possible. In the latter case, the derived words often take on the role of «fillers» of word-building and semantic lacunas in dialects.

Keywords: derivational pair, semantics of word formation, linguistic modelling, fragments of lexical word-building families of words

For citation. Nikitevich A. V. Derivational pair: theory and practice of lexicography. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk* = *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 4, pp. 450–456 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-450-456>

А. Н. Тихонов, перечисляя круг вопросов, связанных с описанием словообразовательных цепочек, в свое время сетовал, что «не изучены СЦ с точки зрения их семантической структуры, формального строения» [1, с. 10]. И если с описанием формального строения различных типов словообразовательных цепочек было достаточно просто, о чем свидетельствует целый ряд работ [2–4], то семантические преобразования (либо непреобразования), происходящие при соединении как минимум двух словообразовательных пар, требовали более тщательных и далеко не механистических исследований. Об этом свидетельствуют высказывания различных лингвистов. Так, еще А. А. Потебня писал: «В ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть названо внутренней формой последующего» [5, с. 83–84]. По мнению Л. А. Новикова, «специфика словообразовательного значения в том, что оно лежит в плане междусловной мотивированности, представляя собой одно из проявлений “внутренней формы...”». Словообразовательная семантика имеет отношение к сфере производных слов, к проблематике лингвистического конструирования словообразовательных цепочек, гнезд, подсистем и всей деривационной системы языка, к проблеме словообразовательного синтеза» [6, с. 19–20].

В свое время Ш. Балли писал: «...Простой знак может получить многочисленные значения... в то время как мотивированный знак уже в силу одной своей сложности лишен возможности представлять много значений» [7, с. 374]. Развивая далее мысль Ш. Балли, О. П. Ермакова делает вывод: «...Чем более сложной словообразовательной структурой обладает слово, тем менее сложна его семантическая парадигма» [8, с. 40–41]. Обращаясь к проблеме изучения особенностей лексической семантики производных слов, исследователь развивает свою мысль: «При изучении деривационной цепи обнаруживаются некоторые семантические закономерности, недостаточно очевидные при анализе отдельных ее звеньев... В словообразовательной цепи наблюдаются смысловые отношения между звеньями, которые не обнаруживаются в словообразовательной паре» [8, с. 39]. В дальнейшем данной проблематике автор посвятил целую монографию [9].

Хорошо известно, что, помимо словообразовательного гнезда, в свое время часто использовался и термин «лексическое гнездо» [10; 11]. При этом учитывалось, что связи между родственными словами не исчерпываются отношениями словообразовательной производности, имеют место и самые многообразные отношения лексической мотивации, возникающие («спровоцированные») на основе семантики корневой морфемы. В рамках лексического гнезда можно найти место и таким объединениям родственных слов, которые очевидны благодаря мотивации лексической, а не словообразовательной мотивированности. В этой связи, на наш взгляд, есть все основания в некоторых (вполне конкретных) случаях рассматривать в качестве моделируемых фрагментов лексико-словообразовательные пары, лексико-словообразовательные цепочки, лексико-словообразовательные парадигмы. К слову говоря, почему в случае удивительного многообразия значений (например, диалектных слов *пятерик*, *пяток*) не говорить о наличии своеобразной семантической парадигмы, демонстрирующей семантический потенциал той или иной однословной «материальной» структуры в языке говоров.

Ср.: *Пятерик* 1. 'Денежный знак или сумма в пять рублей' Пск., Осташк. Твер., 1855. *Ну, давайте за эта пятерики* Дон. 2. 'Воз сена из пяти копен' Арх., Волог., 1890–1893. 3. 'Укладка из пяти снопов' Волог., 1902. *Суслон – так десять снопов, а пятерик – пять*. Новг., Калинин., Коми АССР. 4 'Набор из пяти сундуков различных размеров, вставленных один в другой' Бломквист, 1956. 5. 'Лодка, сделанная из пяти досок' *У нас пятерик, он, конечно, перегонит, если Гошке еще дваярушным, да лопасным веслам грестись, дак тогда можно состязаться* Кирен., Иркут., 1960. 6. 'Рог марала с пятью отростками' *Маралий рог с отростелями, пять если, так пятерик* Усть-Канск Горно-Алт., 1964. 7. 'Кисть руки' Пск., Осташк. Твер., 1855. *Пятерик-то у тебя хороший* Свердл. *Хватить пятириком. 'Дать оплеуху'. Хватил его пятириком.* Даль. 8. 'Животное

в возрасте пяти лет' *Бычка пяти лет называют пятерик*. Кокчетав. 9. 'Сенокосный участок в пять десятин' *Скосил два пятерика сена*. Ряз., 1902. 10. 'Бревно длиною в пять саженой (около 10,5 м)' Слов Акад. 1822, Кадн. Волог., 1854. *Ежели дерево пять сажен длины – это пятерики*. Перм. 11. 'Бердо на пять или пятнадцать пасм' Вельск. Арх., 1957. || Нитка или веревка из пяти прядей Даль. 12. 'Рыболовная сеть с ячейей размером в пять пальцев' Пск., 1912–1914. *Ставные сети разные бывают двойники, есть еще четверники, пятерики* Пск. 13. 'Единица счета в ткачестве' Усть-Канск, Горно-Алт., 1971. 14. 'Деревянная борона в 20 зубьев' Яросл., 1896. 15. 'Небольшое помещение для содержания домашних животных' *Давайте построим пятерик для поросенка да курей*. Медын Калуж., 1955. 16. 'Семейский религиозный праздник в честь пятого ребенка' У некоторых семейских этот праздник назывался пятерик. Забайкалье, 1980. 17. 'Поленница дров' Яросл., 1970. 18. 'То же, что пятерка (в 5-м знач.)' *Пятерик – тоже коса, большие пятериками и косят*. Соль-Илецк Чкал., 1955. 19. 'Одна из плоскостей гранящегося камня' Урал, 1936 [12, т. 33, с. 219–220].

Возвращаясь к новым (или давно забытым старым!) терминам, можно пояснить один из них на конкретных примерах. При моделировании лексико-словообразовательных парадигм вполне возможно рассматривать не только совокупность очевидных словообразовательных пар, например, *пять – пятерик* (*пятерик* 1. 'Денежный знак или сумма в пять рублей', 2. 'Воз сена из пяти копен', 3. 'Укладка из пяти снопов' и т. д.), но и такие объединения *родственных по корню* единиц, когда их «содружество» определяется лишь формально: *пять – пятерик* (17. 'Поленница дров'); *пять – пятерки* 'Ткацкие станки, вырабатывающие ткань шириной около 18 см.').

В некоторых случаях словообразовательная цепочка легко восстанавливается благодаря совершенно очевидным «пропущенным» звеньям. Сравните: *пять – пятерица – (*пятеричный) – пятерично*. *Пятерица* 'Пяток, пять, пятеро'. Даль. *Пятерично*, нареч. 'Пять раз, помножив на пять'. Даль. [12, т. 33, с. 220]. Хотя очевидно, что «пропущенное звено» легко заполняется словом *пятеришиный* 'Вмещающий пять мер чего-л.' *Оно небольшое озерцо-то. Стену прошли – пятеришиный мешок наклали*. Ульянов., 1952 [12, т. 33, с. 220].

Возникает очень интересный вопрос: *сколько различно семантическое наполнение словообразовательных пар*, к примеру, *пятерик – пятериковый* в системе русского литературного языка и в говорах? В говорах в паре *пятерик* (в 12-м знач.) – *пятериковый* второе слово имеет значение 'Относящийся к пятерику (в 12-м знач.), служащий для изготовления пятерика' *Пятериковая лопатка* (для вязания сетей) Ср. Урал, 1976. *Пятериковая сеть*. То же, что *пятерик* (в 12-м знач.) Р. Урал, 1975.

В системе литературного языка: *Пятериковый* 'Представляющий собой пятерик (в 1-м знач.); содержащий пятерик чего-либо'. *Пятериковый куль*. *Пятериковая гиря*. Пятериковые свечи. Свечи, которых приходится 5 штук на фунт. – Отчего вы разом не дадите 10 копеек на целый фунт пятериковых свечей? (Фет. Ранние годы моей жизни) [13, т. 11, 1820].

Словообразовательные пары могут наполняться различным семантическим содержанием, так как различны лексические значения производящей и производной единиц! Однако очевидно, что *словообразовательная пара* – это минимальная комплексная единица системы *словообразования*, результат *моделирования*, при котором учитывается собственно *словообразовательная семантика*. Если в каждом конкретном случае учитывать и лексические значения производящих и производных, то придется говорить о наличии некоторого количества *лексико-словообразовательных пар*. Причем следует отметить, что в нашем случае, применительно к материалу нашего исследования, необходимо рассматривать и *словообразовательные пары синтезированного типа*, когда возможное объединение связывает слово диалектное и слово литературного языка. Сопоставим ряд слов, отмечаемых в системе литературного языка и в русских народных говорах.

Пятерка '1. Разг. Цифра 5'. *Написать пятерку* // Название предметов, именуемых этой цифрой, например: трамвай №5. 2. 'Школьная отметка'. 3. 'Денежный знак или сумма в пять рублей'. 4. 'Игральная карта, имеющая 5 очков'. 5. Разг. 'Группа из пяти человек или из пяти предметов'. 6. 'Обл. Кадка, вмещающая 5 мер зерна'. *Пятерочка* 'Разг. Уменьш.-ласк. к пятерка'. *Пятерочник* 'Разг. Ученик, обычно получающий высшую отметку – пятерку; отличник'. *Пятерочница* 'Разг. Женск. к пятерочник' [13, т. 11, 1822].

В говорах: *Пятёрка* 1. 'Обоз из пяти лошадей с одним ямщиком' *Пятёрка – это пять лошадей друг за другом гуськом, а за каждой телега, один ямщик гонит* Кыштов Новосиб., 1965. ||

Пять сменных лошадей одного ямщика, участника товарного извоза. *Итак за сутки всю пятерку переменяешь* Том., 1960. 2. 'Кадка, вмещающая пять мер зерна' Самар., 1858, Слов Акад. 1961. 3. 'Доска толщиной в пять сантиметров'. *Были двадцатки – доска в двадцать миллиметров, пятерка – пятьдесят миллиметров* Амур., 1983. 4 'Рыболовная сеть с ячей в 5 см'. *Вяжешь сетку с очком в пять сантиметров – пятерку*. Амур., 1983. 5 'Коса с полотном около 50 см'. *Косы разные бывают, есть пятерка – это пятьдесят сантиметров. Пятерка называлась коса в пять ладоней*. Амур. [12, т. 33, с. 220].

В русском литературном языке можно констатировать наличие словообразовательных цепочек *пять – пятерка – пятерочка* (возможной в целом ряде значений слова *пятерка*) и *пять – пятерка – пятерочник – пятерочница*, представляющей развитие 2-го значения слова *пятерка*. В русских народных говорах слово *пятерка* реализует свой деривационный потенциал посредством семантической деривации (6 различных значений) и в лексикализации формы множественного числа. Ср.: *пятерки* 'Ткацкие станки, вырабатывающие ткань шириной около 18 см.' *На первой, ткацкой есть пятерки* Егор. Моск., 1957–1959.

Целый ряд слов, отмеченных в Словообразовательном словаре А. Н.Тихонова [14], охарактеризован в [13]. Ср.: *Пятин* 1. 'Один из пяти территориально-административных районов, на которые делились земли Великого Новгорода'. [Шведы] в согласии с немецкими рыцарями попытались захватить новгородскую балтийскую пятину (А. Н.Толстой). // Население этого района. 2. 'Пятая часть (урожая, доходов и т. п.), взимаемая в старину за аренду земли, за провоз и т. п.'. *Пятинный* 'Относящийся к пятине'. *Пятинные деньги*. *Пятинное* деление Новгородской области появляется уже в актах московского времени (Ключевский) [13, т. 11, с. 1828].

Словообразовательная цепочка *пять – пятин* – *пятинный* актуальна для обоих значений слова *пятин*.

Пятитка 'Устар., простореч. То же, что и пятерка'. *Пятишница* Простореч. 'То же, что пятирублевка'. – Даст ему дед пятишницу, он на три рубля купит, а на десять украдет, невесело говорила она (М. Горький). *Пятница* 'Пятый день недели'. *Пятничный* 'Относящийся к пятнице, происходящий в пятницу'. *Пятничный спектакль* [13, т. 11, с. 1837].

Словообразовательные пары: *пять – пятитка*, *пять – пятишница*, *пяток – пятачек*, *пять – пятый*.

Как видно, набор и качество (семантическое содержание) словообразовательных пар в литературном языке и в говорах могут существенно отличаться.

Словообразовательная цепочка – *пять – пятница – пятничный*.

Пяток 1. 'Счетная единица – пять одинаковых предметов; половина десятка'. Продавать яблоки *пятками*. // Разг. Количество из пяти единиц; пять. Около него шумел и кричал целый *пяток* различного возраста детей (Писемский). 2. Устар. и обл. 'Пятница'. В среду и *пяток* [монахи] оставались без трапезы (Салтыков-Щедрин). *Пятачек* 'Ласк. к пяток (в 1-м знач.)'. *Пятак* '1. Монета или сумма в пять копеек'. *Пятачок* '1. Ласк. к пятак (в 1-м знач.)'. *Пятаковый* 'Ценою в пятак, стоящий пять копеек'. Он шел в церковь, ставил иконам *пятаковые* свечи и усердно молился (Новиков-Прибой). *Пятачковый* 'Ценою в пятачок, стоящий пять копеек'. [Я] зашел в магазин Юдина и купил *пятачковую* палочку шоколада (Вересаев) [13, т. 11, с. 1820].

Словообразовательные цепочки: *пять – пятак – пятаковый*; *пять – пятак – пятачок – пятачковый*. Семантика проста и очевидна.

В системе литературного языка, как известно, также имеют место следующие слова: *впятеро* 'В пять раз, в пять частей, долей, слоев и т. п.'. *Сложить, свернуть впятеро*. *Впятером* 'В количестве пяти человек (или очеловеченных животных – в баснях, сказках)'. *Мы выехали из Петербурга впятером*. *В-пятых* 'В пятый раз по счету' [13, т. 2, с. 784]. *Упятерять* (упятерить) 'Увеличивать, усиливать в пять раз'. *Упятерять доходы*. *Упятеряться* (упятериться) 'Увеличиваться, усиливаться впятеро' [13, т. 16, с. 799].

Подводя итоги некоторых наблюдений, можно выделить три группы имеющих место отношений. Во-первых, есть словообразовательные пары как объединения слов в системе литературного языка. Во-вторых, есть словообразовательные пары диалектные, которых не знает литературный язык. И, в-третьих, есть такие производные слова в говорах, которые могут обнаруживать в той или иной мере связи с литературным языком, но претендуют на роль «заполнителей»

лакун [15]. Например: *пятничать* ‘Поститься по пятницам’ Слов. Акад. 1822. *И пятничает, и понеделничает, да сплетничает* Даль. *Пятниться* ‘Быть непостоянным, часто менять свои решения’ Ветл. Костром., 1917. Ср.: *У него семь пятниц на неделе*. Объединяющее обе подсистемы слово *пятница* ‘Пятый день недели’. У А. Н. Тихонова еще отмечено прилагательное *пятничный* ‘Относящийся к пятнице, происходящий в пятницу’. *Пятничный спектакль*. В [12], кстати, данное прилагательное отсутствует.

Совершенно очевидна возможность моделирования такого фрагмента словообразовательного гнезда, в котором синтезированы деривационные возможности обеих подсистем [16]. Включаемые слова (и выражаемые ими значения!) (*пятничать, пятниться* и, кстати, *пятничный* (!)) совершенно очевидны, жизненны и актуальны (когнитивно значимы) для системы языка в целом.

Рассмотрим еще один пример. Слово *пяток*, безусловно, есть результат деривации от числительного *пять*. Однако семантический объем и «разброс» возможных значений у этого деривата в системе литературного языка и в говорах различен. В системе литературного языка (по данным [13]):

Пяток 1. ‘Счетная единица – пять одинаковых предметов; половина десятка’. Продавать яблоки *пятками*. // Разг. Количество из пяти единиц; пять. Около него шумел и кричал целый *пяток* различного возраста детей (Писемский). 2. ‘Устар. и обл. Пятница’. В среду и *пяток* [монахи] оставались без трапезы (Салтыков-Щедрин) [13, т. 11, с. 1839].

В говорах: 1. *Пяток* 1. ‘Пять копеек’ Р. Урал, 1976. 2. ‘Отметка пять, отлично’ Волог., 1901. 3. ‘Участок земли на пять человек, равный одной десятине’ Вышневол. Калин., 1938–1940 || Мера земельной площади в пять квадратных саженой Одесск., 1969. 4 ‘Рыболовные сети в пять сажень длины (около 10,6 м)’ Пинеж. Арх., 1902. || Часть сети длиной в семь саженой (около 15 м), составляющая крыло невода. Галич Костром., 1914. 5. ‘То же, что пятерик (в 3-м знач.)’ Каин. Том., 1895–1896. *Из пятков снопы и скирды кладут*. Р. Урал || Пятком, пятками (ставить и т. п.), в знач. наречия *Снопы ставят пятком* Р. Урал, 1976. 6. ‘Копна или стог сена, соломы и т. п.’ Грязов Волог., 1905. 7. ‘Мера льняного волокна, обычно равная 50 связкам, горстям льна’ Слов. Акад. 1822. Кинеш., Костром., 1846. *Кербо́ – десять десятков по двадцать волокон, – пятко – полкерби*. Калин. Сев.–Двин., 1928. 8. ‘Пять лык как единица счета’ Тобол., 1899. 9. ‘Детская игра в бабки или в пять камешков’ Кадн., Волог. Волог., 1890. *Пятки* Новг. Новг., 1905–1921 *Пятки – когда один ловит, а как упустил, так и проиграл*. Дон. 10. ‘Мн. Карточная игра’ *Сыграем что ли в пятки?* Буйск. Костром., 1897. 11. ‘День недели пятница’ Бобр. Ворон., 1857. *В пятко курицу на яйца не сажают, цыплята не живут* Даль [12, т. 33, с. 233 – 234].

Семантический диапазон возможных результатов деривации *пять – пятко* в говорах просто поражает! И вновь возвращает нас к необходимости обсуждения давно пройденного в теории словообразования – понятию словообразовательной пары. Среди высказанных в самом начале статьи некоторых точек зрения на особенности смысловых отношений, которые возможны между производящей и производной единицами в рамках подобных объединений наиболее очевидным считается следующее определение: «*Словообразовательная пара*. Члены словообразовательной пары – производящее и производное – связаны между собой и формально, и семантически... Значение производного формируется на базе семантики производящего. Производящие и производные слова связывает не какое-то общее значение, не какая-то общая идея, заложенная в корне слова и свойственная всем однокоренным словам. Каждое производное слово возникает на базе строго определенного значения производящего. Семантическая общность однокоренных слов базируется на конкретных лексических значениях, свойственных производящим словам словарного гнезда... Наличие общего семантического элемента, семантическая выводимость производного слова из производящего является основным условием объединения их в словообразовательную пару...» [17, т. 1, с. 612, 616]. При этом возникает вопрос: можно ли говорить о словообразовательной паре синтезированного типа, если диалектное производное слово в одном говоре совершенно очевидно связано с лексическим значением диалектного (или недиалектного (!)) слова в другом говоре? При этом никак не нарушаются требования теории к основаниям объединения двух слов в словообразовательную пару! Хорошо известно, что во многих случаях исходные (производящие) общеупотребительные слова в Словаре говоров не приводятся (!) (понятно, что они есть в говорах, и носитель их знает), но производные слова могут быть очевидным образом по лексическому значению связаны с этим производящим. Ср.: *пять – пятко* (4. ‘Рыболовные сети

в пять сажен длины (около 10,6 м) Пинеж. Арх., 1902. 7. || Мера льна из пяти пучков. Сев-Двин., 1928. Ярослав. || Мера льна из пяти десятков (ста волокон) Новоторж. Твер., 1915–1926. *Много ли пятков намяли?* Калинин. 8. 'Пять лык как единица счета' Тобол., 1899. 9. 'Детская игра в бабки или в пять камешков' Кадн., Волог 1890) [12, т. 33, с. 234]. В данном случае совершенно очевидна связь с числительным *пять*! И в этой связи возникает другой вопрос: о различии в степени обобщенности, отвлеченности семантики литературного слова и диалектного [18, с. 178–183]. Ср. литературное слово *пятюк* в 1-м значении и значения (оттенки значения) диалектного (диалектных вариаций) слова *пятюк*! Но, в любом случае, мы имеем словообразовательные пары, как собственно системы литературного языка, так и синтезированного типа! Тем более, что реальная лексикографическая практика отражения фрагментов словообразовательного гнезда «не справляется» с причудливыми пересечениями различных лексических значений многозначных производящих и производных единиц!

При *опосредованной* мотивации предполагается «нерушимость» «морфемообразующей» «постоянной» словообразовательной пары. Все-таки сначала «образуем» слова, а потом уже возможны «сюрпризы» от семантики! Если не принимать (в силу разных причин) термин «лексико-словообразовательный...», то все равно следует признать существование *различных видов словообразовательных пар* как минимальных объединений родственных слов. Ведь есть различные виды мотивационных отношений (метафорическая и др. виды мотивации), но их наличие не разрушает единства словообразовательной пары! И, естественно, в лексикографии словообразования все это учесть просто невозможно, поэтому *фрагменты словообразовательного гнезда* – это, в первую очередь, *модель построения*, модель *реализованной комбинаторики аффиксов*!

Резюмируя все сказанное, можно сформулировать следующий риторический вопрос или утверждение: если в свое время рассуждали о лексическом значении словообразовательной цепочки (см. работы А. Н. Тихонова) как сумме (или произведению) лексических значений составляющих слов, то почему с учетом известного представления о лексико-семантическом варианте слова не говорить о *лексико-семантических вариантах словообразовательных пар*.

Список использованных источников

1. Тихонов, А. Н. Проблемы изучения комплексных единиц системы словообразования / А. Н. Тихонов // Актуальные проблемы русского словообразования : сб. науч. ст. / Самарканд. гос. пед. ин-т. – Ташкент, 1982. – С. 3–13.
2. Тихонов, С. А. Структура словообразовательных цепочек глаголов звучания / С. А. Тихонов // Актуальные проблемы русского словообразования : сб. науч. ст. / Самарканд. гос. пед. ин-т. – Ташкент, 1982. – С. 124–130.
3. Осильбекова, Д. А. Словообразовательные цепи отглагольных локативных существительных / Д. А. Осильбекова // Актуальные проблемы русского словообразования : сб. науч. ст. / Самарканд. гос. пед. ин-т. – Ташкент, 1982. – С. 211–214.
4. Черненко, Н. М. Словообразовательные цепи собственных имен / Н. М. Черненко // Актуальные проблемы русского словообразования : сб. науч. ст. / Самарканд. гос. пед. ин-т. – Ташкент, 1982. – С. 380–382.
5. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 300 с.
6. Новиков, Л. А. Некоторые вопросы словообразовательной семантики / Л. А. Новиков // Актуальные проблемы русского словообразования : сб. науч. ст. / Самарканд. гос. пед. ин-т. – Ташкент, 1982. – С. 19–21.
7. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли ; пер. с 3-го франц. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
8. Ермакова, О. П. Словообразовательная цепь в семантическом аспекте / О. П. Ермакова // Актуальные проблемы русского словообразования : сб. науч. ст. / Самарканд. гос. пед. ин-т. – Ташкент, 1982. – С. 39–41.
9. Ермакова, О. П. Лексическое значение производного слова в русском языке / О. П. Ермакова. – М. : Рус. яз., 1984. – 151 с.
10. Тихонов, А. Н. Лексическое гнездо в современном русском языке / А. Н. Тихонов. – Елец : Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2006. – 270 с.
11. Янценецкая, М. Н. Семантические вопросы теории словообразования / М. Н. Янценецкая. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. – 242 с.
12. Словарь русских народных говоров. – М. ; СПб., 1965–2016. – Вып. 1–49.
13. Словарь современного русского литературного языка : [в 17 т.] / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М. ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950–1965. – 17 т.
14. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. : около 145000 слов / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. яз., 1985. – 2 т.
15. Никитевич, А. В. Словообразовательные лакуны в лексических подсистемах языка / А. В. Никитевич // Словообразование и лексикология : докл. от Десетата междунар. конф. на Комисията по славянско словообразуване при

Международ. ком. на славистите, София, 1–6 окт. 2007 г. / Софийски ун-т «Св. Климент Охридски». – София, 2009. – С. 186–196.

16. Никитевич, А. В. Деривационное гнездо как объект и модель в славянской словообразовательной лексикографии / А. В. Никитевич // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка : XVI Міжнар. з’езд славістаў (Бялград, 20–27 жн. 2018 г.) : дакл. беларус. дэлегацыі / Нац. акад. навук Беларусі, Беларус. камітэт славістаў ; адказны рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск, 2018. – С. 112–124.

17. Русский язык. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий : [в 2 т.] / под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 2 т.

18. Никитевич, А. В. Деривация и смысл / А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2014. – 233 с.

References

1. Tikhonov A. N. Problems of the study of complex units in the system of word formation. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya: sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word formation: collection of scientific articles]. Tashkent, 1982, pp. 3–13 (in Russian).

2. Tikhonov S. A. Structure of word-formative chains of verbs of sounding. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya: sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word formation: collection of scientific articles]. Tashkent, 1982, pp. 124–130 (in Russian).

3. Osil'bekova D. A. Word-formative chains of locating nouns formed from verbs. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya: sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word formation: collection of scientific articles]. Tashkent, 1982, pp. 211–214 (in Russian).

4. Chernenko N. M. Word-formative chains of own names. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya: sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word formation: collection of scientific articles]. Tashkent, 1982, pp. 380–382 (in Russian).

5. Potebnya A. A. *Thought and language*. Moscow, Labirint Publ., 1999. 300 p. (in Russian).

6. Novikov L. A. Some questions of word-formative semantics. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya: sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word formation: collection of scientific articles]. Tashkent, 1982, pp. 19–21 (in Russian).

7. Bally Ch. *Linguistique générale et linguistique française*. 3rd ed. Berne, A. Francke, 1950. 440 p.

8. Ermakova O. P. Word-formation chain in semantic aspect. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya: sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word formation: collection of scientific articles]. Tashkent, 1982, pp. 39–41 (in Russian).

9. Ermakova O. P. *Lexical meaning of a derivative word in the Russian language*. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1984. 151 p. (in Russian).

10. Tikhonov A. N. *Lexical nest in the modern Russian language*. Yelets, Yelets State University named after I. A. Bunin, 2006. 270 p. (in Russian).

11. Yantsenetskaya M. N. *Semantic questions of the theory of word formation*. Tomsk, Publishing house of Tomsk University, 1979. 242 p. (in Russian).

12. *Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 1–49*. Moscow, St. Petersburg, 1965–2016. (in Russian).

13. *Dictionary of the modern Russian literary language*. Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950–1965. 17 vol. (in Russian).

14. Tikhonov A. N. *Word-formation dictionary of the Russian language*. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1985. 2 vol. (in Russian).

15. Nikitevich A. V. Word-formation lacunae in the lexical subsystems of the language. *Slovoobrazovane i leksikologiya: dokladi ot Desetata mezhdunarodna konferentsiya na Komisiyata po slavyansko slovoobrazovane pri Mezhdunarodniya komitet na slavistite, Sofiya, 1–6 oktomvri 2007 g.* [Word-formation and Lexicology: reports from the 10th International conference of the Slavic Word Commission at the International Committee of Slavists, Sofia, October 1–6, 2007]. Sofia, 2009, pp. 186–196 (in Russian).

16. Nikitevich A. V. Derivational nest as object and model in Slavic word-formative lexicography. *Movaznaustva. Litaraturaznaustva. Fal'klarystyka : XVI mizhnarodny z'ezd slavistau (Byalgrad, 20–27 zhniunya 2018 g.): daklady belaruskai delegatsyi* [Linguistics. Literary study. Study of folklore: reports from the 16th International Congress of Slavists, Bialgrad, February 20–27, 2018: reports of the Belarusian delegation]. Minsk, 2018, pp. 112–124 (in Russian).

17. Tikhonov A. N., Khashimov R. I. (eds.). *Russian language. Encyclopedic dictionary-reference book of linguistic terms and concepts*. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2008. 2 vol. (in Russian).

18. Nikitevich A. V. *Derivation and meaning*. Grodno, Grodno State University, 2014. 233 p. (in Russian).

Информация об авторе

Никитевич Алексей Васильевич – доктор филологических наук, профессор. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (ул. Ожешко, 22, 230023, Гродно, Республика Беларусь). E-mail: anikit@inbox.ru

Information about the author

Alexey V. Nikitevich – D. Sc. (Philol.), Professor. Yanka Kupala State University of Grodno (22 Ozheshko Str., 230023 Grodno, Belarus). E-mail: anikit@inbox.ru

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 811.133.1'37:811.161.3'37(045)

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-457-465>

Поступила в редакцию 26.12.2018

Received 26.12.2018

Е. А. Гапанович

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

СЕМЬЯ КАК КОММУНИКАТИВНО-ЛИЧНОСТНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Аннотация. Статья посвящена семантико-функциональным особенностям вербальных средств, используемых в ситуации межличностного общения членов семьи в белорусском и французском языковых сообществах.

Материалом исследования послужили художественные и специализированные тексты, словарные статьи лингвокультурологической направленности, из которых методом сплошной выборки были извлечены единицы тематического поля «Семья».

Рассмотрены возможности и лингвоспецифичность вербального представления межличностных отношений, устанавливаемых во французской и белорусской семьях. Раскрыта специфика онтологического статуса семьи как системы произвольных представлений или фрагмента национальной картины мира, в котором объединены и иерархически соотнесены субъекты родства. Выявлены особенности функционирования семьи в соответствии с ценностными регуляторами, выраженными в языке юридической терминологией, коннотативно окрашенной и обрядовой лексикой, и культурно маркированными паремиологическими единицами.

Культурная семантика единиц тематического поля «*Famille*» и «Сям'я» характеризуется развитием и актуализацией эстетической и этической коннотаций во внутренней форме языковых единиц. Установлено активное использование аппелятивных номинаций как средств, участвующих в формировании коммуникативного пространства французской и белорусской семей. Исследуется зависимость использования различных лексических звательных единиц от объективных и субъективных характеристик субъекта родства как социализированной личности. Проведенный сопоставительный анализ позволяет сделать вывод о релевантности для французской и белорусской лингвокультуры личностно-коммуникативного взаимодействия членов семьи.

Ключевые слова: тематическое поле, культурная семантика, личностно-коммуникативное пространство, культурно-маркированный, эмоционально-оценочная коннотация, лексема

Для цитирования. Гапанович, Е. А. Семья как коммуникативно-личностное пространство во французской и белорусской лингвокультурах / Е. А. Гапанович // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 4. – С. 457–465. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-457-465>

Ya. A. Hapanovich

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

FAMILY AS COMMUNICATIVE AND PERSONAL SPACE IN FRENCH AND BELARUSIAN CULTURAL LINGUISTIC COMMUNITIES

Abstract. This article is devoted to functional properties of French and Belarusian language signs used in different situations of interpersonal communication and naming family members. Vocatives used for addressing to family members are also studied.

Possibilities of verbal representation of interpersonal relations existing in Belarusian and French families are considered. The ontological status of family as mental space in which kinship entities are hierarchically correlated is revealed by the author. The basic characteristics of family communicative functions were studied according to value regulators expressed by means of legal terminology, connotative and ceremonial vocabulary as well as culturally marked lexical units. National and cultural components verbally objectified should be taken into account when studying family as communicative and personal space in French and Belarusian linguistic communities.

Keywords: thematic field, cultural semantics, personal and communicative space, culturally-marked, emotionally-evaluative connotation, lexeme

For citation. Hapanovich Ya. A. Family as communicative and personal space in French and Belarusian cultural linguistic communities. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 4, pp. 457–465 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-457-465>

Введение. В настоящее время на фоне многочисленных и глубоких социологических и этнокультурных изысканий семья как важнейшая сфера человеческих контактов по-прежнему остается в фокусе исследований гуманитарных наук. Если для социологов значимым является именно взаимодействие членов семьи как малой социальной группы (ячейки) и, соответственно, их социальные роли и отношения внутри нее, то для лингвистов интерес представляют соответствующие вербальные знаки, их содержательная специфика и, в целом, возможность использовать языковые единицы не только как номинативный, но и как аффективный, эстетический и этический инструментарий. Сравним: «*des pouvoirs du langage – pouvoirs affectifs, éthiques, esthétiques – bien au-delà du, souvent artificiel et figé, que célèbrent la plupart des grands dictionnaires passés et présents*» [1, р. XII] ‘возможности языка – возможности аффективные, этические, эстетические – выходят за рамки искусственных и застывших значений, часто искусственных и застывших, которыми славится большинство известных словарей прошлого и настоящего времени’.

Принимая во внимание тот факт, что единицы тематического поля «Семья» в белорусском и французском языках активно используются в различных ситуациях и сферах общения, отметим, что одно из ключевых понятий белорусской лингвокультуры, связанных с семьей, – семейная обрядность, под которой понимается «сукупнасць абрадавых комплексаў, што суправаджаюць ключавыя падзеі жыцця чалавека (нараджэнне, шлюб, смерць)» [2, с. 6] включает в себя и магический компонент, для передачи которого используются «слоўныя формулы, што выкарыстоўваюцца з мэтай уплыву звышнатуральным чынам на з’явы прыроды, падзеі, прадметы і людзей у патрэбным кірунку» [2, с. 6]. С большой степенью уверенности можно предположить, что магический компонент семантики лексических единиц (ЛЕ) соотносится именно с эстетической и этической коннотацией. Сравним: «магія вербальная ці слоўная, заснаваная на веры ў **цудадзейную сілу асобных слоў, выказванняў**» [3, с. 202]. В целом, существующие в семье межличностные отношения могут быть детерминированы культурными особенностями конструирования социального познания, принятого в данной культуре [4, с. 37], и, следовательно, иметь определенную культурно и социально обусловленную коммуникативную основу. Однако четкого понимания и описания средств ее представления в научных трудах не выявлено, что обуславливает возможность проводить дальнейшие научные поиски в указанном направлении.

Целью данной работы является установление лингвоспецифичности и семантико-функциональных особенностей вербальных средств, используемых в ситуации межличностного общения членов семьи в белорусском и французском языковых сообществах.

Семья как коммуникативно-личностное пространство. Ранее считалось, что семейные отношения объективны и онтологичны: «вечность и нерасторжимость брака есть истина онтологическая, а не социальная... Тайнство брака есть таинство онтологическое, а не социальное» [5, с. 253], т. е. семья создается естественным образом и имеет биологическое происхождение. На наш взгляд, она является не элементарной единицей, а именно сложно структурированной совокупностью лиц, основанной на браке. Сравним:

(бел.) Сям’я (радзіна) – **заснаваная на шлобе ці кроўна-сваяцкіх адносінах малая група людзей**, члены якой **звязаны агульнасцю побыту, узаемнай дапамогай і прававой адказнасцю** [6, с. 348–349];

(франц.) *Famille – **personnes liées entre elles par le mariage, par la filiation ou exceptionnellement par l’adoption*** [7, р. 997–998].

Сопоставительное осмысление белорусской и французской семьи как культурнозначимого феномена позволяет также подтвердить положение о том, что биологическая детерминированность не является доминирующей для языковой объективации отношений родства. Более того, общевидовые свойства *homo sapiens* как представителя животного мира в условиях культурно обусловленного совместного проживания с себе подобными трансформируются в социально значимые качества. При этом для представления качеств одной из ключевых фигур в семье – матери в белорусском языке используются эпитеты с исключительно положительно-оценочной коннотацией, что обуславливает специфику высокой социальной оценки, например, многодетной женщины. Во французской же лингвокультуре представление многодетности женщины воз-

можно именно как свойство животного, как одного из женских половых качеств, т. е. ее чрезмерная чувственность или поглощённость семейными интересами имеет явно заниженную оценку:

(франц.) *mère poule* ‘клуша’. *C’est une bonne lapine (c’est une bonne lapine [une mère lapine])* ‘она плодovита, как крольчиха, настоящая крольчиха’; *bonne truie à pauvre homme* ‘букв. Поросится, как свинья’; *pondeur (d’enfants)* ‘крольчиха’; (*mère*) *lape* ‘крольчиха, плодovитая женщина’; *Dame Gigogne (dame [или mère] Gigogne)* ‘клуша, наседка’.

В белорусском языке признак «женщина, которая родила и имеет ребенка (детей)» эксплицируется при помощи нейтрального по своей семантике терминологического прилагательного *біялагічная*: *У межах крымінальнай справы следствам прызначаны шэраг экспертных даследаванняў, па выніках якіх устаноўлена, што затрыманая з’яўляецца біялагічнай маці нованароджанага хлопчыка* [8].

В процессе выполнения социальной роли мать может принадлежать разным общественным и этническим группам, что осознаётся белорусскоязычными коммуникантами через проявление высоко оцениваемых моральных качеств, например: «*Маці мая сялянская, маці мая славянская, ветлівая, гасцінная, у крыўдзе чужой непаўінная*» (Л. Геніюш) [9, с. 265].

Или: «*І колькі б разоў я ні вяртаўся ў творчасці да вобраза старой, па-народнаму мудрай жанчыны-маці – перш за ўсё мне ўспамінаецца свая. Нястомная, суровая і добрая*» (Я. Брыль) [9, с. 265].

Примечательно, что в белорусской мифологической картине есть положительный образ Параскевы (*Параскевы-Пятніцы*), который воспринимается как символ крепкой, здоровой и зажиточной семьи. Эта святая считалась женской заступницей, защитницей семьи и оберегательницей рукоделия [10, с. 52]. Ее доброта и милосердие описывается во многочисленных легендах, рассказывающих о том, что она отдает бедной крестьянке одежду и хлеб, помогает родить женщине, засеивает ниву, вылечивает от болезни добрую мать и наказывает ленивую хозяйку, не следящую за детьми. Изображение *Параскевы-Пятніцы* можно встретить в современных храмах [11, с. 49–50].

Объединение белорусских ЛЕ и мифологемы в концептуализированной предметной области предполагает выход за рамки уровня семантических репрезентаций и делает необходимым рассмотрение процедуры, совершаемой языковым сознанием для категоризации образа семьи, компоненты которого не коррелируют в изучаемых национальных картинах мира. Следует также учитывать, что «концептуальные области часто организованы, структурированы вокруг нескольких различных прототипов, и может быть разумнее взять их в качестве основной единицы описания / анализа в лексико-типологическом исследовании, а не разлагать их на их особые отличительные черты» [12, р. 438]. В этой связи сигнификативный признак «проживание под одной «крышей», т. е. место в одном доме, у одного «очага», определяется нами как прототипический для семьи и признаётся общим как для французской, так и для белорусской лингвокультуры. Отсюда и наличие в корпусе белорусской национально-маркированной лексики целого ряда единиц с основным значением ‘огонь, очаг’, а также метонимических наименований с производным значением, образованных путем переноса на основе смежных признаков «огонь / очаг → еда / приготовление еды»:

агмень – вогнішча, агонь. 2. **Сімвал роднага дому, сям’і.** Нараджэнню таго, што ствараецца намі, спрыяе наш нязводны хатні агмень – непагаснае цяпельца, якое мы пастаянна падтрымліваем, сілкуем цяплом уласных душ (ЛіМ. 02.01.1998) [13, с.90];

ядок – 1. Той, хто есць, мае патрэбу ў харчаванні. 2. Чалавек як адзінка ўліку пры размеркаванні, выдаткаванні якіх-н. сродкаў, неабходных для жыцця. // **Член сям’і, што харчуецца разам з іншымі яе членамі.** Сям’я – у наўкруг за сталом. Багата яна едакамі. Дарослыя, дужыя ўсе. Прануза [14, с. 491];

котлішча – (разм.) 1. Месца жыхарства, сям’іба. Ён і цяпер на дзедавым котлішчы сядзіць. 2. **Перан. Род, сям’я.** – Благі хлопец, як і ўсё іх котлішча [14, с. 373].

Во французском языке семантическим коррелятом *котлішча* является ЛЕ *foyer*, широко используемая в текстах официального стиля: *foyer fiscal* ‘очаг, семья (как единица налогообложения)’. Сравним также:

un jeune foyer ‘молодая семья’, *femme au foyer* ‘домашняя хозяйка’, *fonder un foyer* ‘жениться; основать семью’, *renvoyé dans ses foyers* ‘демобилизованный (о солдате)’, *aimer son foyer* ‘любить свой домашний очаг’, *rentrer dans ses foyers* ‘вернуться домой, к родным пенатам; демобилизоваться (из армии)’.

Отметим, что классификация живых организмов (в том числе теория естественных видов), определяемая простыми гиперо-гипонимическими отношениями между таксонами, оказывается нерелевантной для полной систематизации языковых единиц тематической группы «Семья». Для ряда лексем характерно наличие полисемии, которая выстраивается не только по горизонтали (в контексте), но и в том числе по вертикали. Так, обобщающая номинация *homme* ‘человек’ со значением «*être humain*» ‘живое существо’ объединяет таксоны *être humain mâle* ‘живое существо мужского пола’ и *être humain féminin* ‘живое существо женского пола’ [15, p. 18–19], но в результате специализации своего значения сужает его до прототипического *être humain mâle*. В белорусском языке номинация *муж* также имела обобщающее значение ‘(свабодны чалавек); мужъ ученый – знакаміты, важаны, славуы’ [16, с. 83]. Однако такой ЛСВ не сохранился в современном языке и рассматривается как единица старобелорусского лексикона. Вместе с тем основные субъекты родства, составляющие семью могут иметь биологическую детерминированность, например, *parent* ‘родитель’. Сравним: *parent* – *biol. Être vivant par rapport à l'être qu'il a engendré; les parents biologiques* ‘родитель – биол. Живое существо по отношению к существу, которое оно породило; биологические родители’ [7, p. 1782].

Таким образом, семья, существующая в сознании людей как система произвольных представлений, является не биологической данностью, а фрагментом национальной картины мира, в котором объединены и особым образом иерархически подчинены и соотнесены субъекты родства. В этой связи очевиден субъективный и, более того, межличностный характер данного пространства¹. «Совместное Я», характерное для всех приматов, с развитием антропогенеза вытесняется «индивидуальным Я» и сопровождается появлением связей типа «Я – Ты», «Мы – Они» [17, с. 251]. Именно поэтому разрешенный или даже обязательный в одном обществе тип брака в другом будет строго запрещен. В свою очередь социокультурные нормы формируют национальный характер, специфика которого проявляется как в семантическом отношении, так и на уровне вербальных средств.

Семантическая специфика тематических рядов «Семья» указывает на социальный и межсубъектный характер человеческих отношений: *famille crée entre ses membres une obligation de solidarité morale venant du mariage religieux et une obligation matérielle (notamment entre époux, d'une part, et entre parents et enfants, d'autre part)* ‘семья создает между членами семьи моральное, вытекающее из брака, закреплённое церковью, и материальные обязательства (в том числе между супругами, с одной стороны, и между родителями и детьми – с другой)’ [18]. В то же время наличие значительного числа во французском языке глагольной лексики (15% от общего числа тематических ЛЕ) указывает на деятельностный характер семейных отношений: *famille censée les protéger et favoriser leur développement social, physique et affectif* ‘считается, что семья должна защищать их (детей) и способствовать их социальному, физическому и эмоциональному развитию’ [18], что также является предпосылкой для развития культурной составляющей. Включение наречий *ensemble* ‘вместе; совместно, сообща’, *financièrement* ‘в финансовом отношении’, *génétiquement* ‘генетически’, *légalement* ‘легально, законно’, *paternellement* ‘отечески, *tendrement* ‘нежно, любовно’ во французское ассоциативное поле стимула *famille* закрепляет полифункциональный характер межличностного пространства семьи.

Вместе с тем свое культурное значение (культурную коннотацию) *семья* имеет не как сложная институциональная подсистема общества, а именно как сущность, **функционально детерминированная**, для которой релевантными являются такие функции, как воспитательная и правовая [6, с. 348–349]. В ходе нашего анализа было установлено, что сам процесс функционирования семьи проходит в соответствии с ценностными регуляторами, выраженными в языке

¹ Вслед за И. Сандомирской мы придерживаемся той точки зрения, что семья или род может рассматриваться как социальное пространство [4, с. 32–33].

соответствующей юридической терминологией¹ и текстами законов и обрядов, коннотативно окрашенной лексикой и культурно насыщенными сверхфразовыми единствами, паремиологическими единицами:

(бел.) *Умеў нарадзіць – сумей навучыць*;

(франц.) *Les pères ont mangé des raisins verts et les enfants ont eu mal aux dents* ‘за грехи отцов расплачиваются их дети’ (букв. «отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина»).

Косвенными регуляторами является также лексика с отрицательной коннотацией: (бел.) *бай-струк, бязбацькавіч*; (франц.) *famille tuyau de poêle*. Французское выражение *des familles* ‘а) обычный, незатейливый; спокойный; б) отличный, классный’ первоначально возникло в текстах социальной рекламы, которая пропагандировала семейные ценности и, следовательно, все, что имело отношение к семье, было полезным и хорошим: *Je m’en vais faire une bonne petite sieste des familles* ‘Пойду посплю немножко после обеда’.

Следует отметить, что до конца 1960-х гг. отношения в семье во Франции регулировались не законодательством, т. е. с помощью текстов законов, а выстраивались в соответствии с правовыми обычаями, морально-этическими ценностями. Поэтому и утверждалось, что «*le bonheur familiale s’épanouissait en dehors des règles de droit* ‘семейное счастье раскрывалось вне юридических норм’ [19, р. 9], когда осуждалось прелюбодеяние «*la réprobation de la sexualité en dehors du mariage*» и провозглашалась власть мужа и отца «*la puissance maritale et paternelle*» [19, р. 9]. Поэтому заявление, что «*Ces grands éléments de l’ordre moral n’étaient pas seulement défendus par les catholiques mais aussi par les juifs, les protestants ainsi que par les laïques, les instituteurs de la III RPF. Il y avait sur ce point un consensus social*» [19, р. 9], рассматривалось как установление «неписаных» морально-нравственных норм, единых для всех социальных групп (*les catholiques, les juifs, les protestants, les laïques, les instituteurs de la III RPF*). Несовершенство существующего во Франции семейного права дало возможность феминисткам внести ряд изменений в социальный контекст лексемы *famille*.

Как видим, семья является не таксономической категорией, а именно **личностным пространством**: в семье – под единой крышей – человеческое существо становится личностью, ему присваивается имя личное – *nom de famille*. Аналогично (бел.) *прозвішча* – спадчыннае сямейнае найменне, якое дадаецца да ўласнага асабістага імя [14, с. 634].

В подтверждение того факта, что языковые единицы тематического поля «семья» участвуют в формировании личностно-коммуникативного пространства, нами было установлено активное использование в обеих языковых культурах особых форм обращения, например: (бел.) *баць, бацюш, ма, доня, дзедку, мамо, бабка, татку*. Во французском языке бельгизм *m’fi!* является отеческим обращением (*adresse paternelle*) и представляет собой аппелятив со своеобразным морфологическим оформлением.

Обращения к членам семьи варьируются в зависимости от социальной среды: *ma bobonne* (*устар.*); *bobonne* – *terme d’affection* ‘женушка’ – ласковое обращение к супруге в мелкобуржуазной семье. *Allons, Bobonne, dépêche-toi! s’écria M. Bonnichon secouant magnifiquement son bonnet* ‘Давай, женушка, поторапливайся! – воскликнул мистер Боннишон, вскинув красивым жестом свою шапку’. (Balzac, *Œuvres diverses*, t. II, р. 347) [7, р. 263].

Mon bon, ma bonne (производное от *mon bon monsieur*), употребляется в аристократической среде, где субстантивированное прилагательное имеет архаическую коннотацию.

При обращении учитывается и возрастная разница: *junior* – *se dit dans le commerce ou encore plaisamment du frère plus jeune pour le distinguer d’aîné ou du fils pour le distinguer du père* [7, р. 1387]. *Ça va, junior!* ‘Все в порядке, малыш (= младший сын)! ‘

Значение близости отношений между членами семьи может быть усилено с помощью антифразиса, т. е. в результате инвертированного эмоционально-окрашенного использования антонимических наименований, а именно:

¹ Юридические термины *monoparentalité* ‘монопарантальность, неполная семья’, *mère célibataire* ‘мать-одиночка’ и *fille-mère* ‘девочка-мать’ имеют целью защитить права семей, состоящих из одного родителя. Присвоение статуса *famille nombreuse* и *шматдзетнай сям’і* соответственно во Франции и в Беларуси означает выдачу социальных льгот и государственную защиту и поддержку.

Mon grand, ma grande ‘мой милый (обращение к ребёнку) ‘употребляется по отношению к младшему по возрасту члену семьи, к которому относятся уже как к большому, а именно «*qu'on affecte de traiter comme un adolescent*» [7, p. 1163; 20].

При этом нормативные формы терминов родства активно используются на уровне бытового общения для вежливого обращения к людям, не состоящим в близком родстве, например:

(бел.) *бацька* – *ветлівы зварот да старога чалавека* [14, с.107];

(бел.) *бацечка* – ласкальная форма да *бацькі* (у 1 знач.). // *Фамільярны зварот да субяседніка. – Разумею, разумею вас, бацечка мой. Час і, так сказаць, творчае натхненне, – і Іван Антонавіч не да месца падміргнуў з-за акулераў (Даніленка)* [21, с. 350].

Аналогичное употребление выявлено и во французском языке:

(франц.) *sœur* – *nom qu'on donne à une personne pour laquelle on a la tendresse que peut inspirer une sœur* ‘имя, присваиваемое человеку, по отношению к которому испытывают нежность, равную той, которую вызывает сестра’. – «*Mon enfant, ma sœur...*» ‘Дитя мое, сестра моя’ (Baudelaire) [7, p. 2355];

commère, coumère : *petite amie commère* ‘1) кума; 2) или кума, сестрица (дружеское обращение к соседке, к знакомой)’ [20].

Таким образом, расширение и генерализация семантики лексем типа (бел.) *бацечка*; (франц.) *sœur, commère* происходит за счет актуализации коннотативного значения и последующей метафоризации наименований родственных отношений, основанной на аналогии:

sœur – *appellation affectueuse dont on use envers une belle-mère ou une femme avec laquelle on entretient des rapports analogues à ceux d'un fils ou d'une fille avec sa mère* ‘ласковое обращение, используемое по отношению к свекрови или женщине, с которой поддерживаются отношения, подобные отношениям сына или дочери со своей матерью’ [20].

Национальную специфику апеллятивной номинации «сестра» в поликультурном французском обществе составляет и ее употребление жителями франкоязычной части Африки или Магриба: *sœur* или *ma sœur* используется для того, чтобы подчеркнуть общность этнической принадлежности и культуры (мусульманской).

Изменение внутренней формы терминов родства обуславливает их переход из терминологической или апеллятивной лексики в разряд общеупотребительной. Например, французское *mémé* ‘*Grand-mère, dans le langage enfantin et familier* «бабушка» → *Femme d'un certain âge, estimée sans séduction*’ «женщина в годах, малопривлекательная» [20], произошедшее от диалектизма *mémère* ‘бабуся, бабуля, бабушка’, значительно расширило в последнее время свой семантический объем: за счет добавления сигнификативного признака (*femme d'un certain âge*), а также приобретения пейоративного значения (*sans séduction*).

В то же время *pépé* ‘дедуля, дедушка’ как семантический коррелят мужского рода (сравним: *le pépé et la mémé*) получило положительную коннотацию: *homme âgé, d'allure débonnaire* ‘пожилой мужчина, добродушный’ [20].

Отметим также употребление терминов родства с актуализированной эмоционально-экспрессивной окраской, например, со значением иронии – *Можжа, проста хварэе [Сашка] нездаровай цікавасцю, як і бацечка. І той жа Марцінок усюды хоча свой нос утачыць, – дадаў Максім. Машара* [21, с. 350].

Помимо эмоционально и оценочно окрашенных значений коннотация терминов родства может определяться и социальной значимостью моральных ценностей, например, уважительным отношением к собеседнику. В сопоставляемых лингвокультурах обращение к матери, к отцу и другим членам семьи или их называние как третьего лица часто происходит с позиции ребенка, подчеркивая тем самым уважительное отношение к самому ребенку.

Например:

Dans certaines familles, le père, s'adressant à la mère, l'appelle maman, comme ferait un enfant ‘В некоторых семьях отец, обращаясь к матери, называет ее мамой, как это бы сделал ребенок’ [20].

А также:

Je ne sais pas, mon petit, demande à maman. – (Dans la bouche de la mère elle-même) ‘Я не знаю, мой хороший, спроси мамочку. – (Слова, произнесенные самой матерью)’ [20].

Аналогичную ситуацию наблюдаем в белорусской лингвокультуре. В ситуации общения: «Калі нарадзілася Любачка і свякроў узялася вучыць маладую матулю, як купаць, спавіваць і карміць, і лячыць іх непадзельнае ішчасце, Жэня ўжо... называла Іваніху найдаражэйшым словам – маці...» (Я. Брыль. Сцежка-дарожка), когда перифрастическая номинация *непадзельнае ішчасце* выражает нежные чувства по отношению к ребенку [22, с. 77] взрослых членов семьи, объединенных общностью (*непадзельнае*) эмоций и ценностного содержания коммуникативного пространства.

Близость как онтологическое основание родственных отношений сохраняется и во внутренней форме наименований приобретенного родства. Так, традиция называть мамами и папами близких родственников мужа или жены существует не только в белорусских семьях. Кроме того, отмечается большое разнообразие французских вариантов обращения к родственникам супруга(-ги). При этом традиционными, но воспринимаемыми как несколько официальные и, соответственно, дистанцирующими собеседников будут: «*Mon père et ma Mère*» ‘Мои отец и мать’, «*Père et Mère*» ‘отец и мать’, в то время как менее формальными и способствующими таким образом сближению и установлению доверительных отношений: «*Jolie-Maman et Joli-Papa*» букв. ‘Красивая мамочка и красивый папочка’, «*Belle-Maman et Beau-Papa*» букв. ‘Красивая мамочка и красивый папочка’. Для называния близких родственников допустимо употребление ассимилированных заимствований из других языков: (англ.) «*Mam et Dad*», (нем.) «*Muttiki et Cooki*». Словообразование или сложение частей слов приводит к появлению телескопических наименований, например, «*Mamijo*» (*Mami*+имя личное *Joëlle*), «*Maméline*» (*Mami*+ имя личное *Jacqueline*), «*Papido*» (*Mami*+ имя личное *Dominique*), что абсолютно не свойственно для белорусской лингвокультуры. Вместе с тем в последнее время во французской лингвокультуре усилилась тенденция называть их просто по именам.

В условиях активного проникновения англицизмов во французский язык, для называния социальных фактов и феномена, характеризующих современную французскую семью, также выявлено использование заимствований. Так, в буржуазной среде в бытовом общении исконно французские *mété*, *bonne maman* легко (из-за фонетической близости) заменяются англицизмами *tatie* или *tammy*. При этом англицизм *granny* не получил такого широкого распространения, поскольку, во-первых, труден для произнесения, а во-вторых, имеет ярко выраженную социально окрашенную коннотацию – признак снобизма, т. е. стремления строго следовать вкусам, манерам и т. п. высшего общества и с пренебрежением относиться ко всему другому. Частотность употребления коррелята «*рару*» с учетом патриархального характера и специфики обобщенного употребления имени существительного мужского характера (*homme* – это и мужчина, и человек) свидетельствует о более активном освоении французским языком данного американизма/англицизма: *Papy-boom* ‘увеличение доли пожилых людей среди населения’.

Отметим, что отношения белорусской матери с другими членами семьи также создаются на основе не только действий, но и вербальной коммуникации: *маці-словатворца*. Сравним: «Жанчыны, Маці-словатворцы, Ё час калыханак вы сплялі Імя вясне, пчале і зорцы – Ёсім добрым дзівам на зямлі» (А. Пысін) [9, с. 266].

Таким образом, сравнительный анализ тематического поля «Семья» во французском и белорусском языках позволил уточнить онтологическую и функциональную сущности социальной формации, общей для обеих лингвокультур. Семья для каждого из сравниваемых языковых сообществ является не только системой представлений о межличностных отношениях и ближайшем окружении человека, но и сложным институциональным образованием, имеющим коммуникативную специфику.

Список использованных источников

1. Rey, A. Préface / A. Rey // Dictionnaire culturel en langue française : présentant plus de 70000 mots du français classique, moderne et très contemporain, avec leur origine, leurs sens et leurs emplois clairement définis, illustrés de nombreuses citations littéraires, en exemple de bon usage, de beau style, de pensée et de poésie / A. Rey, D. Morvan. – Paris : Le Robert, 2005. – Т. 1 : A – Détiſſer. – XXXV, 2355 p.
2. Мішына, В. І. Традыцыйная сямейная абраданасць беларусаў: гісторыка-культуралагічны аспект : вучэб.-метад. комплекс / В. І. Мішына. – Наваполацк : ПДУ, 2007. – 220 с.

3. Дубянецкі, Э. С. Культуралогія : энцыкл. даведнік / Э. С. Дубянецкі. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2003. – 383 с.
4. Сандомирская, И. Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик / И. Сандомирская. – Wien, Inst. für Slavische Philologie, Univ. München, 2001. – 282 S. – (Wiener Slawistischer Almanach ; S.-Bd. 50).
5. Бердяев, Н. О назначении человека: опыт парадоксальной этики / Н. Бердяев. – М. : Рипол Классик, 2013. – 326 с.
6. Курыловіч, Г. М. Сям'я / Г. М. Курыловіч, Т. І. Кухаронак // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / гал. рэд. Г. П. Пашкоў. – Мінск, 2002. – Т. 15. – С. 348–349.
7. Robert, P. Le nouveau petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / P. Robert, remanié et amplifié J. Rey-Debove, A. Rey. – Paris : Dictionnaires Le Robert, 2000. – 2841 p.
8. Навіны [Электронны рэсурс] // У Бялынічах працягваецца расследаванне крымінальнай справы па факце смерці нованароджанца // Следчы камітэт Рэспублікі Беларусь. – Рэжым доступу: <https://sk.gov.by/special/by/news-by/view/u-bjalynichax-pratsjagvaetstva-rassledavanne-kryminalnaj-spravy-pa-faktse-smerts-novanarodzhanaga-6476/>. – Дата доступу: 21.08.2018.
9. Гаўрош, Н. В. Слоўнік эпітэтаў беларускай мовы : [18000 вобразных азначэнняў] / Н. В. Гаўрош. – Мінск : Выш. шк., 1998. – 603 с.
10. Кацар, М. С. Беларускі арнамент. Ткацтва. Вышыўка / М. С. Кацар ; навук. рэд. Я. М. Сахута. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1996. – 208 с.
11. Казакова, І. В. Вобраз жанчыны ў беларускай традыцыйнай культуры / І. В. Казакова // Роль жанчыны в развіцці сучаснай навуцы і асветы: сб. матэрыялаў міжнароднага навука-практ. канф., Мінск, 17–18 мая 2016 г. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: І. В. Казакова, А. В. Бутына, І. В. Аляхіна. – Мінск, 2016. – С. 48–55.
12. Koptjevskaja-Tamm, M. The semantics of lexical typology / M. Koptjevskaja-Tamm, E. Rakhilina, M. Vanhove // The Routledge handbook of semantics / ed. N. Rimer. – Oxford, 2015. – P. 434–454. <https://doi.org/10.4324/9781315685533>
13. Каўрус, А. Словаклад: слоўнік адметнай лексікі / А. Каўрус. – Мінск : Звязда, 2013. – 326 с.
14. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65000 слоў / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства ім. Я. Коласа ; уклад.: І. Л. Капылоў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2016. – 968 с.
15. Koch, P. Aspects cognitifs d'une typologie lexicale synchronique. Les hiérarchies conceptuelles en français et dans d'autres langues / P. Koch // Langue Française. – 2005. – № 145. – P. 11–34.
16. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі, ССР, Ін-т мовазнаўства ім. Я. Коласа. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – Т. 7 : М – Н / уклад.: І. І. Лучыц-Федарэц, Г. А. Цыхун ; рэд. В. У. Мартынаў. – 315 с.
17. Гражданское общество: истоки и современность = Civil Society. Sources and modern times / науч. ред. И. И. Кальной, И. Н. Лопушанский. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Изд-во Р. Асланова : Юрид. центр Пресс, 2006. – 490 с.
18. Dambo, Ba. Famille et dDroits de l'Enfant [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.humanium.org/fr/famille-droits-enfant/>. – Date of access: 21.08.2018.
19. Définition de la famille et du droit de la famille [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.cours-de-droit.net/quelle-est-la-définition-juridique-de-la-famille-et-de-son-droit-a128212776>. – Date of access: 21.08.2018.
20. Le Grand Robert de la langue française : dictionnaire : version 4.1 [Electronic resource]. – Paris, Dictionnaires Le Robert, 2017. – CD-ROM.
21. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ім. Я. Коласа. – Мінск : Беларус. Савецк. Энцыкл., 1977–1984. – Т. 1 : А – В / рэд. М. П. Лобан. – 1977. – 604 с.
22. Беларуская мова : хрэстаматыя : вучэб. дапам. / аўт.-склад.: З. І. Бадзевіч [і інш.]. – Мінск : Юніпресс, 2005. – 590 с.

References

1. Rey A., Morvan D. *Dictionnaire culturel en langue française. T. 1* [Cultural french dictionary. Vol. 1]. Paris, Le Robert, 2005. XXXV, 2355 p. (in French).
2. Mishyna V. I. *Traditional family rituals of the Belarusians: historical-cultural aspects*. Novopolotsk, Polotsk State University, 2007. 220 p. (in Belarusian).
3. Dubyanetski E. S. *Culturology: encyclopedia and reference book*. Minsk, Belaruskaya Entsiklapedyya Publ., 2003. 383 p. (in Belarusian).
4. Sandomirskaya I. *A book about the Motherland: analyzing discursive practices. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 50*. Wien, Institut für Slavische Philologie, Universität Münche, 2001. 282 p. (in Russian).
5. Berdyayev N. *The destiny of man*. Moscow, Ripol Klassik Publ., 2013. 326 p. (in Russian).
6. Kurylovich G. M., Kukharonak T. I. Family. *Belaruskaya entsyklopedyya. T. 15* [Belarusian encyclopedia. Vol. 15]. Minsk, 2002, pp. 348–349 (in Belarusian).
7. Robert P. *Le nouveau petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française* [New Petit Robert: french dictionary]. Paris, Dictionnaires Le Robert, 2000. 2841 p. (in French).
8. News. *Sledchy kamitet Respubliki Belarus'* [The Investigative Committee of the Republic of Belarus]. Available at: <https://sk.gov.by/special/by/news-by/view/u-bjalynichax-pratsjagvaetstva-rassledavanne-kryminalnaj-spravy-pa-faktse-smerts-novanarodzhanaga-6476/> (accessed 21.08.2018) (in Belarusian).
9. Gaurosh N. V. *Dictionary of Belarusian epithets*. Minsk, Vysheishaya shkola Publ., 1998. 603 p. (in Belarusian).
10. Katsar M. S. *Belarusian ornament. Weaving. Embroidery*. Minsk, Belaruskaya Entsiklapedyya Publ., 1996. 208 p. (in Belarusian).

11. Kazakova I. V. The image of women in Belarusian traditional culture. *Rol' zhenshchiny v razvitii sovremennoi nauki i obrazovaniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Minsk, 17–18 maya 2016 g.* [The role of women in the development of modern science and education: materials of International scientific-practical conference Minsk, 17–18 may 2016]. Minsk, 2016, pp. 48–55 (in Belarusian).
12. Koptjevskaja-Tamm M., Rakhilina E., Vanhove M. The semantics of lexical typology. *The Routledge handbook of semantics*. Oxford, 2015, pp. 434–454. <https://doi.org/10.4324/9781315685533>
13. Kaurus A. *Dictionary of Belarusian nationally marked vocabulary*. Minsk, Zvyazda Publ., 2013. 326 p. (in Belarusian).
14. Kapylou I. L. (ed.). *Explanatory dictionary of the Belarusian literary language: more than 65000 words*. Minsk, Belaruskaya Entsyklapedyya Publ., 2016. 968 p. (in Belarusian).
15. Koch P. Cognitive aspects of synchronic lexical typology. The conceptual hierarchies in French and in other languages. *Langue Francaise*, 2005, no. 145, pp. 11–34.
16. Luchyts-Fedarets I. I., Tsykhun G. A. (comp.). *Etymological dictionary of the Belarusian Language. Vol. 7*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1991. 315 p. (in Belarusian).
17. Kal'noi I. I., Lopushanskii I. N. *Civil Society. Sources and modern times*. 3rd ed. St. Petersburg, Izdatel'stvo R. Aslanova, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2006. 490 p. (in Russian).
18. Dambo Ba. *Famille et dDroits de l'Enfant*. Available at: <https://www.humanium.org/fr/famille-droits-enfant/> (accessed 21.08.2018) (in French).
19. *Définition de la famille et du droit de la famille*. Available at: <http://www.cours-de-droit.net/quelle-est-la-definition-juridique-de-la-famille-et-de-son-droit-a128212776> (accessed 21.08.2018) (in French).
20. *Le Grand Robert de la langue française: dictionnaire. Version 4.1*. Paris, Dictionnaires Le Robert, 2017. CD-ROM.
21. Loban M. P. (ed.). *Explanatory dictionary of the Belarusian language. Vol. 1*. Minsk, Belaruskaya Savetskaya Entsyklapedyya Publ., 1977. 604 p. (in Belarusian).
22. Badzevich Z. I., Balotnikava S. M., Belakurskaya Zh. Ya., Vazhnik, S. A., Kulikovich, U. I., Lyashuk V. M. (et al.). *The Belarusian language: readerbook*. Minsk, Yunipress Publ., 2005. 590 p. (in Belarusian).

Інфармацыя аб аўторе

Гапановіч Еўгенія Аляксандраўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт (ул. Захарова, 21, 220034, Мінск, Рэспубліка Беларусь). E-mail: Gapanovich_74@tut.by

Information about the author

Yauheniya A. Hapanovich – Ph. D. (Philol.), Associate Professor. Minsk State Linguistic University (21 Zakharov Str., Minsk 220034, Belarus). E-mail: Gapanovich_74@tut.by

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР
HISTOTY OF ARTS, ETHNOGRAPHY AND FOLKLORE

УДК 398(476):94(470)»1941/1945»:351.852
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-466-474>

Поступила в редакцию 27.11.2018
Received 27.11.2018

Н. А. Гулак

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў, Мінск, Беларусь

ДЗЕЙНАСЦЬ САВЕЦКІХ УСТАНОЎ ПА ВЫВУЧЭННІ ФАЛЬКЛОРУ
ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ (1941–1960 гг.)

Аннотация. На значительном фактическом материале показана работа советских учреждений науки и культуры в области изучения фольклора Великой Отечественной войны, отмечен вклад отдельных деятелей в формирование фондов фольклорных материалов. Выделены периоды развития экспедиционной и иных форм собирательской работы на протяжении 1941–1960 гг. В центре внимания автора – белорусские коллекции фольклора войны, хранящиеся в архивах Москвы и Петербурга, материалы послевоенных экспедиций М. Я. Гринблата, Л. Г. Барага, Л. С. Мухаринской в некоторые области Беларуси. Прослежено становление марксистской концепции фольклора в практике собирательской работы. Осмысление ее влияния на характер собирательской работы и содержание сборников фольклора позволяет современному исследователю народного творчества объективно оценивать многие публикации и направлять вектор исследовательского поиска в сферы, которые ранее не включались в научный дискурс.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, экспедиция, собирательская работа, архив, народное творчество, публикация, социалистическая культура, партизанский фольклор, фольклористика

Для цитирования. Гулак, Н. А. Дзейнасць савецкіх устаноў па вывучэнні фальклору Вялікай Айчыннай вайны (1941–1960 гг.) / Н. А. Гулак // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 4. – С. 466–474. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-466-474>

N. A. Hulak

Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus

SCIENTIFIC ACTIVITIES OF SOVIET INSTITUTIONS IN EXPLORING FOLKLORE
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1960)

Abstract. The author relies on substantial material to explore the work of Soviet academic and cultural institutions in the field of folklore studies of the Great Patriotic War. The work points out the contribution that individual scholars have made in forming folklore collections. The article identifies the periods of expeditional and other gathering activities in 1941–1960. The author's attention is focused on the collections of Belarusian wartime folklore archived in Moscow and Saint Petersburg, the materials of post-war expeditions of M. Grinblat, L. Barag, L. Mukharynskaya to some Belarus regions. The article traces the establishment of Marxist folklore conception in science and social practice. The work reflects on the influence of this conception on the specific nature of gathering activities and the content of folklore collections, and thus helps modern folk art explorers assess the materials and publications objectively and set the direction of further research as those that have not yet been included in scientific discourse.

Keywords: Great Patriotic War, folk art, expedition, collecting work, archive, folk art, publication, socialist culture, folklore partisans, folklore studies

For citation. Hulak N. A. Scientific activities of soviet institutions in exploring folklore of the Great Patriotic War (1941–1960). *Vestsi Natsyional'най akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 4, pp. 466–474 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-466-474>

Уводзіны. Пытанні збірання фальклору і задачы, якія ставіліся перад фалькларыстамі ў 1941–1960 гг., у айчыннай навуцы сістэмна не асветлены, як і дзейнасць дзяржаўных устаноў, у якіх канцэнтраваліся ваенныя палявыя матэрыялы і адкуль каардынавалася дзейнасць збіральнікаў. Асобныя звесткі па гэтай тэме прадстаўлены ў працах І. В. Гутарава, М. Я. Грынבלата, А. С. Фядосіка. Аднаўленне аб'ектыўнай і поўнай гісторыі беларускай навукі 1941–1960 гг. з улікам яе сацыяльнага кантэксту застаецца актуальным для сучасных даследчыкаў, паколькі, дзякуючы калектыўным намаганням савецкіх фалькларыстаў, у гэты перыяд была знойдзена і захавана значная колькасць тэкстаў і музычных запісаў фальклору Вялікай Айчыннай вайны. Зафіксаваныя падчас бытавання жывой народнай традыцыі, гэтыя калекцыі фальклорных матэрыялаў складаюць сёння наш нацыянальны навуковы здабытак і культурную каштоўнасць.

Асноўная частка. Беларускія фонды фальклорных матэрыялаў, звязаных з падзеямі Вялікай Айчыннай вайны, як адзначаюць В. Я. Гусеў, В. Ю. Крупянская, С. І. Мінц, І. П. Беразоўскі, А. Д. Сойманаў, В. К. Сакалова, А. С. Фядосік, пачалі фарміравацца непасрэдна ў час вайны. З першых месяцаў навуковыя ўстановы Масквы і Ленінграда, а пазней і саюзных рэспублік, разгарнулі актыўную працу. Збіранне ўзораў народнай творчасці ваеннага часу падавалася як справа дзяржаўнага значэння, сродак ідэйнай зброі ў барацьбе з ворагам. Падтрымку гэтай рабоце аказвала непасрэдна Галоўнае палітычнае ўпраўленне Узброеных Сіл СССР.

Аналіз навуковых крыніц дазваляе вылучыць тры асноўныя перыяды развіцця экспедыцыйнай і іншых форм збіральніцкай дзейнасці, скіраваных на вывучэнне народнай творчасці ваеннага часу.

1941–1945 гг. характарызуюцца разгортваннем збіральніцкай працы ва ўмовах вайны; трактоўкай народнай творчасці як ідэйнай зброі ў барацьбе з ворагам; фарміраваннем у грамадстве ідэі важнасці збірання фальклору (звароты, праграмы); адбываюцца экспедыцыі ў вызваленыя раёны, вядзецца работа з карэспандэнтамі.

У час вайны навуковая грамадскасць савецкай краіны ўспрымае задачы збірання народнай творчасці часоў вайны як патрыятычны абавязак. У 1944 г. прафесар М. К. Азадоўскі піша, што работа фалькларыста набывае асаблівы сэнс і значэнне – улічыць і асэнсаваць тыя новыя факты народнай творчасці, якія ўзніклі пад уздзеяннем грозных і велічных дзён вайны [1, с. 3]. У трактоўках савецкіх вучоных гэтыя новыя факты народнай творчасці паслядоўна адмяжоўваюцца ад старых. Паводле іх, фальклор вайны – гэта не перажытак мінулага, не вынік культурнай адсталасці народных мас, а «сапраўдная і жывая народная творчасць». Адна з першых спроб даць тэрміналагічнае азначэнне гэтай з'явы зроблена ў зборніку 1944 г. «Само паняцце «ваенны фальклор», – піша В. Ю. Крупянская, – давялося пашырыць. Мы ўключаем у яго не толькі непасрэдную творчасць саміх чырвонаармейскіх мас, але і творы прафесійных паэтаў і пісьменнікаў, якія распаўсюдзіліся ў гэтым асяроддзі, асіміляваліся і падпалі пад значную перапрацоўку ў адпаведнасці з паняццямі і густамі гэтага асяроддзя» [1, с. 10–11]. Такая трактоўка заставалася працоўнай практычна да 1970-х гг., калі на новым тэарэтычным узроўні было зроблена канцэптуальнае асэнсаванне паняцця «фальклор Вялікай Айчыннай вайны».

У Беларусі першыя зборнікі партызанскіх песень з'явіліся ў падпольным савецкім друку ў 1943 і 1944 гг. без імя ўкладальніка [2, с. 6]. У беларускай савецкай друкаванай прадукцыі, якая выходзіла на акупаванай тэрыторыі, рэгулярна публікаваліся малыя песенныя формы (прыпеўкі). Гэты матэрыял выступаў у якасці сродку агітацыйна-прапагандысцкай работы.

З 1942 г. у Маскве работу па збіранні, сістэматызацыі і захоўванні фальклору Вялікай Айчыннай вайны распачаў Усесаюзны Дом Народнай творчасці імя Н. К. Крупскай Камітэта па справах мастацтваў пры Наркамасветы СССР¹ (далей – УДНТ). Значным цэнтрам быў таксама Дзяржаўны літаратурны музей² (далей – ДЛМ). У канцы 1944 г. у Інстытуце этнаграфіі Акадэміі навук СССР³ (далей – ІЭ) быў створаны Сектар фальклору на чале з фалькларыстам і этнографам П. Р. Багатыровым. У 1945 г. у збіральніцкую працу ўключыліся спецыялісты ІЭ, а таксама Інстытута рускай літаратуры⁴ (далей – ІРЛ). Такім чынам, быў зроблены арганіза-

¹ Сёння – Федэральная дзяржаўная бюджэтная ўстанова культуры «Дзяржаўны Расійскі Дом народнай творчасці імя В. Д. Паленава» (Масква).

² Сёння – Дзяржаўны музей гісторыі расійскай літаратуры імя У. І. Даля (Масква).

³ Сёння – Інстытут этналогіі і антрапалогіі імя М. М. Міклухі-Маклая Расійскай акадэміі навук (Масква).

⁴ Сёння – Інстытут рускай літаратуры (Пушкінскі Дом) Расійскай акадэміі навук (Санкт-Пецярбург).

цыйны зачын збіральніцкай працы. З 1949 г. планавыя экспедыцыі ажыццяўляў Кабінет народнай музыкі ў Маскоўскай кансерваторыі¹ – навуковае падраздзяленне па вывучэнні рускага фальклору і фальклору народаў СССР.

УДНТ працаваў праз сетку рэспубліканскіх, абласных, раённых і гарадскіх Дамоў народнай творчасці. На працягу 1942–1944 гг. установа арганізавала першыя экспедыцыі, у тым ліку ў вызваленыя ад нямецкай акупацыі Мінскую і Палескую вобласці БССР [3; с. 11–12; 2, с. 6]. Праца УДНТ была скіравана на народную творчасць у самым шырокім разуменні, уключаючы самадзейную і аматарскую. УДНТ меў сувязі з калектывамі мастацкай самадзейнасці, народнымі выканаўцамі, акумуляваў не толькі ўласна рускія творы, але і ўзоры народнай творчасці іншых нацыянальных культур, на іншых мовах. Сюды перадаваліся дзённікі, сшыткі, песеннікі франтавікоў, песні, занатаваныя ўдзельнікамі франтавой і партызанскай самадзейнасці. Беларускі фальклор у архіве ўстановы сёння прадстаўлены зборам сатырычнай прозы [4, с. 191–192].

У адрозненне ад УДНТ, Фальклорны аддзел ДЛМ, Фальклорная камісія ІЭ і Сектар народнай творчасці ІРЛІ не арыентаваліся на самадзейнасць. Аб'ектам іх увагі былі ўласна ўзоры вусна-паэтычнай творчасці, якія бытавалі ў асяроддзі ўдзельнікаў ваенных дзеянняў, партызан, палонных і насельніцтва акупаваных тэрыторый. Даследчыкі запісвалі іх у шпіталях са слоў непасрэдных удзельнікаў ваенных дзеянняў.

У 1943 г. ладзяцца дзве ўсесаюзныя нарады па праблемах фальклору Вялікай Айчыннай вайны. Першая адбылася па ініцыятыве прафесара М. К. Азадоўскага ў адным з навуковых цэнтраў у галіне рускага фальклору – Іркуцкім дзяржаўным універсітэце. Улічваючы вялікае грамадска-палітычнае значэнне гэтай тэмы, УДНТ арганізавала ўсесаюзную нараду і ў Маскве². На ёй ставіліся пытанні спецыфікі фальклору ваенных гадоў, яго відаў і форм, прыёмаў і метадаў збірання і вывучэння [5, с. 8]. Гэтыя прыёмы і метады з'яўляліся, па сутнасці, ідэалагічнай ці культурна-масавай работай і не заўсёды садзейнічалі навуковаму асэнсаванню з'яў народнай культуры³.

Асабліва дзейсным сродкам прыцягнення грамадскасці да збору фальклору ў гады вайны былі падрыхтаваныя спецыялістамі заклікі-ўлёткі да байцоў і афіцэраў і інструкцыі па запісу франтавога фальклору, якія давалі прыток матэрыялаў, пераважна песенных жанраў. У 1942 г. ДЛМ выпусціў першую такую ўлётку, у маі 1945 г. аналагічная зварот-інструкцыя была падрыхтавана ІЭ. Пры садзеянні Галоўнага палітычнага ўпраўлення Узброеных Сіл СССР яе апублікавалі ў газетах вайсковых падраздзяленняў. У выніку яе пашырэння ІЭ атрымаў «хвалюючы летапіс гераічных ваенных гадоў» [5, с. 8–10].

З пачатку вайны збіральніцкая і выдавецкая праца Фальклорнага аддзела ДЛМ звязана з імёнамі даследчыц Веры Юр'еўны Крупянскай (1897–1985) і Соф'і Ісакаўны Мінц (1899–1964), якія ўнеслі вялізны ўклад у навуковае асэнсаванне савецкіх песень вайны, у тым ліку і беларускіх. Пачатковым вынікам іх руплівай працы стаў выдадзены ў 1944 г. зборнік «Фронтавой фольклор» (уклад. В. Ю. Крупянская, пад рэд. М. К. Азадоўскага) – першае навуковае выданне па гэтай тэме⁴.

У кантэксце гісторыі збірання беларускага фальклору часоў Вялікай Айчыннай вайны трэба ўказаць самую значную экспедыцыю, якая дала надзвычай каштоўныя ў навуковым сэнсе вынікі [5, с. 11; 6, с. 409]. З 6 жніўня па 13 верасня 1945 г. адбылася арганізаваная вядучымі саюзнымі ўстановамі пад кіраўніцтвам прафесара П. Р. Багатырова і В. Ю. Крупянскай вялікая навуковая экспедыцыя ў Бранскую вобласць РСФСР і сумежныя тэрыторыі БССР. Былі даследаваны асноўныя цэнтры партызанскага руху на Браншчыне, Смаленшчыне і ў Беларусі, запісана каля трохсот узораў партызанскай песні, больш за 2 тыс. прыпевак, вусныя апаведы з партызанскага жыцця, анекдоты і інш. [7, с. 6]. Асабліваю цікавасць для даследчыкаў уяўляюць зафіксаваныя тады

¹ Сёння – Навуковы цэнтр народнай музыкі імя К. В. Квітка Маскоўскай дзяржаўнай кансерваторыі імя П. І. Чайкоўскага (Масква).

² У 1944 г. у Кіеве ў ІМФЕ АН УРСР адбылася Рэспубліканская нарада практыкаў-збіральнікаў фальклору.

³ УДНТ належыць і ініцыятыва пасылкі на фронт (у 1942–1944 гг.) творчых брыгад народных «сказителей», якія выступалі сярод армейскіх мас.

⁴ У зборнік увайшлі, апроч іншага, ўлётка-зварот 1942 г. і праграма па збору паэтычнай творчасці фронту.

ўнікальныя тэксты былічак (9 адзінак), запіс засцерагальнага абраду прыгатавання хлеба [4, с. 190], якія сведчаць пра пераасэнсаванне ў гады вайны архаічных з’яў народнай традыцыі. Сёння матэрыялы гэтай экспедыцыі захоўваюцца ў архівах Інстытута этналогіі і антрапалогіі РАН (адз. зах. 78, 78а, 78б)¹ і Дзяржаўнага музея гісторыі расійскай літаратуры (1976 адз. зах.)².

Наступны перыяд – 1945–1956 гг. – характарызуецца дзейнасцю спецыяльных устаноў па фарміраванні асновы фондаў фальклорных матэрыялаў, звязаных з вайной; развіццём экспедыцыйных і іншых форм збіральніцкай работы (усесаюзныя конкурсы збіральнікаў і выканаўцаў, прыцягненне да запісу фальклору шырокіх колаў грамадства і інш.); у грамадскай практыцы народная творчасць разам з іншымі з’явамі культуры служыць сродкам культу асобы; на акадэмічным узроўні замацоўваецца кананізацыя ваеннага фальклору. Перыяд заканчваецца 1956 г. (годам, калі адбыўся XX з’езд КПСС), канцом сталінскай эпохі, паслабленнем ідэалагічнай цензуры.

22–26 красавіка 1945 г. у Беларусі на першай сесіі Аадзялення грамадскіх навук Акадэміі навук БССР ставіцца пытанне збірання і вывучэння фальклору Вялікай Айчыннай вайны. Загадчык Сектара этнаграфіі і фальклору М. Я. Грынблат паведамляе пра пачатак аднаўлення даваеннай сеткі карэспандэнтаў-збіральнікаў фальклору. Сапраўды, у 1930-я гг., калі вялося комплекснае народазнаўчае вывучэнне некаторых рэгіёнаў Беларусі, супрацоўнікі Акадэміі навук сфарміравалі сетку карэспандэнтаў, у якую ўвайшлі не толькі збіральнікі-краязнаўцы, але і студэнты, навучэнцы. Дзякуючы экспедыцыям і рабоце сеткі карэспандэнтаў былі назапашаны вялікія навуковыя фонды. Аднак даводзіцца канстатаваць, што збіранне ўзораў народнай творчасці перыяду Вялікай Айчыннай вайны ў канцы 1940-х і 1950-я гг. мела нерэгулярны характар. Найбольш актыўна экспедыцыі адбываліся ў 1945–1946 гг. Яны звязаны з імёнамі М. Я. Грынבלата, Л. Р. Барага, М. С. Меяровіч і Л. С. Мухарынскай.

У 1945–1946 гг. Сектар этнаграфіі і фальклору Інстытута гісторыі Акадэміі навук БССР правёў дзве першыя пасля вайны фальклорна-этнаграфічныя экспедыцыі пад кіраўніцтвам М. Я. Грынבלата. У 1945 г. навукоўцы наведalі Плешчаніцкі, Бягомльскі раёны Мінскай вобласці і суседнія раёны Маладзечанскай вобласці, у 1946 г. працавалі ў раёнах Палескай і Пінскай абласцей, дзе сабралі, як паведамляецца ў справаздачы сектара, каштоўныя матэрыялы.

У гэты ж час былі арганізаваны чатыры фальклорныя экспедыцыі студэнтаў і аспірантаў БГУ, студэнтаў Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя А. М. Горкага пад кіраўніцтвам Л. Р. Барага і М. С. Меяровіч у раёны Баранавіцкай і Гродзенскай абласцей. Усяго было запісана каля 200 партызанскіх песень і каля 500 песень-паланянак [4, с. 190]. Акрамя песень, самабытны характар маюць і эпічныя творы (анекдоты і казкі) ваеннага часу, новыя і створаныя на традыцыйнай аснове. Даследчыкамі адзначаецца вялікая навуковая каштоўнасць беларускай калекцыі Л. Барага. Сёння гэтыя матэрыялы захоўваюцца ў архіве Інстытута этналогіі і антрапалогіі РАН і ў Рукапісным адзеле ІРЛІ. Невялікая частка знаходзіцца ў Беларускім дзяржаўным архіве-музее літаратуры і мастацтва (далей – БДАМЛіМ).

У 1943–1945 гг. Л. С. Мухарынская рабіла запісы фальклору Вялікай Айчыннай вайны на Міншчыне. А з 1947 г. у рэчышчы праграмы Кабінета народнай музыкі Маскоўскай кансерваторыі па запісу фальклору Паўночнай Беларусі пачалася яе сістэматычная пошукавая і збіральніцкая работа пераважна ў Верхнядзвінскім раёне Віцебскай вобласці. Кіраваў гэтай праграмай настаўнік Л. С. Мухарынскай – музыказнаўца і фалькларыст К. В. Квітка.

Для яшчэ большай актывізацыі працы УДНТ арганізоўвае Усесаюзныя конкурсы збіральнікаў, гэтаму садзейнічала пашырэнне апытальнікаў і збіральніцкіх праграм, якія мелі водгук сярод франтавікоў, партызанаў і насельніцтва. Заўважым, што першы ў Савецкім Саюзе вопыт

¹ Дмитриева, С. И. Материалы по фольклору Великой Отечественной войны, хранящиеся в архиве Института этнографии АН СССР / Русский фольклор Великой Отечественной войны / АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). – М. ; Л. : Наука, 1964. – С. 409–411. Тут жа захоўваецца калекцыя з васьмі партызанскіх песень і васьмі прыпевак з Магілёўскай вобл., артыманых М. Ісакоўскім падчас яго паездкі ў Беларусь у 1944 г.

² Минц, С. И. Коллекции фольклора Великой Отечественной войны в Государственном литературном музее / Русский фольклор Великой Отечественной войны / АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). – М. ; Л. : Наука, 1964. – С. 409–409.

арганізацыі конкурсу на лепшага збіральніка фальклору быў назапашаны ў БССР. У 1936 г. такі конкурс з мэтай прыцягнення найбольшай колькасці карэспандэнтаў і «ўзмацнення запісу савецкага фальклору» арганізавала фальклорная камісія АН БССР.

Першы Усесаюзны конкурс стваральнікаў і збіральнікаў твораў вусна-паэтычнай творчасці адбыўся па заканчэнні вайны, увосень 1945 г. Удзельнікі прадстаўлялі самабытны і разнастайны ваенны рэпертуар, які потым служыў слаvesным і музычным матэрыялам для савецкай эстрады і самадзейнасці. Адбіраліся найбольш адпаведныя пастаўленым задачам творы, яны падлягалі літаратурнай і ідэалагічнай рэдакцыі з удзелам пісьменнікаў.

У 1946 г. УДНТ патрабуе ад сваіх рэгіянальных арганізацый планы па збіранні і папулярызацыі фальклору. Рэспубліканскі Дом народнай творчасці Беларусі¹ (далей – РДНТБ), атрымлівае з Масквы інструкцыю як мага больш поўна і разнастайна адлюстроўваць менавіта сучасны стан вуснай народнай творчасці [8, л. 343]. РДНТБ, відавочна, не мае значнага рэсурсу, бо займае адзін пакой (№ 718) у Доме ўрада ў Мінску, з'яўляючыся, па сутнасці, упраўленнем.

У сакавіку 1946 г. УДНТ аб'яўляе новы Усесаюзны конкурс збіральнікаў фальклору, цяпер ставіцца мэта выявіць лепшыя творы сучаснай творчасці народаў СССР. Запрашаюцца ўсе рэгіянальныя ўстановы, а таксама спецыялісты і аматары. Конкурс скіраваны на адбор новых твораў савецкай вуснай народнай творчасці [8, л. 344–345].

Паколькі ў пасляваенны перыяд задачы збірання і вывучэння фальклору Вялікай Айчыннай вайны ставіліся ва ўсіх саюзных рэспубліках, узнікла неабходнасць стварыць агульную праграму даследаванняў і каардынаваць намаганні навукоўцаў. 9–14 снежня 1947 г. была склікана спецыяльная Усесаюзная нарада, якая прайшла ў ІЭ АН СССР². На ёй увага была сканцэнтравана на цэнтральнай праблеме тагачаснай фалькларыстыкі – збіранні, вывучэнні і выданні народнай творчасці часоў вайны. Беларускую навуку з тэмай партызанскага фальклору прадстаўлялі І. В. Гутараў³, Л. Г. Бараг, М. Я. Грынблат, Г. І. Цітовіч. Неафіцыйна прызнавалася, што ў БССР партызанскі фальклор⁴ з'яўляецца прыярытэтным і найбольш грунтоўна даследуецца [9, с. 210–215].

Удзельнікі нарады ахарактарызавалі спецыфіку і ўмовы бытавання народнай творчасці часоў вайны, трансфармацыю песенных і праявічых жанраў. Указвалася, што пры публікацыі тэкстаў неабходна ўлічваць ідэйна-палітычны і эстэтычны крытэрыі. Узнімалася пытанне аб метадазе сацыялістычнага рэалізму ў фальклору, героіка-эпічных матывах і стварэнні гераічнага вобраза (Сталін як правадыр і натхняльнік Перамогі). Дакладчыкі з саюзных рэспублік адзначалі ўплыў на нацыянальныя культуры рускай літаратуры, рускай народнай творчасці і савецкай масавай песні.

Галоўнай ідэяй, якая прасочвалася ў дакладах і выступленнях, была трактоўка фальклору савецкага народа як з'явы якасна новай, што развіваецца і мае вялікую будучыню. Перыяд заняпаду народнай творчасці, уласцівы эпосе капіталізму, паводле выступоўцаў, ва ўмовах сацыялістычнага ладу змяняецца яе надзвычайным росквітам [9, с. 216]. Пры гэтым узнімаліся і актуальныя праблемы публікацыі фальклорнага матэрыялу, у прыватнасці, размежаванне тыпаў выданняў. Дакладнасць і паўната запісу, навуковы апарат, вычарпальны каментарый – абавязковыя ў зборніку, які прэтэндуе на навуковае значэнне⁵. У выданнях для масавага чытача на першы план выходзіць крытычны ідэйны адбор публікуемых матэрыялаў.

Такім чынам, у дзейнасці фалькларыстаў таго часу адлюстроўвалася марксісцкая канцэпцыя народнай творчасці, сфармуляваная А. М. Горкім, паводле якой, сапраўдны фальклор – гэта не

¹ Установа ўтворана ў лютым 1937 г. 3 26.03.1946 г. па 18.03.1952 г. яна называлася Рэспубліканскі Дом народнай творчасці БССР Упраўлення па справах мастацтваў пры СМ БССР.

² Другая Усесаюзная канферэнцыя па гэтай праблематыцы адбылася ў Кіеве ў Інстытуце мастацтвазнаўства, фальклору і этнаграфіі АН УССР (1961).

³ Іван Васільевіч Гутараў (1906–1967) – літаратуразнавец і фалькларыст, за ўдзел у партызанскай барацьбе на Бранскім фронце ўзнагароджаны ордэнамі і медалём, першы доктар па філалагічных навук у БССР у пасляваенны час (1949), член-карэспандэнт Акадэміі навук БССР (1953).

⁴ Акрамя партызанскага, разглядаўся фальклор *франтавы*, фальклор *насельніцтва часова акупаваных тэрыторый і працоўных тылу*, «*песні няволі*» (песні паланянак).

⁵ Па выніках нарады 1947 г. В. Ю. Круглянскай падрыхтаны метадычныя рэкамендацыі «Фольклор Великой Отечественной войны (задачи и методы собирания)» (1949).

рэліктавыя з’явы, а сучасная творчасць працоўнага народа. Для вызначэння сапраўдных пралетарскіх твораў трэба прымяняць ідэйны, этычны і мастацкі ацэначны крытэрыі, што дазволіць выявіць і адрынуць нізкакасныя ў ідэйных адносінах узоры, створаныя часам дэкаласаванымі элементамі [10, с. 5]. Так, горкаўскія тэзісы пра народную творчасць як дзейсны фактар сацыяльнага выхавання мас фарміравалі праблемнае поле савецкай фалькларыстыкі [11, с. 229]. Метавіта гэтым тлумачыцца, чаму пераважная большасць тагачасных зборнікаў (падборак у часопісах, газетах і інш.) змяшчала ідэйна заангажаваныя, сацыяльна заастрэныя творы і часта мела агітацыйна-папулярызатарскае прызначэнне.

У 1948 г. УДНТ даслае ў РДНТБ рэкамендацыю па пытаннях працы збіральніка: «Часам можна яшчэ сустрэць стаўленне да працэсаў збору фальклору як да пасіўнай фіксацыі матэрыялу. З гэтых пазіцый фалькларыст-збіральнік робіцца прапагандыстам толькі з моманту апублікавання ім сабранага матэрыялу. Гэта няправільная пазіцыя. Несумненна, што канчатковая мэта збіральніцкай працы – апублікаванне матэрыялу, але і сам працэс збору матэрыялу можа і павінен спрыяць развіццю народнай творчасці, павышэнню ідэйнага і мастацкага ўзроўню яго прадстаўнікоў, выхаванню крытычных адносін да ствараемых і выконваемых твораў» [8, л. 257–258].

Такім чынам, у канцы 1940-х гг. экспедыцыйная праца фалькларыстаў трактуецца, па сутнасці, як асветніцка-прапагандысцкая, у выніку якой да прадстаўнікоў народнага мастацтва павінны быць данесены мэты, якія стаяць перад савецкім мастацтвам і перад усёй савецкай грамадскасцю: «Працэс адбору збіральнікамі ўзораў сучаснай народнай творчасці, якія паўнаўартасна адлюстроўваюць нашу рэчаіснасць, развіваюць лепшыя традыцыі народнага мастацтва, а таксама перадавой па дэмакратычных тэндэнцыях класічнай фальклорнай спадчыны, правільна арыентуе ідэйную, палітычную мэтанакіраванасць народных спевакоў, актывізуе разуменне імі ўплыву ролі мастацтва на свядомасць людзей» [8, л. 257–258]. Адною з галоўных тэм размоў збіральнікаў з народнымі спевакамі павінна быць «усебаковае растлумачэнне актыўнай дзейснай ролі мастацтва (прафесійнага і народнага) у грамадскім жыцці краіны». Правільна зразумелы і зроблены збор фальклору – найважнейшая задача Дамов народнай творчасці. Такая ўстаноўка падмацоўваецца чарговым рашэннем ЦК ВКП (б) па пытаннях музыкі¹, у якім адзначаецца неабходнасць цеснай узаема сувязі прафесійнага мастацтва з народным.

Ацэньваючы здабыткі беларускіх экспедыцый пасляваеннага часу, даследчыкі, з аднаго боку, прызнаюць надзвычайную каштоўнасць іх вынікаў [12, с. 23; 13, с. 21]. З другога боку, не аспрэчваюцца і тое, што ў плане рэгулярнасці і маштабнасці праца па збіранні ваеннага фальклору не ахоплівала ўсіх раёнаў Беларусі, не была сістэматычнай і таму не магла выявіць найбольш таленавітых носьбітаў. Усё гэта, як піша А. С. Фядосік у манаграфіі «Беларуская савецкая фалькларыстыка» (1987), не дазваляла зрабіць вывады аб фальклорных працэсах, жанравай структуры і асаблівасцях бытавання ўзораў народнай творчасці [14, с. 147]. Наогул у пасляваенныя гады навуковыя даследаванні па фальклорнай праблематыцы нікім не каардынаваліся, таму кожная ўстанова сама вызначала тэматыку работ. Прыкладзём яшчэ цытату з працы тагачаснага загадчыка сектара фальклору Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору АН БССР А. С. Фядосіка: «Фалькларыстычная дзейнасць была ў пэўнай ступені стыхійнай, музыказнаўцы-фалькларысты займаліся збіраннем, апрацоўкай і выданнем народна-песеннай творчасці, выходзячы з практычных праблем развіцця музычнага мастацтва, фалькларысты-славеснікі імкнуліся выдаць зборнікі фальклорных твораў без музычнай часткі» [14, с. 151].

У пачатку 1950-х гг. фальклор Вялікай Айчыннай вайны падаецца ў кантэксце савецкага мастацтва як эпахальная з’ява, факт найвялікшай мастацкай і гістарычнай значнасці. Фалькларысты, як і ўсе ідэалагічныя работнікі, пастаўлены «на перадавую лінію агню» і абавязаны выконваць свой доўг барацьбітоў за стварэнне савецкай культуры. Менавіта ў гэты час выходзіць знакавая праца па народнай творчасці ваеннага часу – акадэмічная анталогія В. Ю. Крупянскай і С. І. Мінц «Матэрыялы по истории песни Великой Отечественной войны» (1953), у яе ўключаны беларускія матэрыялы з архіваў ДЛМ і ІЭ. Сёння можна пагадзіцца з ацэнкай В. К. Сакаловай,

¹ Пастанова ЦК ВКП (б) «Аб оперы “Вялікая дружба» В. Мурадэлі» ад 10 лютага 1948 г. Тлумачэнне гэтых рашэнняў Камуністычнай партыі даў А. А. Жданаў на нарадзе дзеячаў савецкай музыкі ў ЦК ВКП (б) (студзень 1948 г.).

дадзенай яшчэ ў 1975 г., што па паўнаце і дакладнасці каментарыяў праца В. Ю. Крупянскай і С. І. Мінц з'яўляецца непераўздызеным да нашага часу ўзорам навуковага выдання песень Вялікай Айчыннай вайны.

У перыяд з 1956 па 1960-я гг. апублікавана і даследавана, хаця і тэндэнцыйна, частка экспедыцыйных матэрыялаў пасляваенных гадоў; фальклор Вялікай Айчыннай вайны разглядаецца як народная творчасць у яе новай гістарычнай фармацыі, элемент сацыялістычнай культуры; у тэарэтычным асэнсаванні матэрыялу па многіх пазіцыях прымяняюцца ідэалагізаваныя падыходы.

Захаваліся толькі адзінкавыя звесткі пра палявую работу па фіксацыі фальклору Вялікай Айчыннай вайны ў 1950–1960-я гг., напрыклад, экспедыцыйныя матэрыялы Л. С. Мухарынскай, якая распрацоўвала тэму партызанскай песні і яе самадзейных аўтараў¹. Натуральна, песенныя і праявічныя жанры ваеннай тэматыкі запісваліся беларускімі навукоўцамі, аднак даводзіцца канстатаваць, што пры тым вялікім грамадска-палітычным значэнні, якое надавалася ў грамадстве Перамозе савецкага народа ў вайне, задачы мэтанакіраванага збору палявога матэрыялу азначанай тэматыкі саступілі месца тэарэтычнаму асэнсаванню ўжо наяўных фактаў з пазіцый марксізму-ленінізму. Пацвярджэннем служыць акадэмічная праца 1961 г. «Беларускі фальклор Вялікай Айчыннай вайны» (пад рэд. П. Ф. Глебкі, І. В. Гутарава, С. К. Майхровіча, уклад. І. В. Гутараў, М. Я. Грынблат, К. П. Кабашнікаў, І. Р. Сцяпунін, І. К. Цішчанка). Значная доля тэкстаў гэтага зборніка сёння патрабуе крытычнага асэнсавання.

І хаця пасля 1956 г. абмеркаванне праблем гуманітарнай навукі зрабілася больш свабодным, інерцыя ідэалагізаваных падыходаў і трактовак у беларускай фалькларыстыцы не спынялася². Напрыклад, у працы Л. С. Мухарынскай «Белорусская народная партизанская песня» (1968) зроблены канцэптуальныя абагульненні і адкрыцці ў плане музыказнаўства. Пры гэтым аналіз семантыкі партызанскай песні падпарадкаваны задачы паказаць у песнятворчасці Беларусі ваеннага часу «сусанінскую гераічную традыцыю» [15, с. 3], што выканана спрошчанымі публіцыстычна завостранымі сродкамі. Даследчыца Т. Якіменка піша, што ў выніку рэдакцыі ў выдавецтве «Беларусь» рукапіс Л. С. Мухарынскай набыў такі моцны публіцыстычны ўхіл, які зацяміў вельмі складаную ўласна музыказнаўчую сферу [16, с. 54].

Заклучэнне. Пачатак збірання, сістэматызацыі і захоўвання народнай творчасці ваеннага часу быў пакладзены ў 1941–1945 гг. экспедыцыямі ў вызваленыя раёны краіны. Важную ролю адыгрывала работа з карэспандэнтамі. Вядучымі цэнтрамі з'яўляліся УДНТ, ДЛМ, ІЭ (Масква), ІРЛІ (Ленінград). У Беларусі з 1944 г. найбольш сістэматычна гэта праца вялася ў АН БССР. Значны даследчы матэрыял далі экспедыцыі М. Я. Грынבלата, Л. Р. Барага, М. С. Меяровіч і Л. С. Мухарынскай. У пасляваенны час задачы збірання і вывучэння фальклору Вялікай Айчыннай вайны ставіліся ва ўсіх саюзных рэспубліках і каардынаваліся дзяржаўнымі органамі. Дзейнасць фалькларыстаў трактавалася ў кантэксце марксісцка-ленінскай канцэпцыі народнай творчасці, што абумоўлівала селектыўны падыход да публікацыі і інтэрпрэтацыі ўзораў фальклору.

Пры тым, што навуковыя працы 1941–1960 гг. сёння патрабуюць новага прачытання, будзе неаб'ектыўным спрашчаць здабыткі навукі гэтага перыяду. Матэрыялы экспедыцый паказалі абсалютную ўнікальнасць такой з'явы, як фальклор Вялікай Айчыннай вайны. Была даказана неаднароднасць яго стылістыкі, якая з'явілася вынікам узаемадзеяння традыцыйна-народных з'яў культуры з новымі мастацкімі сістэмамі, у тым ліку выпрацаванымі прафесійнай творчасцю. «Усё, што зроблена ў гэтым кірунку – створаныя анталогіі і зборнікі, архіўныя і музейныя зборы, – пісаў В. Я. Гусеў, – ёсць адна з форм увекавечання ўсенароднага подзвігу» [17, с. 9]. Збіральніцкая і публікатарская дзейнасць фалькларыстаў і этнографуў у 1941–1960 гг. мае вялікае грамадскае і навуковае значэнне.

¹ БДАМЛіМ. – Фонд 349. Воп. 1. С. 82. Запісы беларускіх народных песень у Мядзельскім раёне Мінскай вобласці 1950–1951 гг., л. 89.

² У томе БНТ «Песні савецкага часу» (1970) большасць песень раздзела Вялікай Айчыннай вайны публікаваліся раней, а зборнік «Паэзія барацьбы» (1985) зроблены на аснове матэрыялаў выдання 1961 г.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Фронтowej фольклор: Песни, пословицы, поговорки / Зап., вступ. ст. и коммент. В. Ю. Крупянской. – М.: Тип. Госэнергиздата, 1944. – 132 с.
2. Гусев, В. Е. Славянские партизанские песни / В. Е. Гусев. – Л.: Наука, 1979. – 176 с.
3. Соймонов, А. Д. Собрание и изучение русского фольклора Великой Отечественной войны / А. Д. Соймонов // Русский фольклор Великой Отечественной войны; Акад. наук СССР ИРЛИ (Пушкинский дом). – Л.; М.: Наука, 1964. – С. 9–40.
4. Минц, С. И. Фольклор Великой Отечественной войны в московских архивах / С. И. Минц // Советская этнография. – 1946. – № 2. – С. 188–192.
5. Соколова, В. К. Из истории изучения фольклора Великой Отечественной войны / В. К. Соколова // Этнографическое обозрение. – 1975. – № 3. – С. 7–14.
6. Дмитриева, С. И. Материалы по фольклору Великой Отечественной войны, хранящиеся в архиве Института этнографии АН СССР / С. И. Дмитриева // Русский фольклор Великой Отечественной войны / Акад. наук СССР ИРЛИ (Пушкинский дом). – Л.; М.: Наука, 1964. – С. 409–411.
7. Крупянская, В. Ю. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны: [тексты с комментариями] / В. Ю. Крупянская, С. И. Минц. – М.: Изд. АН СССР, 1953. – 210 с.
8. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛіМ). – Ф. 79. Воп. 1. С. 75. Л. 377.
9. Гершкович, Б. Совещание по вопросам собрания, изучения и издания фольклора Великой Отечественной войны / Б. Гершкович, В. Крупянская, В. Соколова // Советская этнография. – 1948. – № 2. – С. 209–216.
10. Задачи этнографов в связи с положением на музыкальном фронте // Советская этнография. – 1948. – № 2. – С. 3–7.
11. Березовський, І. П. Українська радянська фольклористика. Етапи розвитку і проблематика / І. П. Березовський. – К.: Наук. думка, 1968. – 343 с.
12. Беларускі фальклор Вялікай Айчыннай вайны / ІМЭФ АН БССР; рэдкал.: П. Ф. Глебка (гал. рэд.). – Мінск: Выд. АН БССР, 1961. – 617 с.
13. Барташэвіч, Г. А. Месца традыцыйнай песні ў беларускай народнай творчасці Вялікай Айчыннай вайны / Г. А. Барташэвіч // Тэзісы дакладаў канф. «Вынікі даследаванняў беларускай народнай творчасці», Мінск, люты 1969 г. / Акад. навук БССР; рэдкал.: М. Я. Глыблат (гал. рэд.). – Мінск: Выд. АН БССР, 1969. – С. 21–22.
14. Фядосік, А. С. Беларуская савецкая фалькларыстыка / А. С. Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1987. – 348 с.
15. Мухаринская, Л. Белорусская народная партизанская песня: 1941–1945 / Л. Мухаринская. – Минск: Беларусь, 1968. – 63 с.
16. Якименко, Т. С. Пламенность отдачи науке, педагогике, людям. Лидия Сауловна Мухаринская / Т. С. Якименко // Вес. Беларус. дзярж. акад. музыкі. – 2012. – № 20. – С. 47–56.
17. Гусев, В. Е. Народное творчество в годы Второй мировой войны и задачи его исследования / В. Е. Гусев // Советская этнография. – 1980. – № 4. – С. 3–11.

References

1. Krupyanskaya V. Y. (ed.) Front-line folklore: songs, proverbs, sayings. Moscow, Gosenergoizdat Publ., 1944. 132 p. (in Russian).
2. Gusev V. Y. Slavic Partisan Songs. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 176 p. (in Russian).
3. Soymonov A. D. Collecting and studying Russian folklore of the Great Patriotic War. Gusev V. E. (ed.). *Russian folklore of the Great Patriotic War*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, pp. 9–40 (in Russian).
4. Mintz S. I. Folklore of the Great Patriotic War in Moscow archives. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1946, no. 2, pp. 188–192 (in Russian).
5. Sokolova V. K. From the history of the study of the Great Patriotic War folklore, *Etnograficheskoe obozreniye* [Ethnographic Review], 1975, no. 3, pp. 7–14 (in Russian).
6. Dmitrieva S. I. Materials on the folklore of the Great Patriotic War stored in the archives of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. Gusev V. E. (ed.). *Russian folklore of the Great Patriotic War*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, pp. 409–411 (in Russian).
7. Krupyanskaya V. Y. Materials on the song history of the Great Patriotic War: [texts with comments]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1953. 210 p. (in Russian).
8. Belarusian State Archive-Museum of Literature and Art. Fund 79, inventory 2, case 75, sheet 377 (in Russian).
9. Gershkovich B., Krupyanskaya V., Sokolova V. (ed.). Meeting on the collection, study and publication of the folklore of the Great Patriotic War. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1948, no. 2, pp. 209–216 (in Russian).
10. The goals of ethnographers regarding the situation on the musical front. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1948, no. 2, pp. 3–7 (in Russian).
11. Berezovsky I. P. Ukrainian Soviet folklore studies. Stages of development and agenda. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1968. 343 p. (in Ukrainian).
12. Glebka P. F. (ed). Belarusian folklore of the Great Patriotic War. Minsk, Publishing House of the BSSR Academy of Sciences, 1961, 617 p. (in Belarusian).

13. Bartashevich G. A. Location traditional songs in the Belarusian Folk Art of the Great Patriotic War. *Vyniki dasledavanniau belaruskaj narodnaj tvorchasci: tezisy dahl. navuk. kanf.* Minsk, liuty 1969 g. [The results of Belarusian folk art research: Abstracts of the conference. Minsk, February 1969]. Minsk, Publishing House of the BSSR Academy of Sciences, 1969, pp. 21–22 (in Belarusian).
14. Fyadosik A. S. Belarusian Soviet folklore. Minsk, Navuka i Technika Publ., 1987, 348 p. (in Belarusian).
15. Mucharinskaya L. S. Belarusian folk partisan song: 1941–1945. Minsk, Belarus Publ., 1968, 63 p. (in Russian).
16. Yakimenko T. S. Flameful returns to science, pedagogy, people. Lidiya Saulovna Muharinskaya. *Vestsi Belaruskay dzharzhaynay akademii muzyki* [The News of the Belarus State Academy of Music], 2012, no. 20, pp. 47–56. (in Russian).
17. Gusev V. Y. Folk art during the Second World War and its research objectives. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1980, no. 4, pp. 3–11 (in Russian).

Информация об авторе

Гулак Анастасия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент. Белорусский государственный университет культуры и искусств (ул. Рабкоровская, 17, 220007, Минск, Республика Беларусь). E-mail: rodolfina.hulak@tut.by

Information about the author

Nastassia A. Hulak – Ph. D. (Philol.), Associate Professor. Belarusian State University of Culture and Arts (17 Rabkorovskaya Str., Minsk 220007, Belarus). E-mail: rodolfina.hulak@tut.by

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 792

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-475-481>

Поступила в редакцию 25.01.2018

Received 25.01.2018

С. Н. Демьяненко

*Киевский национальный университет театра, кино и телевидения им. Ивана Карпенко-Карого,
Киев, Украина*

ИЗ ИСТОРИИ ТЕАТРАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В УКРАИНЕ в 50-х гг. XX ВЕКА

Аннотация. Показано значение фестивальной деятельности на территории Украины. Автор, обращаясь к архивным данным, аргументированно доказывает, что фестивализация выводит театральное искусство Украины на другой уровень, на уровень сотрудничества и самореализации не только актеров, но и режиссеров с драматургами. Благодаря этому фестивалю зрители имели возможность наблюдать представления различного уровня. Фестиваль сыграл важную роль в театральной жизни СССР и в развитии украинского театра в целом. Проанализирована репертурная политика, а также рассматриваются организационные аспекты фестивального направления.

Ключевые слова: фестиваль, театр, спектакль, актер, режиссер

Для цитирования. Демьяненко, С. Н. Из истории театрального движения в Украине в 50-х гг. XX века / С. Н. Демьяненко // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманит. наук. – 2019. – Т. 64, № 4. – С. 475–481. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-475-481>

S. N. Demyanenko

Kiev National University of Theater, Film and Television named after Ivan Karpenko-Kary, Kiev, Ukraine

FROM THE THEATRICAL MOVEMENT IN THE HISTORY OF UKRAINE IN THE 50s OF THE 20th CENTURY

Abstract. The article deals with the importance of festival activity in Ukraine. By referring to archived data, the author convincingly proves that the festival brings theater to the next level of Ukraine on cooperation and the level of self-realization, not only the actors but also directors with dramaturges. Through this festival the audience had the opportunity to watch the presentation of different levels. The festival has played an important role in the theatrical life of the USSR in the development of Ukrainian theater in general. Repertoire policy is analysed, as well as organizational aspects of the festival direction are considered.

Keywords: festival, theater, performance, actor, director

For citation. Demyanenko S. N. From the theatrical movement in the history of Ukraine in the 50s of the 20th century. *Vesti Natsyonal'noi akademii nauk Belarusi. Seriya humanitarnykh nauk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 4, pp. 475–481 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-475-481>

Введение. Театральный период конца 50-х гг. XX века известен как пора фестивального движения профессионального театрального искусства на территории Украины. «Хрущёвская оттепель» этой эпохи коснулась не только политического и общественного строя государства, но также и театрального искусства. В это время появилась некоторая свобода слова и творчества, в страну стали приглашать иностранных деятелей искусства. Организуются конкурсы театральных спектаклей, ставшие позже фестивалями. На территории УРСР, в свою очередь, тоже начали создавать профессиональные театральные фестивали, среди них – «Первая украинская театральная весна».

Фестиваль «Первая украинская театральная весна» впервые был организован в 1958 г. Он стал первым профессиональным театральным фестивалем на украинских землях. Этот фестиваль стал «первой ласточкой» в культурной жизни страны, после которой пошел целый ряд подобных мероприятий. В нем были заложены важные основы театрального развития и взаимодействия театральных организаций со всей территории Украины. К сожалению, это важное мероприятие до сих пор не получило полного освещения в научных исследованиях.

Начиная с 1991 г. появлялись только единичные публикации по этой проблематике. В частности, Л. Ванюга в статье «Рыцарь галицкой сцены» [1] подает только общие сведения об этом фестивале, акцентируя внимание на деятельности Тернопольского академического драматического театра им. Т. Г. Шевченко. Статья в периодическом издании «Театральная декада» (январский номер 1958 г.), где представлена информация об этом мероприятии, также не дает нам полного представления об этом фестивале.

После присоединения западно-украинских областей к СССР (в 1939 г.) в Волынской, Дрогобычской, Тернопольской, Львовской, Ровенской и Станиславской областях театральное искусство получило новый импульс развития в организационной сфере, но одновременно стало политически заангажированным. К марту 1941 г. в СССР формируются еще две области – Измаильская (до 1941 г. – Аккерманская) и Черновицкая. По этим регионам суммарно было создано семнадцать новых театров [2, с. 6]. Театральное искусство оказалось под четким контролем советской власти. Пропагандистская идеология имела мощный спектр воздействия на население. Не обошел он, конечно, и театры. В то же время на нужды театров начало выделяться дополнительное финансирование, что стало стимулом для развития и роста театрального искусства. По состоянию на 1 января 1946 г. в Украине действовало 104 театра. Из них – 74 драматических, 27 стационарных и 47 передвижных, которые в основном гастролировали по деревням и колхозам. Каждый областной центр УССР имел свой областной драматический театр. Каждая область при этом имела еще и передвижные театры – от одного до четырех [3, с. 6]. Тогда же начинают организовываться театральные фестивали. У ценителей театрального искусства появлялись новые возможности отслеживать репертуар разных регионов Украины.

«В юбилейном 1957 г. значительно оживилась жизнь театральных коллективов Украины. К постановке было принято около 40 новых советских пьес, из них 25 – молодых драматургов. В конкурсе на лучшую пьесу, объявленном Министерством культуры СССР, приняли участие более 200 человек. Из всех представленных на конкурсе произведений была отобрана 81 пьеса для дальнейшей работы вместе с их авторами» [4, с. 3]. Приведенные факты ярко свидетельствуют о том, что в драматургию приходит новое, молодое пополнение. Но театральному репертуару 1957 г., являющемуся основой работы творческих коллективов, этого было недостаточно. Он требовал значительно большего количества драматического материала. Уделялось мало внимания украинской классике. Пополнение репертуара в предыдущем году происходило в основном за счет историко-революционных пьес. Драматических же произведений, написанных в то время, было очень мало. Для того чтобы оценить состояние репертуара на этот период, обдумать пути его улучшения в будущем 1958 г., в Союзе писателей УССР собрались украинские драматурги, театральные критики, руководящие работники театров, представители Министерства культуры УССР. Эти вопросы легли в основу доклада первого заместителя министра культуры УССР Л. Куропатенко, который отметил: «Если сейчас нельзя особенно жаловаться на малое количество написанных пьес, то вопрос качества драматургического материала со всей серьезностью стоит на повестке дня. У нас недостаточно еще произведений художественно совершенных и идейно совершенных. И здесь перед зрителем в большом долгу ведущие украинские драматурги. Часто театральные представления стандартизируются, что совсем не удовлетворяет нашего требовательного зрителя. К сожалению, слишком редко удается наблюдать поиски новой интересной формы и в театрах, и в драматургии» [4, с. 3].

Мало внимания уделялось и созданию репертуара для передвижных театров и самодеятельных коллективов, хотя они играли значительную роль в театральном искусстве Украины. Драматурги зачастую писали, не учитывая особенности их работы (небольшое количество действующих лиц, несложность постановки и сценического оформления).

Направления тогдашней украинской драматургии оценивал К. Лемешко [4, с. 3]. Он отмечал, что пьеса должна создаваться в тесном содружестве драматурга с режиссером и всем театральным коллективом. По его мнению, нужна настоящая близость драматурга с театром. Для этого следует создавать экспериментальные спектакли и постоянно искать новые средства выражения. Такие же мысли высказывали И. Киселев, Е. Старинкевич, М. Талалаевский.

В 1957 г. оставалось большое количество театров, которые не установили контакты с авторами и ставили преимущественно апробированные на сцене спектакли, которые одобряло на собраниях и пленумах партийное руководство. К тому же не всегда спектакли были высокого качества. «Сталинский областной русский театр имени Пушкина, который работает в Енакиеве, в 1956 г. не показал ни одного спектакля о жизни шахтеров, металлургов, техническую интеллигенцию. Вместо этого в репертуар попали такие малозначимые пьесы, как «Запутанный узел» М. Маклярского и Л. Шейнина, «Сплошные неприятности» Ю. Бахнова и мелодрама Я. Гордина «За океаном» [4, с. 3]. Считалось, что недостаточно насыщенными были репертуары тех театров, которые не проявляли желания сотрудничать с драматургами. В их перечень попали «Днепропетровский театр, имени Горького, Кировоградский, имени Кирова, Николаевский, имени Чкалова, Одесский, имени Октябрьской революции, Измаильский, имени Шевченко, Луганский, Русский и Ровенский театры» [4, с. 3].

В противоположность этому следует отметить совместное творчество театров оперы и балета с композиторами и писателями. Широко открыл свои двери для авторов Киевский академический театр им. Т. Г. Шевченко. После успешного воплощения на его сцене произведений А. Свечникова и Г. Жуковского здесь поставлена первая опера Г. Майбороды «Милана» (либретто Агаты Туринской). Также положительную оценку критиков получили А. Малышко и Ю. Костюк, которые написали для этого театра либретто к опере «Тарас Шевченко» (композитор Г. Майборода).

Предоставление права театрам самостоятельно решать судьбу новых произведений способствовало обогащению репертуара, открыло дорогу драматургам в театральных коллективах. Именно это дало возможность Винницкому украинскому музыкально-драматическому театру им. Садовского в результате плодотворного сотрудничества с драматургом М. Зарудным показать два спектакля по мотивам пьес этого автора – «Ночь и пламя» и «Радуга».

По пути тесного творческого содружества и сотрудничества с драматургом в создании новых пьес идут другие художественные коллективы. Киевский драматический театр имени Леси Украинки обратился к Л. Дмитерко с предложением написать новую пьесу на современную тему. Положительный опыт работы с авторами имел Киевский театр юного зрителя. В творческом содружестве его коллектива с поэтом П. Воронько получился спектакль «Сказка о Чугайстре», получивший признание зрителей. Положительную оценку критиков получила пьеса «Пастушка». Этот спектакль дебютировал после сотрудничества с Е. Кравченко. Театр работал также и с писателем Ю. Збанацким над инсценировкой его повести «Тайна Соколиного бора». Важной задачей было привлечение к совместной работе нового поколения драматургов. Большая роль отводилась также опытным писателям и работникам Министерства культуры. Они должны были быть особенно внимательными с материалами, которые попадали к ним, чтобы не случилось досадной ситуации, вроде той, о которой рассказывали Л. Дмитерко и И. Киселев [4, с. 3].

Среди произведений, присланных на конкурс, Л. Дмитерко и И. Киселев совершенно случайно наткнулись на пьесу «Бессмертные» М. Печенежского из Харьковской области. Она прошла мимо внимания работников Министерства культуры и даже не была передана на рассмотрение жюри. К тому времени пьеса была написана довольно удачно и понятно для зрителей. На заседании редколлегии единогласно решено, что она имеет право на сценическую жизнь. Очень важным фактором являлось то, что в подобных случаях судьбу начинающих произведений решали люди квалифицированные, профессионально грамотные и имеющие профессиональный опыт в развитии украинской советской драматургии.

К. Лемешко отмечал: «несомненная польза для развития украинской советской драматургии и улучшения репертуарных дел могут дать семинары молодых драматургов» [4, с. 3]. Министерство культуры СССР совместно с Союзом писателей назначает проведение таких семинаров уже в 1957 г. Одним из действенных средств обнаружения новых талантов в драматургии была организация конкурсов на лучшую пьесу [4, с. 3]. Тенденции театрального развития выдвигают в 1957 г. на повестку дня вопрос организации в столице Советской Украины новых драматических театров. Это дало широкие возможности для творческого соревнования художников в поисках новых форм сценического искусства. Необходимость их скорейшего создания отмечали В. Минко, Л. Дмитерко, М. Ятко. При таких условиях в 1958 г. и был основан первый профессиональный

Рис. 1. Сцена из спектакля Киевского театра имени И. Франко «Крылья»

Fig. 1. Scene from the performance of the Kiev Theater. I. Frank's «Wings»

театральный фестиваль, ставший первым шагом в ряде аналогичных мероприятий, которые состоялись в следующие десятилетия [5].

Это важное событие широко анонсировалось. Министр культуры УССР Г. В. Бабийчук отметил: «Театры покажут лучшие премьеры сезона 1957–1958 гг. Заключительный тур «Театральной весны» пройдет в мае в Киеве. Киевляне смогут увидеть тогда спектакли семи лучших театров Украинской ССР. Творческие коллективы театров и музыкальных учреждений готовят новые юбилейные спектакли и концерты» [6, с. 4]. В организации этого фестиваля большая роль отводилась украинской драматургии на примере пьес «Радуга» М. Зарудного, «Далее необозримые» М. Вирты, произведений Леси Украинки, М. Кропивницкого. «Первая украинская театральная весна» задумывалась Министерством культуры СССР совместно с Украинским театральным обществом и для активизации работы творческих коллективов республики по созданию нового современного репертуара и улучшению культурного обслуживания трудящихся [7, с. 1].

В фестивале такого уровня принимали участие лучшие театральные коллективы Украины того времени. Вниманию зрителей предлагалось пятьдесят произведений. Значительная их часть – произведения современных авторов (14 – на украинском языке и 20 – на русском). Восемь произведений было из украинской классики, 4 – из русской, 3 – зарубежных авторов и еще одно классическое китайское произведение. Хотя участие в фестивале приняли коллективы со всех регионов страны, особенно широко были представлены театры из городов Западной Украины: Львов, Винница, Черновцы, Каменец-Подольский, Тернополь [7, с. 2]. Таким образом, кроме культурно-мировоззренческой функции, фестиваль «Первая украинская театральная весна» был шагом к сотрудничеству и налаживанию дружеских связей между профессиональными коллективами. Значительное количество спектаклей акцентировало внимание на тружениках народного хозяйства, например, «Донбасс» по роману Б. Горбатова, «Именем революции» по произведению М. Шатрова. В подготовке к фестивалю, при написании представления авторы тесно сотрудничали с театральными коллективами. После плодотворной работы драматурга с театром выходили пьесы, которые затем дебютировали на фестивале. Из четырнадцати украинских произведений современников, которые принимали участие в фестивале, восемь было создано за счет совместного творческого процесса автора с театральным коллективом [8, с. 1].

Фестиваль открылся спектаклем «Вечный источник» в постановке Крымского драматического театра имени М. Горького. Винницкий украинский музыкально-драматический театр имени

Рис. 2. Сцена из спектакля Винницкого музыкально-драматического театра имени Н. К. Садовского «Радуга»

Fig. 2. A scene from the play of the Vinnytsia Music and Drama Theater named after N. K. Sadovsky «Rainbow»

Н. К. Садовского показал пьесу местного драматурга М. Зарудного «Радуга». Работу своих земляков М. Акименко и М. Андреевич «Я верю» подготовил Черновицкий украинский музыкально-драматический театр имени О. Ю. Кобылянской. Работу Ф. Вольного «Суровая повесть» продемонстрировал Луганский драматический театр имени Островского. Сталинский государственный русский театр оперы и балета поставил балетный спектакль «Черное золото» В. Гомоляки [9, с. 3].

Театральный фестиваль «Первая Украинская театральная весна» подытожил творческие достижения около восьмидесяти драматических и музыкальных театров республики за период 1957–1958 гг.. Межобластные комиссии предварительно просмотрели десятки спектаклей, чтобы допустить к конкурсу только лучшие. После проведения фестиваля Почетной грамотой Министерства культуры УССР были награждены театры, которые вместе с драматургами создали ряд первостепенных представлений. Это работы Волынского областного украинского драматического театра имени Т. Г. Шевченко «Именем революции», Львовского театра юного зрителя имени М. Горького «Крылатая молодость», Винницкого украинского музыкально-драматического театра имени Н. К. Садовского «Радуга», Хмельницкого областного музыкально-драматического театра имени Г. И. Петровского «Почему улыбались звезды», Измаильского передвижного русского драматического театра имени Т. Г. Шевченко «Старик» и др. Как лучшие были отмечены спектакль «Княжна Виктория» Я. Мамонтова, осуществленный Нежинским передвижным театром, и работа Крымского драматического театра имени М. Горького, который продемонстрировал на сцене театра имени Ивана Франко пьесу Д. Зорина «Вечный источник» [9, с. 3].

Благодаря этому театральному фестивалю зрители могли наблюдать представления со всех регионов Украины. Положительно отзывались критики о работе Киевского театра музыкальной комедии: «Вступив в заключительный тур первой Украинской театральной весны, Киевский государственный театр музыкальной комедии показал свои лучшие спектакли. Кроме выбранного для показа в заключительном туре спектакля «Поцелуй Чаниты», киевляне увидели новые произведения – «Весна поэта» (музыка Д. Кабалецкого, либретто Ц. Солодар, постановка В. Харченко), «За витриной ателье» (музыка С. Заславского, либретто И. Петровой, постановка М. Рудина)» [10, с. 1]. В дни «театральной весны» коллективы театров выступали с творческими отчетами перед рабочими Киева, районными и сельскими тружениками области. С успехом прошли спектакли в клубе имени М. Фрунзе, во Дворцах культуры Броварского, Дарницкого, Борисполь-

ского районов. В дни «Театральной весны» Киев посетила делегация известных деятелей оперетты из Германской Демократической Республики. Приняв во внимание ряд справедливых критических замечаний в свой адрес, Киевский государственный театр музыкальной комедии принял меры по улучшению качества спектаклей, пополнив творческий состав новыми силами. Чтобы достойно выступить на фестивале, был подготовлен новый спектакль «Тихая украинская ночь». Это произведение, проникнутое народным юмором, освещало тему нравственной красоты советских людей, тесной связи искусства с жизнью. Действие музыкальной комедии (либретто Е. Купченко, музыка С. Жданова) происходит на Украине в те дни. Ставил пьесу ее автор – Е. Купченко, дирижировал П. Поляков, балетмейстером выступил Б. Таиров, художественное оформление осуществлял И. Юцевич [10, с.1]. Драматургически четкая и напряженная комедийная интрига пьесы, построенная на жизненных ситуациях, правдиво очерченные характеры современников, удачно подобранная мелодичная музыка – все это давало основание надеяться, что новое произведение украсит репертуар театра. Ряд актеров, которых зритель привык видеть в однообразных «амплуа», раскрыли новые черты своего таланта, что было по душе зрителям.

Заключение. Всего в «Первой Украинской театральной весне» приняли участие 77 театров Украины. Несмотря на «правильную» партийную и коммунистическую линию, которую вынуждены были соблюдать в те годы режиссеры, фестиваль выступил не только как один из методов пропаганды идеологии, но и как средство обогащения репертуара, наработки новых путей культурного развития в театральном искусстве Украины. В фестивале был заложен большой потенциал, который не угасал еще долгие годы. Благодаря своей масштабности и высокому организационному и творческому уровню это мероприятие дало возможность наблюдать зрителям представления не только как культурное достояние народа, но и как средство воспитания и духовного наследия. Театральный фестиваль профессиональных коллективов «Первая украинская театральная весна» стал одним из основателей фестивального движения на территории украинского государства. Наряду с другими фестивальными смотрами, которые в 1958 г. проходили в СССР, этот фестиваль продемонстрировал высокий уровень не только организационных аспектов, но и вместе с тем значительное достижение в сценическом искусстве в целом. Во время подготовительного процесса к фестивальным осмотрам было установлено, что значительное количество спектаклей, которые были представлены на фестивале, было создано вместе с драматургами.

Список использованных источников

1. Vanyuga, L. Knight Galician scene / L. Vanyuga. – Lviv : Publ. center of LNU them. Franko, 2015. – P. 47–57.
2. Театральная декада. – 1939. – 1–10 дек. (№ 33). – С. 6.
3. Театральная декада. – 1958. – 11–20 янв. (№ 2). – С. 6.
4. Лемешко, К. За расцвет украинской драматургии / К. Лемешко // Киевская правда. – 1958. – 29 апр. – С. 3.
5. Украинское театральное общество. Отчет и отчетный доклад о творческой работе УТО за 1958 г. // Центральный государственный архив. Музей литературы и искусств Украины, г. Киев. – Ф. 616. Оп. 3, 63. Л. 62.
6. Наши интервью. Театральный и концертный Киев // Вечерний Киев. – 1958. – 11 апр. – С. 4.
7. Постановление Коллегии Министерства культуры УССР об итогах Первой украинской театральной весны от 1 июля 1958 г. // Тернопольский областной архив. – Тернополь, 1958. – Документ № 139.
8. Украинская театральная весна // Вечерний Киев. – 1958. – 12 мая. – С. 1.
9. Смоктий, С. В дни театральной весны / С. Смоктий // Вечерний Киев. – 1958. – 17 мая.
10. Украинская театральная весна // Говорит Киев. – 1958. – 22 мая. – С. 1.

References

1. Vanyuga L. Knight Galician scene. Lviv, Publishing center of LNU them. Franko, 2015, pp. 47–57.
2. *Teatral'naya dekada* [Theatrical decade], 1939, 1–10 December.
3. *Teatral'naya dekada* [Theatrical decade], 1958, 11–20 January.
4. Lemeshko K. For the heyday of Ukrainian drama. *Kievskaya pravda* [Kiev truth], 1958, 29 April, pp. 3.
5. Central State Archive. Museum of Literature and Arts of Ukraine, Kiev. *Ukrainian theater society. Report and report on the creative work of UTT for 1958*. F. 616. Op. 3, 63. L. 62.

6. Our interviews. Theatre and concert. *Vechernii Kiev* [Kiev Evening], 1958, 11 April, pp. 4.
7. Ternopil Regional Archives. *Resolution of the Board of the Ministry of Culture of the Ukrainian SSR on the outcome of the First Ukrainian Theater spring from July 1, 1958*. Ternopol, 1958. Dokument no. 139.
8. Ukrainian theater spring. *Vechernii Kiev* [Evening Kiev], 1958, 12 May, pp. 1.
9. Smoktii S. During the spring theater. *Vechernii Kiev* [Evening Kiev], 1958, 17 May, pp. 3.
10. Ukrainian theatrical spring. *Govorit Kiev* [Says Kyiv], 1958, 22 May, p. 1.

Информация об авторе

Демьяненко Сергей Николаевич – аспирант. Киевский национальный университет театра, кино и телевидения им. Ивана Карпенко-Карого (ул. Ярослав Вал, 40, 01054, Киев, Украина). E-mail: sergij_alfa@ukr.net

Information about the author

Sergey N. Demyanenko – Postgraduate Student. Kiev National University of Theater Film and Television named after Ivan Karpenko-Kary (40 Yaroslav Val Str., 01054 Kiev, Ukraine). E-mail: sergij_alfa@ukr.net

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY SCIENCE

УДК 821.161.3

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-482-493>

Паступіў у рэдакцыю 13.02.2018

Received 13.02.2018

В. В. Круглова

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

ПАЭТЫЧНАЯ ПАРАДЫГМА XIX СТАГОДДЗЯ І МЕТРЫЧНЫ РЭПЕРТУАР ВЕРШАВАНЫХ ТВОРАЎ ЯНКИ ЛУЧЫНЫ

Анотацыя. Акцэнтуюцца ўвага на становленні беларускага стихаслужэння, проследжваецца працэс паступеннага пераходу ад народнай (інтонацыйна-сказавой) сістэмы к сілабічнай, якая пазжэ ўступіла месце тонічнай сістэме, а ў выніку аб'яднання яны сфарміравалі сілаба-тонічную сістэму, якая ўжываецца і ў XXI в. Змяняецца ўплыў фальклору на ўдасканаленне народнага і тонічнага стихаслужэння, польскай літаратуры на развіццё сілабічнай сістэмы, рускай літаратуры на фарміраванне сілаба-тонічнага стихаслужэння. Падкрэсліваецца складаны шлях развіцця беларускага стихаслужэння ў XIX в. Разглядаецца разнастайнасць выкарыстаных строфаў (3-, 9-, 10-, 12-служэныя) і стоп (катрен, септима, секстына) паэтамі XIX стагоддзя. Даследуюцца асаблівасці стихаслужэння Янкі Лучыны, прыводзяцца колькасныя даныя і працэнтнае суадносінае па наступным аспектам: строфіка, рыфма, памер стиха, сістэма стихаслужэння, колькасць і упарадкаванне строк. Вызначаецца роля Янкі Лучыны ў развіцці беларускага і польскага стихаслужэння XIX в., якая заключаецца ў ўвядзенні паэтам сілаба-тонічнай сістэмы і мужскай рыфмы ў польскую літаратуру, ў набліжэнні стихатворення к размоўнай мове ў беларускай літаратуры, што ўплывала на лёгкасць яго ўспрымання.

Ключавыя словы: метрычны рэпертуар, строфа, рыфма, стих, стихаслужэнне, суадаванне стихатворных сістэм, метрычная стопа

Для цытавання. Круглова, В. В. Паэтычная парадыгма XIX стагоддзя і метрычны рэпертуар вершаваных твораў Янкі Лучыны / В. В. Круглова // Весті Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 4. – С. 482–493. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-482-493>

O. V. Kruglova

Belarusian State University, Minsk, Belarus

POETIC PARADIGM OF THE XIX CENTURY POETRY AND METRIC REPERTOIRE VERSE BY YANKA LUCHINA

Abstract. In the article the formation of Belarusian poetry is considered. Process of gradual transition from folk (intonation and saying) system of versification to syllabic system that gave way to the tonic system is observed, together they formed a syllabic-tonic system, which is used in the XXI century. The influence of folklore over the improvement of national and tonic versification, of Polish literature over the development of syllabic system, of Russian literature over the formation of syllabic-tonic versification is noted. Difficult development path of Belarusian poem in the XIX century is highlighted. The article reviewed diversity of used verses (3-, 9-, 10-, 12-syllable) and stop (quatrain, seventh, sestina) by poets of XIX century. Particularities of versification by Yanka Luchina are analyzed, quantitative data and composition in percents upon the following aspects are given: stanza and rhyme, verse size, versification system, quantity and ordering of rows. The role of poetry by Yanka Luchina in development of Belarusian and Polish poetry of the XIX century, which consists in introduction of syllabic-tonic system and masculine rhymes to Polish literature, in verses approaching to colloquial language in Belarusian literature that influenced the perception of lightness.

Keywords: metrical repertoire, stanza, rhyme, verse, versification, combination of versification systems, metrical foot

For citation. Kruglova O. V. Poetic paradigm of the XIX century poetry and metric repertoire verse by Yanka Luchina. *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian series*, 2019, vol. 64, no. 4, pp. 482–493 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-482-493>

Уводзіны. Першапачатковай сістэмай вершавання ў беларускай літаратуры была народная, або інтанацыйна-сказавая. Беларускі верш прайшоў складаны шлях развіцця. У выніку ўзаемадзеяння фальклорных і літаратурных традыцый выпрацоўвалася форма беларускага верша. У эпоху Сярэднявекі ў беларускай літаратуры панавала антычнае вершаванне, якім карысталіся М. Гусоўскі, Я. Вісліцкі і інш.

Прыкладна ў XVI ст. беларуская літаратура следам за польскай пераняла традыцыю сілабічнага вершавання. Узорами беларускага сілабічнага верша з’яўляюцца тэксты Францыска Скарыны, Андрэя Рымшы, Афанасія Філіповіча, Сімяона Полацкага і інш. У XVI ст. абавязковай умовай у вершы была пастаянная колькасць складоў. У гэты перыяд адбылося ўсталяванне рыфмы, якая ў сярэднявечным вершаванні выконвала ролю рытарычна-стылістычнага ўпрыгожання мовы, а ў XVI ст. яна стала адным з найважнейшых структурных элементаў верша і адзнакай яго метрычнасці.

У XIX ст. адбылася эвалюцыя беларускай вершаванай сістэмы. Беларуская літаратура ў гэты перыяд прайшла вельмі складаны шлях развіцця ў сувязі з адсутнасцю дзяржаўнай беларускай мовы і адпаведна даволі вузкім яе выкарыстаннем, у сувязі з чым асноўнай крыніцай выпрацоўкі версіфікацыйных форм з’яўляўся фальклор. Народнае вершаванне стала прыкметна пашырацца, што падкрэсліў М. Грынчык: «Пранікненне народна-паэтычных традыцый у беларускую літаратуру пачатку XIX ст. <...> набывае рысы ўсё больш усвядомленыя і маштабныя» [1, с. 30].

У першай палове XIX ст. беларуская літаратура арыентавалася на вопыт больш развітой польскай літаратуры. Таму найбольш распаўсюджанай сістэмай вершавання з’яўлялася сілабіка. Аднак паступова пачала назірацца тэндэнцыя да спалучэння рыс сілабічнага і танічнага верша, што ў першую чаргу было ўласціва творчай практыцы паэтаў-рамантыкаў, якія, з аднаго боку, бралі за аснову польскую версіфікацыйную сістэму, з другога – былі моцна звязаны з беларускай народнай культурай. Ян Баршчэўскі, Ян Чачот, Аляксандр Рыпінскі і іншыя паэты сінтэзавалі інтанацыйны верш, уласцівы для народна-песеннай лірыкі, і сілабічны.

Паступовае знікненне сілабічнага вершавання і выцясненне яго танічнай сістэмай адзначыў М. Грынчык: «Адміранне сілабічных канонаў і ўзмацненне ўплыву народнай тонікі – характэрная асаблівасць амаль усёй беларускай паэзіі пачатку XIX ст.» [1, с. 85].

Інтанацыйная структура беларускага верша першай паловы XIX ст. набліжана да апаэтычных фальклорных традыцый. У выніку ўплыву народна-песенных традыцый у беларускай літаратуры ўсталявалася чатырохградкоўе з перакрываючай рыфмоўкай. Асаблівай увагі заслугоўвае творчасць Яна Чачота, які здолеў на працягу невялікага перыяду творчасці прайсці шлях ад сілабізму да акцэнтнага верша, які ўся беларуская літаратура праходзіла праз цэлае XIX ст. Для развіцця беларускай версіфікацыі вялікае значэнне маюць паэмы «Энеіда наываварат» і «Тарас на Парнасе». Паэмы значна апярэджвалі свой час, бо ў выніку ўплыву больш развітой украінскай літаратуры ў іх значна пераважала сілаба-тоніка, што зрабіла моцны ўплыў на беларускую паэму. У распрацоўцы народнага танічнага вершавання праявіўся талент Вінцэся Каратынскага. Яго верш «Туга на чужой старане» – найбольш ранні і ўдалы прыклад танічнага верша. У сярэдзіне XIX ст. працягвалася суіснаванне літаратурнай і фальклорнай традыцыі. М. Грынчык вызначыў імкненне кожнай з гэтых традыцый выцясніць іншую: «Барацьба двух метрычных пачаткаў – літаратурнага і фальклорнага – характэрная асаблівасць развіцця ўсёй беларускай паэзіі XIX ст.» [1, с. 91].

Выкарыстанне сілабічнага і танічнага відаў верша характэрна і для Вінцэнта Дуніна-Марцінкевіча, у творчасці якога значную ролю пачалі адыгрываць апорныя фразавыя націскі, што ўзбагацілі рытмічную арганізацыю верша. В. Дунін-Марцінкевіч надаваў вялікую ролю рыфме. У яго творчасці шырокае распаўсюджанне мела секстына з рыфмай ААВССВ і септыма – АААВВСС. Творчасць В. Дуніна-Марцінкевіча паслужыла таму, што ў беларускай літаратуры пачалі складацца перадумовы сілаба-танічнай сістэмы.

Францішак Багушэвіч на пачатковым этапе творчай дзейнасці шырока выкарыстоўваў 12-складовік з пастаяннай цэзурай, што ўласціва зборніку «Дудка Беларуская». Паступова паэт пачаў скарачаць сілабічны верш да 9- і 10-складовіка, што назіраецца ў наступным зборніку «Смык Беларускі». Тэндэнцыя скарачэння стапы набліжала верш да сілаба-танічных трохстопных памераў. Паэт аддаляўся ад сілабічнай сістэмы, набліжаючыся да фальклорных танічных традыцый.

Ф. Багушэвіч – першы беларускі паэт, які звярнуўся да традыцыі народнага каламыйкавага верша, што яскрава прасочваецца ў «Песнях». Паэт адчуваў сябе найбольш свабодна ў сферы, блізкай да народнай паэзіі. У творчасці Ф. Багушэвіча, у параўнанні з В. Дуніным-Марцінкевічам, назіраецца большая разнастайнасць страфы. Ён ужываў наступныя катрэны: АВАВ, ААВВ, а таксама яму належыць значная роля ў распацоўцы септымы з рыфмай ААВВВВВВ.

Дзякуючы Ф. Багушэвічу, В. Каратынскаму і іншым мастакам слова, у XIX ст. у выніку ўплыву народнай паэзіі склалася літаратурнае танічнае вершаванне. У канцы XIX ст. сілабічнае і танічнае вершаванне паступова саступіла месца сілаба-танічнаму, узмацніўся ўплыў рускай літаратуры на беларускую, што яшчэ больш замацавала традыцыі сілаба-тонікі.

Характэрнай асаблівасцю творчасці Фелікса Тапчэўскага, Адама Гурыновіча з’яўлялася імкненне спалучыць сілаба-тоніку з фальклорнай паэтыкай. Адаму Гурыновічу ўласціва выкарыстанне ў адным вершы двух блізкіх памераў, сярод якіх пераважалі трохскладовыя.

Пранікненне народна-паэтычных традыцый у беларускую літаратуру атрымала шырокае распаўсюджанне, што працягвалася ў другой палове XIX ст., а таксама ў пачатку XX ст. Працэс пераходу да сілаба-тонікі быў складаным у выніку неразвітасці літаратурнага працэсу ў цэлым. У выніку ўзмацнення ўплыву народнай тонікі назіраецца паступовае адміранне сілабікі.

Асноўная частка. Сістэма вершавання кожнай літаратуры цесна звязана з моўнымі асаблівасцямі народа, на мове якога ствараюцца лірычныя творы. Напрыклад, для польскай мовы ўласцівы пастаянны націск на перадапошні склад, за невялікімі выключэннямі. Адпаведна ў польскай літаратуры найбольш распаўсюджанымі былі вершы ў сілабічнай сістэме. Гэта, аднак, не азначае немагчымасць напісання польскамоўнага верша ў сілаба-танічнай сістэме, але склалася літаратурная традыцыя выкарыстання сілабічнага вершавання. Ролю моўных асаблівасцей і літаратурнай традыцыі ў фарміраванні вершаванай сістэмы падкрэсліў М. Гаспараў: «Вершаваная сістэма мовы складваецца пад перакрываваемым уплывам двух фактараў: фаналагічных даных мовы і літаратурнай традыцыі верша. Узаемадзеянне гэтых двух фактараў здзяйсняецца на двух узроўнях, метрычным і рытмічным. На метрычным узроўні яно вызначае набор ужывальных вершаваных памераў і прапорцыі іх ужывальнасці; гэта мы і называем “метрычным рэпертуарам” верша. На рытмічным узроўні яно вызначае набор ужывальных рытмічных варыяцый кожнага памеру і прапорцыі іх ужывальнасці» [2, с. 39]. А. Важык таксама адзначыў моцную сувязь характару мовы і вершаванай сістэмы на пэўнай мове: «Залежнасць версіфікацыі ад мовы, моўная абумоўленасць форм – гэта з’ява, якую трэба ўлічыць у першую чаргу. Асобныя формы маюць пэўныя сталыя ці статыстычныя рысы, што вынікаюць з моўнай прыроды, з моўнага матэрыялу» [3, с. 8].

Значную ролю для развіцця беларускага і польскага вершавання адыграла творчасць Янкі Лучыны. На сістэму вершавання паэта зрабілі ўплыў тры літаратуры і тры вершаваныя сістэмы: руская літаратура (сілаба-танічная сістэма), польская літаратура (сілабічная сістэма), беларуская літаратура (танічная сістэма). Апрача гэтага, Янка Лучына дасканала валодаў старажытнагрэчаскай, французскай і нямецкай мовамі, што таксама паўплывала на сістэму яго вершавання. Асаблівасці польскамоўнай сістэмы вершавання Янкі Лучыны адлюстраваны ў табл. 1.

З табл. 1 вынікае, што ў польскамоўнай спадчыне Янкі Лучыны пераважае сілаба-танічная сістэма вершавання, якая складае 1217 радкоў, або 85%, а сілабічная – 210 радкоў, або 15%. Такая вялікая перавага сілаба-танічнай сістэмы была нечаканай для тагачаснай польскай паэзіі, у гэтым праяўляецца наватарства Янкі Лучыны.

Тэарэтык-вершазнавец В. Рагойша звярнуў увагу на перавагу сілаба-танічнай сістэмы ў творчасці паэта: «Калі ўлічыць напісанае Янкам Лучынам сілаба-тонікай не толькі на беларускай, але на польскай і рускай мовах, то, відаць, па колькасці выкарыстаных сілаба-танічных памераў з ім не можа параўнацца беларуская вершатворчасць за ўсё XIX ст.» [4, с. 101].

З прааналізаваных вершаў чатыры напісаны толькі ў сілабічнай сістэме: «Na jubileusz Orzeszkowej», «Towarzyszu i Bracie!», «Mój Panie Aleksandrze!», «Winiary». Іншыя напісаны або ў двох сістэмах, або ў сілаба-танічнай. Пералічаныя творы адносяцца да пэўных класіцыстычных жанраў – ода («Na jubileusz Orzeszkowej»), вершаваны ліст («Towarzyszu i Bracie!» і «Mój Panie Aleksandrze!»), санет («Winiary»), якія былі добра распрацаваны ў польскай літаратуры, таму паэт не пажадаў адступаць ад традыцыі.

Табліца 1. Метрычны рэпертуар польскамоўнай паэзіі Янкі Лучыны

Table 1. Metrical repertoire of Polish-lingual poetry by Yanka Luchina

Назва верша	Строфіка і рыфма	Памер верша	Сістэма вершавання	Колькасць і ўпарадкаванне радкоў
«Lirnik wioskowy»	(ABCB)×14 у няцотных радках унутраная рыфма	Ан4Цу1Ан2 Ан4Цу1Ан2	С.-т.	56 (20+4+12+4×3+8)
«Dwie zorze»	(ABAB)×10	Д4Цу1Д3 Д4Цу1Д3	С.-т.	40 (4×10)
«Na przewozie»	(ABAB)×15	Д4Цу1Д3 Д4Цу1Д3	С.-т.	60 (2+18+12+8×2+4+8)
«Pyszny widok»	АВВССАВ (ABAB)×5 АВВА (ABAB)×4 АВВА АВВСС	Х4	С.-т.	57 (7+12+16+4×2+8+6)
«Ja umierać nie chcę...»	(ABAB)×7	Х6Ц	С.-т.	28 (4×7)
«Na cmentarzu»	(AbAb)×8	Д4Цу1Д3 Д4Цу1Д3	С.-т.	32 (8×2+4×2+8)
«Gdzieś ty moja piosenka?»	(ABAB)×4 АВВА (ABAB)×2 АВВА	Ам2	С.-т.	32 (8+4+8+4×3)
«Kurs literatury powszechnej końca XIX wieku»	(ABAB)×5	Х4	С.-т.	20 (4×5)
«Na jubileusz Orzeszkowej»	(ABAB)×4	С11Ц5	С.	16 (4×4)
«Z dziejów życia i pieśni»	(ABAB)×35	С10Ц5 (92 радкі)	С.	140 ((4+8+4)+(4+6+2+4)+ (4+8+4)×4+(4×11))
		Д2 (48 радкоў)	С.-т.	
«W pogoni za szczęściem»	(ABAB)×6	Ам4ЦАм3 Ам4ЦАм3	С.-т.	24 (4×6)
«Co lubię?»	АВВА (ABAB)×6 (ABBA)×2	С13Ц7 (20 радкоў)	С.	36 (8+4×8)
		Я2 (12 радкоў) Х4 (4 радкі)	С.-т.	
«Plus quam perfectum»	(ABAB)×17 ААВВ (ABAB)×4 АВВА (ABAB)×6 АВВА	Х4	С.-т.	120 (4×2+12×2+4+12+ 16+12×2+20+4×3)
«Piosnka oracza»	(ABAB)×11	Х3	С.-т.	44 (4×11)
«Przedwiośnie»	(ABAB)×11	Ам4ЦАм3 Ам4ЦАм3	С.-т.	24 (4×6)
«Na powodzian»	(ABAB)×6	Х4Ц	С.-т.	68 (4+(10+12)×2+20)
«O zmroku»	ААВВ...	Х4	С.-т.	40 (4×10)
«Obrazek»	(ABAB)×9 ААВВ (ABAB)×19	Ан2	С.-т.	116 (4×29)
«Jesień (Chłodny, ostry, przenikliwy...)»	ААВВ...	Х4Ц	С.-т.	46
«Ruń»	(ABAB)×7	Х3	С.-т.	28 (4×7)
«Pożegnanie»	ААВВ...	Ан4Цн1	С.-т.	16 (10+6)

Заканчэнне табл. 1

Назва верша	Строфіка і рыфма	Памер верша	Сістэма вершавання	Колькасць і ўпарадкаванне радкоў
«Do poety»	AABB... ABAB AABB... ABBA AABB... ABAB	Ам2Ц	С.-т.	44 (10+12×2+10)
«Kołysanka»	(ABAB)×4 AABB... (ABAB)×4	X3 (32 радкі)	С.-т.	38 (4×3+6+4×4)
		X4 (6 радкоў)		
«Głos tłumy»	(ABAB)×7	Ам4ЦАм3 Ам4ЦАм3	С.-т.	28 (4×7)
«Czarne myśli»	(ABAB)×15	С10ц5 (24 радкі)	С.	60 (4×15)
		Д4Цу1Д4Цу1 Д4Цу1Д2 (36 радкоў)	С.-т.	
«Wiosna»	(ABAB)×3	Ам3	С.-т.	12 (4×3)
«Upał przed burzą»	(AbAb)×5	Я5	С.-т.	20 (4×5)
«Mróz»	(ABAB)×4	Ам4ЦАм3 Ам4ЦАм3	С.-т.	16 (4×4)
«Serenada»	(AbAb)×3	X4Ц	С.-т.	12 (4×3)
«Maj»	(aBaB)×4	Я4ЦЯ2Я4ЦЯ2	С.-т.	16 (4×4)
«Towarzyszu i Bracie!»	ABAB AABB (ABAB)×6	С13Ц7	С.	32
«Jesień (Puste w koło legły niwy...)»	(ABAB)×6	X4	С.-т.	24 (8×3)
«Mój Panie Aleksandrze!»	(AABB)×3	С13Ц7	С.	12
«I szumią i z wiatrem falują jak morze...»	(ABAB)×4	Ам4ЦАм3 Ам4ЦАм3	С.-т.	16 (4×4)
«Winiary»	(ABAB)×2 ABABAB	С13Ц7	С.	14 (4×2+3×2)
«Wisła»	(AbAb)×4	X4	С.-т.	16 (4×4)
«Nie dla wszystkich uroczysta...»	ABABCC (ABAB)×2 AABCBC ABAB	X4Ц	С.-т.	24 (6+8+6+4)

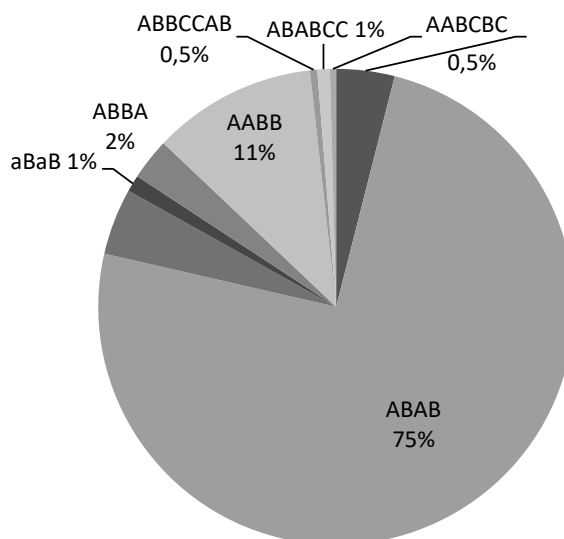
На перавагу сілаба-танічнай сістэмы ў паэзіі Янкі Лучыны значна паўплывала збліжэнне верша з фальклорнымі традыцыямі. М. Грынчык адзначыў: «Аб моцным уплыве фальклорных традыцый на версіфікацыйную сістэму беларускай сілаба-тонікі на пачатковым этапе сведчыць не толькі ўнутраная “апавядальная” раскаванасць верша Лучыны. У яго творчасці сустракаюцца і жывыя ўзоры, і перайманні народнай паэтыкі, асабліва “калькі” распаўсюджаных народна-песенных форм і памераў» [1, с. 143].

Яшчэ адна рыса, якая з’яўляецца новай для польскай паэзіі, – мужчынская рыфма. Мужчынская рыфма пачала шырока выкарыстоўвацца ў польскай паэзіі толькі ў канцы XIX ст. У лірычнай творчасці Янкі Лучыны няма верша з выключна мужчынскімі рыфмамі, але ёсць тыя, у якіх мужчынская рыфма чаргуецца з жаночай: «Na cmentarzu», «Upał przed burzą», «Serenada», «Maj», «Wisła».

На мал. 1 паказаны суадносіны пэўных відаў рыфмы і тыпаў рыфмоўкі ў польскамоўнай лірыцы Янкі Лучыны.

З мал. 1 вынікае, што часцей за ўсё Янка Лучына выкарыстоўваў перакрываваную рыфмоўку, якая разам складае 81%, або 1162 радкі. Толькі ў адным вершы ўжыта ўнутраная рыфма – у вершы «Lirnik wioskowy», у якім выяўляецца творчае крэда паэта, таму ён выкарыстаў арыгінальны прыём, каб зрабіць верш больш запамінальным і ўражваючым:

Liro ty moja śpiewna! – dziś na świecie, rzecz pewna,
 Żle w lirycznym zawodzie.
 Ludzie dbają nie wiele i o hymny w kościele
 I o piosnki w gospodzie.
 Nie pytają społecznie ni o modły, ni pieśni,
 Wiek realny zawitał.
 Wszędzie troska mozolna, dawny zasób znikł zwolna,
 Wyczerpano kapitał [5, s. 71].

Мал. 1. Суадносіны відаў рыфмы і тыпаў рыфмоўкі ў польскамоўнай лірыцы Янкі Лучыны

Fig. 1. Correlation of views of rhyme and types of rhyming in Polish-lingual lyric by Yanka Luchina

Большасць вершаў Янкі Лучыны складаецца з чатырохрадкавых строф, крыху радзей паэт падзяляе вершы на актэты, дзесяці- і дванаццацірадкоўі. Некаторыя вершы («Jesień (Chłodny, ostry, przenikliwy)», «Towarzyszu i Bracie!», «Mój Panie Aleksandrze!») аднастрофныя.

Многія вершы маюць непастаянны або свабодны падзел на строфы. Напрыклад, радкі ў вершы «Na przewozie» аб'яднаны ў двух-, васьмнаццаці-, дванаццаці-, васьмі- і чатырохрадкавыя строфы, што звязана з неабходнасцю выяўлення розных думак: спачатку лірычны герой захапляецца нёманскім пейзажам, пасля разважае пра лёс вяскоўцаў і ў канцы супрацьпастаўляе сялян гараджанам.

У вершы «Pyszny widok» радкі падзелены на сямі-, дванаццаці-, шаснаццаці-, чатырох-, васьмі-, шасцірадкавыя строфы. Спачатку лірычны герой захапляецца каўказскім пейзажам, супастаўляе яго з роднымі краявідамі, пасля назірае за грузінкай, што выконвае лезгінку, успамінаючы сваіх зямлячак.

Вельмі рэдка ў паэзіі Янкі Лучыны сустракаюцца секстэты. У вершы «Kołysanka» ў секстэт заключаны пазітыўныя надзеі на будучыню сына, у той час, як у іншых радках маці выказвае занепакоенасць пра лёс сына, прадчуванне яго складанага жыцця:

Śpij!.. Śpij!.. me kochanie!
 Jutro pięknie słońko wstanie,
 Znow na łąkę i na pole
 Ty wylecisz, mój sokole.
 Tam Ci ptaszę zaszczebiota.
 Śpij!.. dziecino, moja złota! [5, s. 139].

Толькі ў вершы «Nie dla wszystkich uroczysta» прысутнічаюць два секстэты. Выкарыстанне аднаго з іх звязана з неабходнасцю паказу цяжкіх жыццёвых і працоўных умоў у святочны дзень, а другога – з патрэбай выказвання віншавання з Нараджэннем Хрыстовым:

Nie dla wszystkich uroczysta
Gwiazdka wiliji świętem błyska.
Żołnierz, strażak, maszynista
Przy nim palacz u ogniska
W pracy ciężkiej, lejąc poty,
Ujrzą gwiazdki promyk złoty...

.....
Nie każdemu żona, matka,
Łamiąc szczerze chleb opłatku,
W uroczystej powie chwili:
«Dajże, Boże! byśmy zdrowi
Na rok przyszły już dożyli
Kolendować Chrystusowi» [6].

Адзін раз у лірычнай творчасці Янкі Лучыны (верш «Pyszny widok») ужыта септыма. Лірычны герой знаходзіцца ў надзвычай эмацыянальным стане, каб перадаць наплыў пачуццяў, паэт падаўжае страфу:

Pyszny widok gór Kaukazu!
Tam na skałach skał gromada,
Z wiecznych śniegów wód kaskada
Z rykiem pędzi po opoce,
Pienistymi wały grzmoce,
Huknie, błysnie i odrazu
W przepaścistą czeluść wpada [5, s. 79].

Версіфікацыйнай сістэме Янкі Лучыны характэрна спалучэнне розных памераў і сістэм вершавання ў адным творы. З 37 прааналізаваных польскамоўных вершаў 33 монаметрычныя і 4 поліметрычныя. Пераход ад аднаго памеру ці сістэмы вершавання ў іншыя абумоўлены неабходнасцю ўвасаблення розных думак і пачуццяў у пэўных радках.

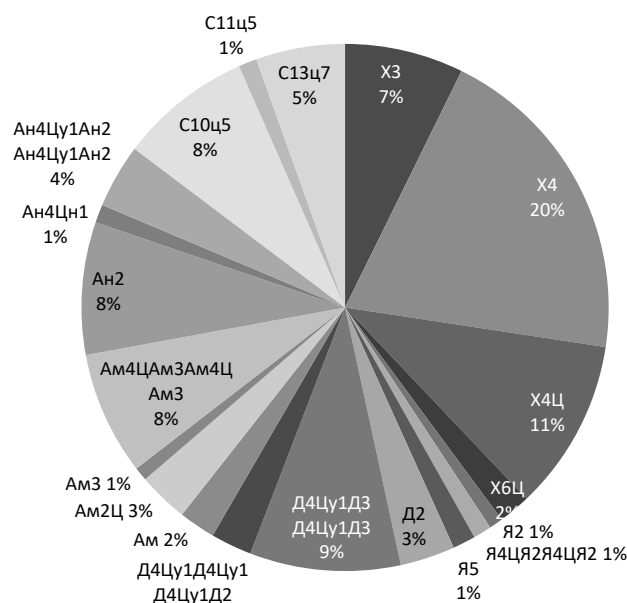
В. Рагойша ў манаграфіі «Беларускае вершаванне» разважае наконт мэтазгоднасці замацавання за пэўным вершаваным памерам «адной нейкай жанрава-тэматычнай сферы, для выяўлення нейкага аднаго матыву» [4, с. 124]. Ён прыходзіць да высновы, што «ў свядомасці ўспрымальніка, гэтакасама як і стваральніка, паэзіі нярэдка існуе пэўны эмацыянальна-экспрэсіўны стэрэатып, звязаны з тым ці іншым вершаваным памерам. Гэты стэрэатып успрымання засноўваецца на нейкай айчыннай ці замежнай вершаванай традыцыі, звязаны з найбольш яскравымі, шырока вядомымі творамі ці ўсёй творчасцю буйнога паэта» [4, с. 125].

Шматзначнасць і разам з тым абмежаванасць кожнага вершаванага памеру пэўным значэннем вызначыў таксама Б. Тамашэўскі: «Амаль кожны памер мае некалькі афектыўных варыянтаў, і, аднак, кожны памер абмежаваны магчымасцямі, толькі яму ўласцівымі. Калі два вершы аднолькавага памеру і могуць самім сваім рытмам выклікаць розныя настроі, то ніяк немагчыма адваротнае, каб два вершы, напісаныя рознымі памерамі, валодалі аднолькавай афектыўнай афарбоўкай. Кожны памер шматзначны, але сфера яго значэння заўсёды абмежавана і не супадае са сферай, якая належыць іншаму памеру» [7, с. 39].

У вершы «Z dziejów życia i pieśni» радкі, у якіх лірычны герой апавядае пра канкрэтныя рэальныя падзеі са свайго жыцця, напісаны сілабічным дзесяціскладовікам з цэзурай пасля пятага складу. Гэтыя радкі найбольш важныя для выяўлення галоўнай ідэі верша. А радкі, у якіх увасабляюцца часцей абстрактныя з'явы (эмоцыі, думкі, мары, снабачанні), напісаны двухстопным дактылем.

У творы «Co lubię?» асноўны змест выражаюць радкі, напісаныя сілабічным трынаццаціскладовікам з цэзурай пасля сёмага складу. Радкі, напісаныя двухстопным ямбам, выконваюць ролю лірычнага адступлення. У апошняй страфе, якая напісана чатырохстопных харэем, падводзіцца вынік усяго вышэйсказанага.

Верш «Czarne myśli» падзелены на дзве часткі. Першая – медытацыя лірычнага героя – напісана сілабічным дзесяціскладовікам з цэзурай пасля пятага складу. Другая – апастрофа да песні – напісана наступным памерам: Д4Цу1Д4Цу1Д4Цу1Д2.

Мал. 2. Суадносіны памераў і сістэм вершавання ў польскамоўнай паэзіі Янкі Лучыны

Fig. 2. Correlation of feet and systems of versification in Polish-lingual lyric by Yanka Luchina

У творы «Kołysanka» радкі, напісаныя трохстопным харэем, выяўляюць прадчуванне небяспекі ў жыцці. У радках, напісаных чатырохстопным харэем, думкі выключна пазітыўныя.

На мал. 2 паказаны працэнтныя суадносіны радкоў, напісаных пэўным памерам і сістэмай вершавання ў польскамоўнай лірыцы Янкі Лучыны.

Мал. 2 паказвае, што дактыль складае 15% ад агульнай колькасці, анапест – 13%, амфібрахій – 15%. Паміж частотнасцю выкарыстання трохскладовых памераў розніца невялікая, чаго нельга сказаць пра двухскладовыя памеры. Харэем напісана 40%, а ямба – 3%. Харэй у вялікай ступені характэрны для народнай творчасці. Ужываючы яго з такой вялікай частотнасцю, Янка Лучына наблізіў сваю паэзію да народнай. Перавага харэя тлумачыцца і тым, што паэт хацеў стварыць у вершы гутарковую інтанацыю і зрабіць яго ўспрыманне больш лёгка, даступным шырокаму колу чытачоў. Сілабічныя віды верша складаюць 14%.

На перавагу сілаба-танічнай сістэмы ў паэзіі Янкі Лучыны значна паўплывала збліжэнне верша з фальклорнымі традыцыямі, што заўважыў М. Грынчук: «Аб моцным уплыве фальклорных традыцый на версіфікацыйную сістэму беларускай сілаба-тонікі на пачатковым этапе сведчыць не толькі ўнутраная “апавядальная” раскаванасць верша Лучыны. У яго творчасці сустракаюцца і жывыя ўзоры, і перайманні народнай паэтыкі, асабліва “калькі” распаўсюджаных народна-песенных форм і памераў» [1, с. 143].

Двухскладовымі памерамі напісана 617 радкоў, што складае 51% ад агульнай колькасці з напісанага ў сілаба-танічнай сістэме, трохскладовымі – 600 радкоў, або 49%. Зыходзячы з гэтага, можна сказаць, што Янка Лучына прыкладна з аднолькавай частотнасцю карыстаўся як двух-, так і трохскладовымі памерамі ў польскамоўнай лірыцы. У сілаба-танічнай сістэме паэт выкарыстаў 17 розных памераў, у сілабічнай ужыў 3 віды.

Вышэй прыводзіліся думкі М. Гаспаравы і А. Важыка аб пэўнай залежнасці сістэмы вершавання ад асаблівасцей мовы, на якой ствараюцца вершы. Як ужо адзначалася, у польскай мове пастаянны націск на перадапошнім складзе, таму польскай літаратуры больш характэрна сілабічная сістэма. У беларускай мове націск свабодны, у сувязі з чым беларускамоўныя вершы лёгка ствараюцца ў сілаба-танічнай сістэме. І. Ралько падкрэсліў адпаведнасць сілаба-танічнага верша прасадычнай сістэме беларускай мовы: «Беларускія сілаба-танічныя вершы – гэта адна з сістэм вершаскладання, якая найбольш адпавядае прасадычным асаблівасцям беларускай мовы» [8, с. 33].

Асаблівасці вершаскладання Янкі Лучыны на беларускай мове прадстаўлены ў табл. 2.

Табліца 2. Метрычны рэпертуар беларускамоўнай паэзіі Янкі Лучыны

Table 2. Metrical repertoire of Belarusian-lingual poetry by Yanka Luchina

Назва верша	Строфіка і рыфма	Памер верша	Сістэма вершавання	Колькасць і ўпарадкаванне радкоў
«Усёй трупце дабрадзея Старыцкага беларускае слова»	(ABAB)×6	C12Ц6	C.	24 (4×6)
«Дабрадзею артысту Манько»	(ABAB)×9	X4	C.-т.	35 (4×9–1)
«Заходзіць сонца за горы...»	(ABAB)×8	AC3/8	T.	32 (4×8)
«Вясна»	abab...	Ан4	C.-т.	16
«Роднай старонцы»	(ABAB)×6	Д4	C.-т.	24 (4×6)
«Пакуль новы год настане на свеце...»	AABB...	C11Ц5	C.	16
«Пагудка»	AABB...	X7	C.-т.	16
«Што птушкі казалі»	(ABAB)×9	X4343	C.-т.	34 (4×9–2)
«Каршун»	(abab)×9	Я4	C.-т.	36 (4×9)
«Сівер»	abab...	Ан4	C.-т.	8
«Што думае Янка, везучы дровы ў горад»	ABAB CDC ABCBCDAD ABCCDAD ABCBCDADA	X4	C.-т.	31 (7+8+7+9)
«Дзень за днём»	AABB...	Ан2	C.-т.	16

З табл. 2 вынікае, што ў беларускамоўнай спадчыне Янкі Лучыны таксама пераважае сілаба-танічная сістэма вершавання, што разам складае 216 радкоў, або 75%, сілабічная сістэма складае 40 радкоў, або 14%, танічная – 32 радкі, або 11%.

Як і ў польскамоўнай творчасці, сярод беларускамоўных вершаў Янкі Лучыны ў сілабічнай сістэме напісаны вершы-прысвячэнні: «Усёй трупце дабрадзея Старыцкага беларускае слова» (трупце Міхайлы Старыцкага) і «Пакуль новы год настане на свеце...» (чытачам «Северо-Западного календаря»).

Выкарыстанне мужчынскай рыфмы ў беларускамоўнай творчасці Янкі Лучыны больш шырокае. У адрозненне ад польскамоўнай спадчыны, дзе мужчынская рыфма ўжываецца толькі разам з жаночай, у беларускамоўнай творчасці паэта ў трох вершах ужыта толькі мужчынская рыфма: «Каршун», «Сівер», «Вясна». Мужчынская рыфма больш характэрна для беларускай паэзіі, таму ў беларускамоўных вершах Янка Лучына выкарыстоўваў яе з большай упэўненасцю.

У адным вершы можна назіраць дактылічную рыфму. Але яна не з'яўляецца сістэмнай, а ўжываецца толькі ў некаторых радках, саступаючы ў наступных радках месца жаночай рыфме:

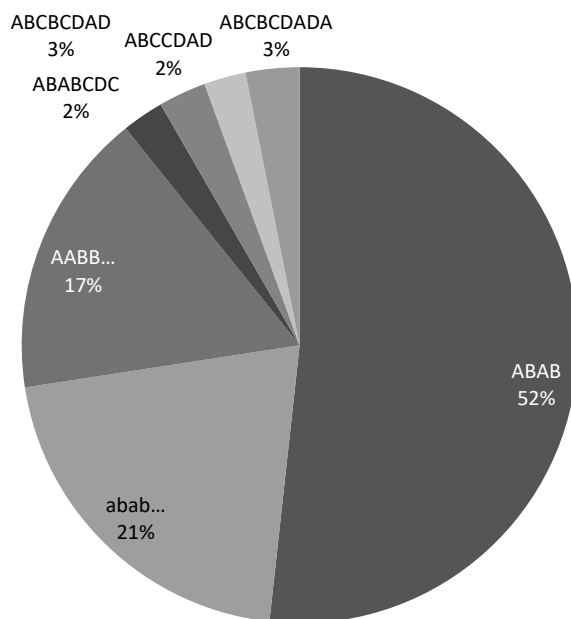
Ты параскінулась лесам, балотамі,
Выдмай пясчанай, неураджайнаю,
Маці-зямліца, і умалотамі
Хлеба нам мерку не даш звычайную [9, с. 27–28].

(«Роднай старонцы»)

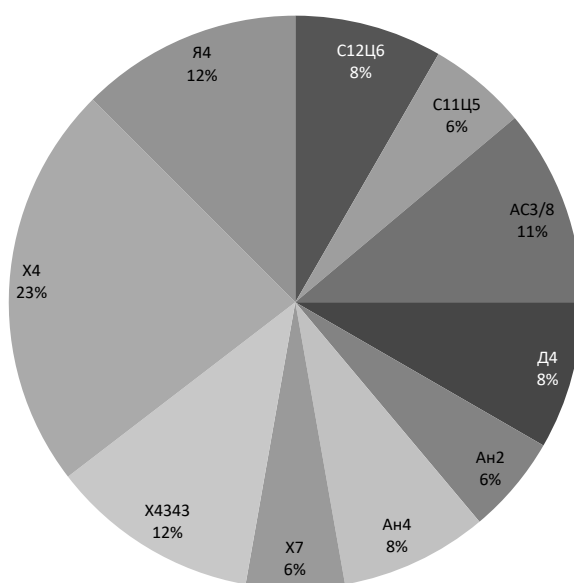
Суадносіны відаў рыфмы і тыпаў рыфмоўкі ў беларускамоўнай спадчыне Янкі Лучыны прадстаўлены на мал. 3.

Мал. 3 паказвае, што ў большай частцы беларускамоўнай лірыкі Янка Лучына выкарыстаў перакрываваную рыфмоўку і жаночую рыфму, наступнае па колькасці месца займае перакрываваемая рыфмоўка і мужчынская рыфма, а таксама значнае месца мае сумежная рыфмоўка з жаночай рыфмай. У адрозненне ад польскамоўнай лірыкі, у беларускамоўнай паэзіі Янка Лучына ні разу не выкарыстаў кальцавую рыфмоўку.

У параўнанні з польскамоўнай спадчынай, у беларускамоўнай лірыцы падзел на строфы больш сістэматычны. Беларускаямоўныя вершы Янкі Лучыны ў большасці падзелены на катрэ-

Мал. 3. Суадносіны відаў рыфмы і тыпаў рыфмоўкі ў беларускамоўнай лірыцы Янкі Лучыны
Fig. 3. Correlation of views of rhyme and types of rhyming in Belarusian-lingual lyric by Yanka Luchina

Мал. 4. Суадносіны памераў і сістэм вершавання ў беларускамоўнай паэзіі Янкі Лучыны
Fig. 4. Correlation of feet and systems of versification in Belarusian-lingual lyric by Yanka Luchina

ны, або аднастрофныя. Толькі адзін верш («Што думае Янка, везучы дровы ў горад») падзелены на дзве септэмы, адзін актэт і адну нону, але строфы не адрозніваюцца па змесце, як у польскамоўнай творчасці.

На мал. 4 прадстаўлены суадносіны пэўных вершаваных памераў і сістэм вершавання ў беларускамоўнай паэзіі Янкі Лучыны.

У адрозненне ад польскамоўнай паэзіі, дзе Янка Лучына выкарыстаў усе трох- і двухскладовыя памеры, у беларускамоўнай лірыцы не быў ужыты амфібрахій. Таксама, як і ў польскамоўнай творчасці, у беларускамоўнай спадчыне найбольшае месца займае харэй, які складае 41% ад агульнай колькасці. Наступнае месца па колькасці займаюць анапест і сілабічныя віды, што складаюць па 14%. Ямб складае 12%, дактыль – 8%, акцэнтна-складовы верш – 11%. Пры

параўнанні колькасці выкарыстання двух- і трохскладовых памераў значна пераважаюць двухскладовыя, што складаюць 152 радкі, або 71% ад агульнай колькасці з напісанага ў сілаба-танічнай сістэме, а трохскладовыя памеры складаюць толькі 64 радкі, або 29%. У сілаба-танічнай сістэме паэт выкарыстаў 7 розных памераў, у сілабічнай ужыў 2 віды. У адрозненне ад польскамоўнай творчасці, Янка Лучына ў беларускамоўнай лірыцы выкарыстаў танічную сістэму вершаскладання, што ў польскамоўнай паэзіі было б немагчыма.

Рускамоўная лірыка Янкі Лучыны займае невялікае месца. Рускай мове, як і беларускай, уласцівы свабодны націск. У рускай паэзіі XIX ст. сярод вершаваных памераў найбольшае месца займаў ямб. Янка Лучына, ствараючы рускамоўныя вершы, прытрымліваўся традыцыі.

Вершаванне Янкі Лучыны на рускай мове прадстаўлена ў табл. 3.

Табліца 3. Метрычны рэпертуар рускамоўнай паэзіі Янкі Лучыны

Table 3. Metrical repertoire of Russian-lingual poetry by Yanka Luchina

Назва верша	Строфіка і рыфма	Памер верша	Сістэма вершавання	Колькасць і ўпарадкаванне радкоў
«Не ради славы иль расчёта...»	(AbAb)×10	Я4	С.-т.	40
«По поводу 100-летней годовщины со дня рождения лорда Байрона»	(AbAb)×5	Я4	С.-т.	20 (4×5)
«Джюбеліні-Рядной в память бенедикса 22 февраля в Минске в 1891 г.»	(AbAb)×5	Я6	С.-т.	20

Рускамоўная лірыка Янкі Лучыны малая па колькасці і разнастайнасці выкарыстання пэўных вершаваных сістэм, памераў, відаў рыфмы і тыпаў рыфмоўкі. Усе 3 вершы напісаны ў сілаба-танічнай сістэме – ямбам, у іх перакрываюцца рыфмоўка. Характэрнай асаблівасцю рускамоўнага вершавання Янкі Лучыны з'яўляецца тое, што ва ўсіх вершах жаночая рыфма чаргуецца з мужчынскай.

Вывады. Наватарства Янкі Лучыны ў галіне вершавання заключаецца ў тым, што пад уплывам рускай паэзіі, якую ён перакладаў, беларускай мовы і вуснай народнай творчасці ён стварыў параўнальна вялікую колькасць польскамоўных вершаў на польскай мове ў сілаба-танічнай сістэме.

Пісьменнік пачаў выкарыстоўваць мужчынскую рыфму, якая дагэтуль у польскамоўнай паэзіі была вельмі рэдкай з'явай і выкарыстоўвалася часцей для эксперымента, а ў паэзіі Янкі Лучыны яна выглядае абсалютна натуральна.

У некаторых вершах Янка Лучына спалучае розныя вершаваныя памеры і сістэмы вершавання. Гэта акалічнасць не выклікае ўражання эклектыкі. Такія прыёмы садзейнічалі выяўленню розных думак і пачуццяў у тэкставай прасторы верша. Янка Лучына зрабіў прыкметны ўклад у станаўленне і развіццё вершавання ў літаратуры Беларусі XIX ст.

Спіс выкарыстаных крыніц

- Грынчык, М. М. Шляхі беларускага вершаскладання / М. М. Грынчык. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1973. – 263 с.
- Гаспаров, М. Л. Современный русский стих: метрика и ритмика / М. Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1974. – 488 с.
- Ważyk, A. Mickiewicz i wersyfikacja narodowa / A. Ważyk. – Warszawa, 1954. – 197 с.
- Рагойша, В. П. Беларускае вершаванне: вучэбна-метадычны дапаможнік для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў па спецыяльнасці «Беларуская філалогія (па напрамках)» / В. П. Рагойша. – Мінск: БДУ, 2011. – 207 с.
- Poezje Jana Nieśłuchowskiego. – Warszawa, 1898. – 156 s.
- Biblioteka Narodowa (Warszawa). Zakład Rękopisów. – Rękopis 5370. – Akwarelki myśliwskie.
- Томашевский, Б. В. Стих и язык / Б. В. Томашевский. – М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. – 472 с.
- Ралько, І. Д. Верш і мова: праблемы тэорыі і гісторыі беларускага верша / І. Д. Ралько. – Мінск: Навука і тэхніка, 1986. – 261 с.
- Лучына, Я. Творы: вершы, нарысы, пераклады, лісты / Я. Лучына; уклад., прадм. і камент. У. Мархеля. – Мінск: Маст. літ., 2001. – 206 с.

References

1. Grynchuk M. M. *The way the Belarusian poetry*. Minsk, Publishing House of the Belarusian State University, 1973. 263 p. (in Belarusian).
2. Gasparov M. L. *Modern Russian verse: metrics and rhythmic*. Moscow, Nauka Publ., 1974. 488 p. (in Russian).
3. Wazyk A. *Mickiewicz i wersyfikacja narodowa* [Mickiewicz and national versification]. Warsaw, Czytelnik, 1954. 199 p. (in Poland).
4. Ragoisha V. P. *Belarusian versification*. Minsk, Belarusian State University, 2011. 207 p. (in Belarusian).
5. *Poezje Jana Niesluchowskiego* [Poetry by Jan Niesluchowski]. Warsaw, 1898. 156 p. (in Poland).
6. Akwarelki myśliwskie [Hunting aquarelles]. *Biblioteka Narodowa (Warszawa). Zakład Rekopisów. Rekopis 5370* [National Library. Institute of the manuscripts. Manuscript 5370]. (in Poland).
7. Tomashevskii B. V. *Verse and language: philological essays*. Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ., 1959. 471 p. (in Russian).
8. Raľko I. D. *Verse and language: the problems of theory and history Belarus verse*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1986. 261 p. (in Belarusian).
9. Luchyna Ya. *Works: verses, essays, translations, letters*. Minsk, Mastatskaya literatura Publ., 2001. 206 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Круглова Ольга Валентиновна – аспирант. Белорусский государственный университет (ул. К. Маркса, 31/56, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: kruglova_olga92@mail.ru

Information about the author

Olga V. Kruglova – Postgraduate student. Belarusian State University (31/56 K. Marks Str., 220030 Minsk, Belarus). E-mail: kruglova_olga92@mail.ru

ПРАВА

LAW

УДК 340
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-494-501>

Поступила в редакцию 14.05.2019
Received 14.05.2019

А. В. Денисевич

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ФИНАНСОВЫХ ИНТЕРЕСОВ

Аннотация. Финансовая ответственность рассматривается как самостоятельный вид юридической ответственности в контексте защиты национальных финансовых интересов. В частности, определяются взаимосвязь и отличия финансовой ответственности от иных видов юридической ответственности, ее сущность и состав, виды финансовой ответственности и финансовых правонарушений (бюджетные и налоговые), их отличие от иных видов правонарушений. Анализируется бюджетное, налоговое, административное и иное взаимосвязанное с применением мер финансовой ответственности законодательство Республики Беларусь, совокупность норм которого формирует самостоятельный институт. Отдельно выделяются особенности привлечения к бюджетной и налоговой ответственности, процессуальная основа (порядок, этапы) применения бюджетных и налоговых санкций. В целом определяется, что финансовая ответственность выражается в применении в установленном законом порядке мер государственного принуждения, заключающихся в лишениях (ограничениях) имущественного (материального) характера за совершение финансового правонарушения. При этом юридическая функция бюджетной ответственности проявляется в праввосстановительном (компенсационном) и штрафном (карательном) аспектах. Основной санкцией налоговой ответственности за нарушение налогового законодательства является пеня, взыскиваемая вместе с задолженностью по налоговому обязательству.

Ключевые слова: национальные финансовые интересы, финансовая ответственность, бюджетные нарушения и санкции, налоговые нарушения и санкции, праввосстановительный (компенсационный) аспект, штрафной (карательный) аспект

Для цитирования. Денисевич, А. В. Актуальные вопросы защиты национальных финансовых интересов / А. В. Денисевич // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2019. – Т. 64, № 4. – С. 494–501. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-494-501>

A. V. Dzenisevich

Belarusian State University, Minsk, Belarus

TOPICAL ISSUES FOR PROTECTION OF FINANCIAL INTERESTS

Abstract. Financial responsibility is treated as an independent kind of legal liability in the context of the protection of national financial interests. In particular, the relationship and differences between financial responsibility from other kinds of legal liability are determined, its nature and composition, financial responsibility and financial offences (budget and tax), its difference from other types of offences. Budgetary, tax, administrative and other legislation of the Republic of Belarus interconnected with application of measures of financial responsibility is analyzed. Its body of rules forms an independent Institute. Special aspects of attraction to the budgetary and tax responsibility, procedural basis (order, stages) of application of budget and tax sanctions are separately distinguished. In general, it is defined that the financial responsibility is expressed in application, in accordance with the terms and conditions provided for by law, of the measures of public enforcement consisting in deprivations (restrictions) of property (material) character for committing financial offences. At the same time legal function of the budgetary responsibility is shown in restorative (compensatory) and penal (retaliatory) aspects. The main sanction of tax liability for violation of the tax legislation is the penalty fee collected together with debt on tax obligation.

Keywords: national financial interests, financial responsibility, budgetary offences and penalties, tax offences and penalties offences and penalties, restorative (compensatory) aspect, penal (retaliatory) aspect

For citation. Dzenisevich A. V. Topical issues for protection of financial interests. *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 4, pp. 494–501 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-494-501>

Введение. Обеспечение защиты национальных финансовых интересов является важнейшей задачей для многих государств. Все более очевидной не только для узких специалистов, но и для широких кругов научной, деловой общественности становится как значимость финансовой стабильности для благосостояния страны, поддержания и укрепления ее суверенитета, так и необходимость развития работы по поддержанию и укреплению финансовой безопасности государства сообразно современным угрозам. Эта задача становится приоритетной особенно в условиях финансового кризиса. В этой связи в научной литературе вопросы защиты национальных финансовых интересов вызывают все больший исследовательский интерес. Следует выделить труды таких ученых-экономистов, посвященные вопросам развития системы финансовой безопасности, как Л. И. Абалкин, К. Л. Астапов, С. А. Афонцев, С. Ю. Глазьев, А. Н. Илларионов, Г. Моргентгау, Е. А. Олейников, А. А. Прохожев, В. К. Сенчагов, А. В. Третьяк, Г. Ю. Трофимов, Дж. Фергюссон, Г. Г. Фетисов, Е. Г. Ясин и др. Данными вопросами также занимались и такие ученые-юристы, как Е. Н. Кондрат, О. В. Моргун, Н. В. Щедрин, С. Л. Нудель и др. Тем не менее в данной сфере остается немало нерешенных вопросов. Один из них – место и роль финансовой ответственности в указанной системе, чему и посвящена данная статья.

Основная часть. В связи с повышением роли ответственности в функционировании общества и государства учеными были выявлены и иные виды юридической ответственности помимо таких традиционных, как уголовная, административная, дисциплинарная, гражданская, одним из которых является финансовая, которая одновременно и взаимосвязана, и отличается от них. Тем не менее следует согласиться с мнением А. А. Лукашева о том, что о существовании финансовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности можно вести речь лишь при определенных условиях в случае закрепления в законодательстве следующих аспектов: понятия финансового правонарушения как основания финансовой ответственности; общих положений привлечения к финансовой ответственности; исчерпывающего перечня составов финансовых правонарушений; системы санкций как мер финансово-правовой ответственности [1, с. 46]. Поэтому вопрос о природе финансовой ответственности является одним из дискуссионных в правоведении. Споры вызывают как сам факт наличия такого вида ответственности, так и вопросы, касающиеся сути финансовых санкций, порядка их применения, определения признаков и состава финансового правонарушения.

Например, тесная взаимосвязь имеется между административной и финансовой ответственностью, хотя некоторые ученые и в настоящее время считают финансовую ответственность разновидностью административной ответственности. Так, финансовая ответственность возникает в результате финансового правонарушения, административная же – в результате административного правонарушения. При этом следует отметить, что административная ответственность возникает в результате административных правонарушений, которые могут иметь место и в финансовой сфере. Так, отдельные составы нарушений бюджетного законодательства корреспондируют с соответствующими составами, определенными в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях [2] (далее – КоАП) (части 1 и 2 статьи 11.16), но каждому составу присуща и определенная финансово-правовая санкция, которая описывается, в частности, в Бюджетном кодексе Республики Беларусь [3] (далее – БК) или Налоговом кодексе Республики Беларусь [4] (далее – НК) и отсутствует в КоАП. Таким образом, дополнительным критерием, подчеркивающим самостоятельность финансовой ответственности, выступает наличие кодифицированных нормативных правовых актов (БК и НК), устанавливающих финансовую ответственность, и иных актов законодательства, регулирующих вопросы, связанные с применением финансовой ответственности. В то же время основным назначением финансовых санкций является прежде всего не наказание правонарушителя (в административной ответственности существенное место занимают лишения личного характера), а восстановление финансовых потерь государства посредством лишения имущественного характера.

В этой связи представляется необходимым более четко разграничить на законодательном уровне составы финансовых и административных правонарушений, а также соответствующих им мер ответственности. Тем более, что наличие таких составов правонарушений, за которые предусмотрено наложение одновременно нескольких видов ответственности, представляет не только

практическую сложность применения, но и создает трудности для исследовательского процесса в сфере финансовой ответственности.

В современных исследованиях доктринальное понимание финансовой ответственности не вызывает существенных разногласий. Научные определения отличаются категориями, на основе которых осуществляется обобщение ее юридических признаков. Как отмечает Н. А. Саттарова, выделение финансовой ответственности как самостоятельного вида ответственности обусловлено особенностью правовой природы соответствующего правонарушения [5, с. 33]. С. Е. Батыров считает, что финансовая ответственность – это правоотношение, возникающее из нарушения установленных законодательством финансовых обязательств, выражающееся в применении к правонарушителю мер финансово-правового характера, влекущих наступление невыгодных имущественных последствий вследствие отрицательной оценки государством его противоправного виновного деяния, наступление которых обеспечивается возможностью государственного принуждения [6, с. 13]. М. В. Карасева определяет финансовую ответственность через применение в установленном законом порядке к нарушителям финансово-правовых норм особых мер государственного принуждения – финансовых санкций, связанных с дополнительными обременениями имущественного характера [7, с. 73–74].

Таким образом, финансовая ответственность выражается в применении в установленном законом порядке мер государственного принуждения, заключающихся в лишениях (ограничениях) имущественного (материального) характера за совершение финансового правонарушения. При этом финансовая ответственность как особый вид правоотношений имеет внутренний состав, представляющий сложное социально-правовое явление и складывающийся из совокупности следующих элементов: субъекты (участники), права и обязанности субъектов (участников), их действия (поведение), объект правоотношения. В норме, предусматривающей финансовую ответственность, формулируются обязанности субъектов финансовых правоотношений; определяется модель будущего ответственного или противоправного поведения и юридически значимые последствия как ответственного, так и безответственного поведения. Меры финансовой ответственности, являющиеся по своей сути правовыми ограничениями и сформулированные в санкциях финансовых норм, призваны обеспечить правомерное поведение субъекта в финансовых правоотношениях [8, с. 8–9].

В то же время в законодательстве не используются понятия «финансовое правонарушение» и «финансовая ответственность», хотя, например, в статье 133 БК нарушение бюджетного законодательства как составная часть финансового правонарушения определяется как неисполнение либо ненадлежащее исполнение требований, установленных БК и иными актами бюджетного законодательства по составлению, рассмотрению, утверждению, исполнению бюджетов, а также требований законодательства при получении и использовании бюджетных средств. Обращает на себя внимание тот факт, что в БК законодатель использует термин «нарушение бюджетного законодательства», но не «бюджетное правонарушение». При этом в главе 26 БК содержатся нормы, устанавливающие возможность применения за нарушение бюджетного законодательства пресекательных, праввосстановительных и предупредительных мер, которые являются мерами государственного принуждения, более широкого по сравнению с ответственностью понятия.

Многообразие требований налогового законодательства к участникам налоговых правоотношений предопределяет существование различных видов налоговых правонарушений как разновидности финансовых правонарушений. В этой связи большое значение в практической деятельности имеют выделение из общей группы нарушений налогового законодательства и правильная квалификация налоговых правонарушений, ответственность за которые установлена в НК, в КоАП (налоговые проступки) и Уголовном кодексе Республики Беларусь [9] (далее – УК) (преступления). Вся совокупность таковых может быть упорядочена и систематизирована по различным классификационным признакам, например, по родовому объекту (по характеру и направленности нарушений налогового законодательства); по субъектам ответственности; по санкции. При этом классификация по родовому объекту предусматривает выделение следующих групп нарушений: связанных с посягательством на правоотношения, обеспечивающие уплату налога, которые наносят прямой ущерб государству в сфере финансов в части формирования бюджета от сбора налогов

с юридических и физических лиц, и регламентирующих порядок проведения налогового контроля (учет налогоплательщиков), а также порядок проведения налоговых проверок [10, с. 7–17].

В то же время НК также не использует понятие «налоговое правонарушение». Вследствие этого следует отметить, что такая терминологическая неопределенность может привести к возникновению коллизий в правоприменении, снижению финансовой дисциплины. Представляется целесообразным по аналогии с бюджетным правом, учитывая степень разработки БК, где законодатель более подробно и четко определяет понятие нарушения бюджетного законодательства, закрепить в НК понятие налогового правонарушения с указанием на все признаки его состава.

С учетом изложенного следует отличать ответственность за нарушение финансового законодательства от ответственности за совершение финансового правонарушения. Так, за нарушение финансового законодательства предусмотрена административная, уголовная и финансовая ответственность, а финансовая ответственность наступает за совершение финансового правонарушения, которая в свою очередь включает в себя и бюджетную, и налоговую, и иные разновидности финансовой ответственности. Сама процедура привлечения к ответственности также различна в случае применения финансовой и административной ответственности. Порядок привлечения к административной ответственности четко регламентирован Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях [11] (далее – ПИКоАП). Порядок привлечения к финансовой ответственности закрепляется в соответствующем законодательстве, например, в главе 26 БК, главе 7 НК и регулируется Положением о порядке организации и проведения проверок, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 16.10.2009 г. № 510 [12] (далее – Указ № 510).

1. Бюджетная ответственность как вид финансовой ответственности.

Большинство ученых все-таки признают наличие ответственности за бюджетное правонарушение как вида самостоятельной финансовой ответственности. По мнению О. М. Гейхмана, в настоящее время сформировался институт бюджетной ответственности как нормативная, формально-определенная, гарантированная и обеспеченная финансово-правовым принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность субъектов бюджетных правоотношений по соблюдению предписаний норм бюджетного права, реализующаяся в правомерном поведении, влекущем государственное одобрение или поощрение, а в случае совершения бюджетного правонарушения – обязанность правонарушителя претерпеть осуждение и ограничения имущественного или личного неимущественного характера, реализующуюся в охранительном правоотношении бюджетной ответственности [13, с. 98]. В. А. Парыгина, А. А. Тедеев под юридической ответственностью за нарушение бюджетного законодательства понимают особый вид государственного принуждения, состоящий в претерпевании субъектом бюджетных правоотношений невыгодных последствий, предусмотренных санкцией нарушенной нормы бюджетного права и осуществляемой в форме охранительного правоотношения [14, с. 531].

Исходя из приведенных подходов бюджетная ответственность – это государственное принуждение участников бюджетных правоотношений к соблюдению норм бюджетного законодательства, имеющее комплексный характер, выражающийся в применении уполномоченными органами или их должностными лицами бюджетных санкций к лицам, совершившим бюджетное правонарушение. Отличием бюджетной ответственности от иных видов юридической ответственности является то, что БК не определена необходимость установления вины правонарушителя при применении в отношении его мер принуждения за нарушение бюджетного законодательства. За совершение бюджетных правонарушений статьей 134 БК устанавливаются специальные финансовые (бюджетные) санкции, которые налагаются в особом процессуальном порядке: приостановление либо ограничение финансирования расходов за счет бюджетных средств; взыскание бюджетных средств; приостановление операций по счетам в банке; начисление и взыскание пени; иные меры в соответствии с БК и иными законодательными актами. Выделение специальной ответственности за совершение бюджетных правонарушений в виде бюджетных санкций оправданно, поскольку административная ответственность недостаточна.

Особенность бюджетных санкций проявляется в их предназначении в системе охранительных бюджетных правоотношений. В зависимости от способов, какими они служат охране бюджетных правоотношений, они подразделяются на два вида:

правовосстановительные (компенсационные) санкции, реализация которых направлена на устранение вреда, причиненного противоправным деянием финансовым интересам государства, принудительное исполнение невыполненных финансовых обязанностей, а также на восстановление нарушенных имущественных прав государства;

карательные (штрафные) санкции, реализация которых направлена на предупреждение бюджетного правонарушения, а также на исправление и наказание нарушителей бюджетного законодательства [15, с. 185–186].

В то же время в науке не сложилось единства в понятиях ответственности и санкций, а также имеются проблемы в соотношении этих категорий, возникают сложности в соотношении мер бюджетной ответственности с бюджетными санкциями. Прежде всего бюджетная ответственность представляет собой одну из мер государственного принуждения наряду с мерами предупреждения, пресечения и восстановления нарушенных прав. Тем не менее в русле споров о месте бюджетной ответственности в общей системе юридической ответственности между учеными отсутствует единое понимание в части отнесения мер принуждения, предусмотренных БК, к традиционным мерам юридической ответственности. В общей теории права выделяют следующие меры государственного принуждения: меры пресечения, предупредительные меры, правовосстановительные меры, юридическую ответственность. Поэтому, согласно мнению Н. С. Малеина, бюджетные меры принуждения – не меры юридической ответственности, а инструмент бюджетного регулирования. Они имеют правовосстановительную (например, бесспорное взыскание пени) или пресекающую (например, бесспорное взыскание предоставленных бюджетных средств) цель. Эти особенные санкции, которые встречаются в бюджетном законодательстве, являются превентивными и выступают в роли мер обеспечительного характера [16, с. 18, 135]. Таким образом, целью бюджетных санкций является создание дополнительных инструментов для регулирования поведения участников бюджетного процесса, что не исключает применения иных видов юридической ответственности к участникам бюджетного процесса.

2. Налоговая ответственность как вид финансовой ответственности.

Многообразие подходов к определению финансовой ответственности привело к тому, что на сегодняшний день существует несколько точек зрения на сущность налоговой ответственности, в частности, как правовой обязанности в рамках правоохранительного отношения и социально-правового последствия совершения налоговых правонарушений в виде применения финансовых (налоговых) санкций. Так, В. А. Свиридов полагает, что налоговая ответственность представляет собой основанное на налоговом правонарушении принуждение налогоплательщиков, плательщиков сборов, налоговых агентов и иных лиц к выполнению обязанностей путем осуществления уполномоченными органами налогового производства и применения налоговых санкций [17, с. 175]. В. Соловьев понимает под налоговой ответственностью применение карательных и правовосстановительных санкций [18, с. 92].

Исходя из положений общей теории права для привлечения к ответственности необходимы фактическое, нормативное и процессуальное основания, отсутствие любого из них приводит к невозможности применения мер ответственности. Фактическим основанием налоговой ответственности является правонарушение, под которым предлагается понимать противоправное, виновное действие либо бездействие, которое выражается в неисполнении или ненадлежащем исполнении налоговых обязательств и за которое установлена ответственность в виде применения налоговых санкций. Под нормативной основой налоговой ответственности следует понимать систему действующих юридических норм, которые содержат в себе составы налоговых правонарушений, структуру налоговых санкций и принципы их наложения, права и обязанности участников налоговых правоотношений.

В качестве процессуальной основы налоговой ответственности чаще всего рассматривается порядок привлечения к данному виду ответственности и его процессуальная форма (акт уполномоченного органа). При этом налоговая ответственность отличается от иных видов юридической ответственности за нарушение налогового законодательства по: давности привлечения к ответственности; наличию (отсутствию) перечня обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность (например, в НК в отличие от КоАП такие перечни отсутствуют); порядку взыскания санкций и т. д.

В то же время проблема правовой природы налоговой ответственности имеет не только чисто теоретическое, но и огромное практическое значение, поскольку позволяет ответить на вопрос о том, какие санкции и в каком сочетании могут применяться при нарушениях налогового законодательства. Так, налоговое законодательство предусматривает такую меру государственного принуждения, как взыскание задолженности по налоговому обязательству, а также применение специальной праввосстановительной санкции – пени (статья 55 НК), которая, по мнению некоторых ученых, не является мерой налоговой ответственности, однако ее применение направлено на создание условий для своевременного и полного формирования бюджетов различных уровней, средства которых идут на финансовое обеспечение деятельности государства [19, с. 63].

Привлечение к налоговой ответственности включает в себя ряд последовательных этапов и представляет собой стадийный процесс возникновения, изменения и прекращения соответствующих правоотношений. Так, С. С. Тропская выделяет в производстве по делам о налоговых правонарушениях следующие стадии: 1) возбуждение производства по делу о налоговом правонарушении; 2) рассмотрение дела и вынесение решения по нему; 3) судебный контроль; 4) исполнение решения [20]. При таком подходе первые две стадии охватываются процедурой налоговой проверки, стадия судебного контроля может быть приравнена к стадии обжалования вынесенного по акту налоговой проверки решения (глава 9 Положения о порядке организации и проведения проверок, утвержденного Указом № 510). Порядок исполнения решений, вынесенных по актам налоговых проверок в зависимости от субъектного состава разделяется на внесудебный и судебный (глава 7 НК).

Заключение

1. Обеспечение защиты национальных финансовых интересов осуществимо посредством ряда мер, с одной стороны, ограничивающих поведение соответствующих субъектов при формировании, распределении и использовании финансовых ресурсов, а с другой – направленных на предотвращение вредоносного воздействия на финансовую систему страны различного рода угроз, в том числе противоправного характера. К таким мерам относится специальная группа правовых норм, совокупность которых охватывается самостоятельным институтом, связанным с применением мер финансовой ответственности.

2. Финансовая ответственность выражается в применении в установленном законом порядке мер государственного принуждения, заключающихся в лишениях (ограничениях) имущественного (материального) характера за совершение финансового правонарушения. Следует отличать ответственность за нарушение финансового законодательства (за которое предусмотрена административная, уголовная и финансовая ответственность) от ответственности за совершение финансового правонарушения (которая включает в себя и бюджетную, и налоговую, и иные разновидности финансовой ответственности). Сама процедура привлечения к ответственности различна в случае применения финансовой и административной ответственности.

3. Бюджетная ответственность – это государственное принуждение участников бюджетных правоотношений к соблюдению норм бюджетного законодательства, имеющее комплексный характер, выражающийся в применении уполномоченными органами или их должностными лицами бюджетных санкций к лицам, совершившим бюджетное правонарушение. Юридическая функция бюджетной ответственности проявляется в двух аспектах: праввосстановительном (компенсационном) и штрафном (карательном).

4. Налоговая ответственность обладает специфическими целью и функциями, характером и порядком реализации санкций и иных мер государственного принуждения, субъектным составом правонарушений, процессуальным механизмом привлечения к ответственности и другими элементами. Основанием применения налоговой ответственности является налоговое правонарушение, заключающееся в просрочке (неуплате или неперечислении в законодательно установленный срок) налога, сбора, и, соответственно, основной санкцией налоговой ответственности за нарушение налогового законодательства является пеня, взыскиваемая вместе с задолженностью по налоговому обязательству.

Список использованных источников

1. Лукашев, А. А. Теоретические проблемы ответственности в финансовом праве / А. А. Лукашев // Финансовое право. – 2005. – № 1. – С. 45–47.
2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Бюджетный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 2008 г., № 412-З : принят Палатой представителей 17 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 28 июня 2008 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Налоговый кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 19 дек. 2002 г., № 166-З : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 дек. 2002 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. Саттарова, Н. А. Некоторые теоретические проблемы обоснования финансовой ответственности как вида юридической ответственности / Н. А. Саттарова // Финансовое право. – 2005. – № 11. – С. 31–34.
6. Батыров, С. Е. Финансово-правовая ответственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / С. Е. Батыров. – М., 2003. – 22 с.
7. Карасева, М. В. Финансовое право / М. В. Карасева, Ю. А. Крохина // Финансовое право. – М., 2003. – 279 с.
8. Приходько, И. М. Ограничения в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И. М. Приходько. – Саратов, 2000. – 26 с.
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
10. Гогин, А. А. Теоретико-правовые вопросы налоговой ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук 12.00.01 / А. А. Гогин. – Саратов, 2002. – 21 с.
11. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г., № 194-З : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
12. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2009 г., № 510 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
13. Гейхман, О. М. Бюджетно-правовая ответственность : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.14 / О. М. Гейхман. – М., 2004. – 22 с.
14. Парыгина, В. А. Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации / В. А. Парыгина, А. А. Тедеев. – М., 2006. – 255 с.
15. Крохина, Ю. А. Финансовое право России / Ю. А. Крохина. – М.: Норма, 2004. – 704 с.
16. Маленин, Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н. С. Маленин. – М., 1985. – 182 с.
17. Свиридов, В. А. Становление налоговой ответственности / В. А. Свиридов // Проблемы теории и практики правового регулирования : сб. тр. Самар. гуманит. акад. – Вып. 7. – Самара, 2000. – С. 174–195.
18. Соловьев, В. Правовосстановительная ответственность частного субъекта в налоговом законодательстве / В. Соловьев // Хозяйство и право. – 2002. – № 4. – С. 92–99.
19. Емельянов, А. С. Охранительная функция финансового права и механизм ее реализации / А. С. Емельянов. – Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2005. – 196 с.
20. Тропская, С. С. Юридическая ответственность налогоплательщика – физического лица / С. С. Тропская // Финансовое право. – 2008. – № 10. – С. 17–23.

References

1. Lukashev A. A. Teoretycheskie problem otvetstvennosti v finansovom prave [The theoretical problems of responsibility in financial law]. *Finansy = Finance*, 2005, no. 1, pp. 45–47 (in Russian).
2. Code of the Republic of Belarus on administrative offences [Electronic resource]: 21 apr. 2003, no. 194-w: passed the House of representatives 17 dec. 2002 : endorse Council Rep. 2 apr. 2003. Standard-Belarus. Nac. legal inform. Rep. Belarus. Minsk, 2019 (in Russian).
3. The budget code of the Republic of Belarus [Electronic resource]: july 16, 2008, no. 412-w: passed the House of representatives june 17, 2008: also endorse Council Rep. june 28, 2008. Standard-Belarus. Nac. legal inform. Rep. Belarus. Minsk, 2019 (in Russian).
4. The tax code of the Republic of Belarus [Electronic resource]: 19 dec. 2002, no. 166-w: adopted by the House of representatives 15 Nov. 2002: endorse Council Rep. 2 dec. 2002. Standard-Belarus. Nac. legal inform. Rep. Belarus. Minsk, 2019 (in Russian).
5. Sattarova N. A. Nekotoriye teoreticheskie problemy obosnovaniya finansovoy otvetstvennosti kak vida yoridicheskoy otvetstvennosti [Some theoretical problems of justification financial liability as a form of legal responsibility]. *Finansy = Finance*. 2005, no. 11, pp. 31–34 (in Russian).
6. Batyrov S. E. Finansovo-pravovaya otvetstvennost. Diss. can. yorid. nauk [Financial liability: kateg. dees. ... cand. legal. science]. Moscow, 2003, 22 p. (in Russian).

7. Karaseva M. B., Krohina Y. A. *Finansovoe pravo* [Financial law]. Moscow, 2003, 279 p. (in Russian).
8. Prikhodko I. M. *Ogranicheniya v rossiiscom prave*. Diss. can. yorid. nauk [Constraints in Russian law: kateg. dees. ... cand. legal. science]. Saratov, 2000, 26 p. (in Russian).
9. The Criminal Code of the Republic of Belarus [Electronic resource] : adopted by the House of representatives June 2, 1999; also endorse Council Rep. June 24, 1999. Standard-Belarus. Nac. legal inform. Rep. Belarus. Minsk, 2019 (in Russian).
10. Goggin A. A. *Teoretiko-pravoviye voprosy nalogovoy otvetstvennosti*. Diss. can. yorid. nauk [The theoretical and legal issues of fiscal responsibility: kateg. dees. ... cand. legal. science]. Saratov, 2002, 21 p. (in Russian).
11. The procedural-Executive Code of the Republic of Belarus on administrative offences [electronic resource]: 20 dec. 2006, no. 194-w: passed the House con. 9 nov. 2006: endorse Council Rep. 1 dec. 2006. Standard-Belarus. Nac. legal inform. Rep. Belarus. Minsk, 2019 (in Russian).
12. On the improvement of the control (supervision) in the Republic of Belarus [electronic resource]: the Decree of the President of the Republic. Belarus, 16 oct. 2009, no. 510. Standard-Belarus. Nac. legal inform. Rep. Belarus. Minsk, 2019 (in Russian).
13. Geyhman O. M. *Biudgetno-pravovaya otvetstvennost*. Diss. can. yorid. nauk [Fiscal responsibility: kateg. dees. ... cand. legal. science]. Moscow, 2004, 22 p. (in Russian).
14. Parygina V. A., Tedeyev A. A. *Comentariy k biudgetnomu kodeksu Rossiiskoy Federatsii* [Commentary to the budget code of the Russian Federation]. Moscow, 2006, 255 p. (in Russian).
15. Krohina Y. A. *Finansovoe pravo Rossii* [Financial law Russia]. Moscow, Norm Publ., 2004, 704 p. (in Russian).
16. Malein N. S. *Pravonarushenie: poniatie, prichiny, otvetstvennost* [Offence: the concept, causes, responsibility]. Moscow, 1985, 182 p. (in Russian).
17. Sviridov V. A. *Stanovlenie nalogovoy otvetstvennosti* [Formation of fiscal responsibility]. *Problemy teorii y praktiki pravovogo regulirovaniya = Problems of the theory and practice of legal regulation*. S. tr. Samar. gumanit. academy. Samara, 2000, vol. 7, pp. 174–195 (in Russian).
18. Soloviev V. *Pravovosstanovitel'naya otvetstvennost chastnogo subyecta v nalogovom zakonodatel'stve* [The replacement responsibility of the private entity in the tax law]. *Hozyaistvo y pravo = Economy and law*. 2002, no. 4, pp. 92–99 (in Russian).
19. Yemelyanov A. S. *Ohranitel'naya funktsiya finansovogo prava y mekhanizm eiyo realizatsii*. Monografiya [By the watchdog function of financial law and mechanism of its implementation: monograph]. Tyumen, 2005, 196 p. (in Russian).
20. Trop'skaja S. S. *Yoridicheskaya otvetstvennost nalogoplatel'schika fizicheskogo litsa* [The legal liability of a taxpayer-physical person]. *Finansovoe pravo = Financial law*. 2008, no. 10, pp. 17–23 (in Russian).

Информация об авторе

Денисевич Александр Викторович – кандидат юридических наук, доцент. Белорусский государственный университет (пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: denisevich1975@gmail.com

Information about the author

Aleksandr V. Dzenisevich – Ph. D. (Law), Associate Professor. Belarusian State University (4 Nezavisimosti Ave., 220030 Minsk, Belarus). E-mail: denisevich1975@gmail.com

ЭКАНОМІКА

ECONOMICS

УДК 338.22.021.4

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-502-509>

Поступила в редакцию 21.08.2019

Received 21.08.2019

В. И. Бельский, Л. Г. Тригубович

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

МОТИВАЦИОННАЯ ОСНОВА ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ИСТОЧНИК ИНТЕНСИФИКАЦИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Статья посвящена изучению мотивационной основы инновационной деятельности субъектов экономики, которую авторы считают ведущим фактором, определяющим направленность и характер инновационного развития. Рассмотрены закономерности процесса инновационного развития экономики. Представлена оригинальная классификация инструментов государственного стимулирования инновационной деятельности по их целевой направленности. Выделены базовые предпосылки, обуславливающие мотивацию участия субъектов экономики в инновационной деятельности. Сделан вывод о том, что источником интенсификации процесса инновационного развития экономики является стимулирование, направленное не столько на активизацию действий по реализации инновационных преобразований, сколько на формирование интереса общества к содержанию самой инновационной деятельности.

Ключевые слова: инновационная деятельность, мотивация, управление инновационным развитием

Для цитирования. Бельский, В. И. Мотивационная основа инновационной деятельности как источник интенсификации развития экономики / В. И. Бельский, Л. Г. Тригубович // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 4. – С. 502–509. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-502-509>

V. I. Belski, L. G. Trigubovich

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

MOTIVATIONAL BASIS OF INNOVATIVE ACTIVITY AS A SOURCE OF INTENSIFICATION OF INNOVATIVE ECONOMIC DEVELOPMENT

Abstract. The article is devoted to the study of the motivational basis of innovative activity of economic entities. The authors consider this a leading factor that determines the direction and nature of the innovative development of the economy. The basic prerequisites that determine the motivation for the participation of economic entities in innovation are highlighted. The regularities of the process of innovative development of the economy are considered. Original classification of instruments of state stimulation of innovative activity according to its target orientation is presented. It is concluded that the source of intensification of the process of innovative development of the economy is stimulation, which is focused not so much on enhancing innovative transformations, but rather on generating public interest in the content of innovative activity itself.

Keywords: innovative activity, motivation, innovation development management

For citation. Belski V.I., Trigubovich L.G. Motivational basis of innovative activity as a source of intensification of innovative economic development. *Vesti Natsyonal'noi akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 4, pp. 502–509 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-502-509>

Введение. На современном этапе социально-экономического развития инновационные решения объективно становятся доминирующим фактором экономического роста, ключевыми ресурсами выступают знания, интеллектуальный капитал и профессиональные навыки конкретных людей, непосредственно связанных с инновациями, а также качество управления.

Теория инноваций широко представлена в научной и аналитической литературе. При этом, несмотря на множество публикаций, посвященных инновационной деятельности и инновационному развитию, в управленческой науке не в полной мере отражены вопросы комплексного влияния инноваций на экономическую и социальную сферу, а также на изменение мотивации субъектов экономики в долгосрочном периоде. Изучение показывает, что данные вопросы являются особенно значимыми при принятии управленческих решений. Если использование инноваций на микроуровне может иметь значение только для развития конкретных предприятий, то широкое распространение глобальных инноваций (таких, как информационные технологии, робототехника и др.) представляет собой новые процессы, которые заставляют пересматривать всю цепочку производственных и сопутствующих видов деятельности, что приводит к модернизации экономики в целом [1–3].

Основная часть. Мотивация участия групп и отдельных представителей общества в инновационной деятельности представляет собой сложную систему, в которой тесно переплетены и взаимообусловлены различные потребности, интересы, ценностные ориентации и установки, мотивы. С одной стороны, они являются движущей силой, побуждающей субъекта к активной деятельности по разработке и внедрению новых продуктов, услуг и технологий, распространению и продаже инноваций или, наоборот, по их приобретению и использованию в хозяйственном процессе, с другой – служат регуляторами социально-экономического поведения субъектов и их взаимодействия. Следовательно, результат инновационной деятельности находится в прямой зависимости от специфики взаимодействия сторон, заинтересованных в конкретной инновации: разработчика, инвестора и потребителя инновации. Концепция инновационного продукта при этом не является однозначной и может существенно изменяться по мере реализации этапов в зависимости от степени проработки идеи, состава исполнителей, возможностей и требований инвесторов, потребностей предприятий, действий конкурентов, изменения внутренних и внешних рыночных условий [3; 4].

Важно отметить, что стратегические решения, касающиеся инновационного развития, и творческие устремления представителей общества, непосредственно создающих инновации, базируются на принципиально отличающихся мотивах и потребностях. Так, ведущим мотивом деятельности разработчиков инноваций являются внутренняя потребность в самовыражении, стремление к поиску, экспериментам, возможность реализовать идеи на практике. В подтверждение следует сделать акцент на усилении тенденции вложения средств, заработанных крупными инновационными компаниями, в исследования и разработки социальной и экологической направленности, благотворительные фонды и т. д. Обогащение отходит на второй план. Все больше фирм своей миссией заявляют не коммерческий результат, а социально ответственное ведение бизнеса. Стимулируют такую деятельность право на риск, создание условий, адекватных решаемым задачам, поддержка при принятии нестандартных решений, а также осознание уникальности имеющихся интеллектуальных ресурсов и привлечение внимания к ним.

В широком представлении мотивация участия субъектов в инновационной деятельности обусловлена внутренними и внешними причинами. Внутренняя мотивация проистекает из специфики решаемой задачи и определяется социально-психологической структурой личности человека. Она полностью зависит от того, насколько важен для конкретного субъекта получаемый результат. Внешняя мотивация никак не связана с внутренним представлением исполнителя о планируемом результате, она регулируется с помощью положительных и отрицательных условий осуществления деятельности и формирует определенное поведение субъекта, которое является следствием сложившейся ситуации. Внешняя мотивация основывается либо на перспективе получения компенсации за выполнение конкретного задания, либо на получении чувства удовлетворения от получения возможности избежать негативного развития событий, вероятность которого характерна для любой деятельности, связанной с риском недостижения запланированного.

В рассматриваемом контексте важен анализ и учет причин участия субъектов в инновационной деятельности. В соответствии с деятельностью подходом, основой для определения каждого вида деятельности выступает специфика ее мотива. Эта специфика, по мнению А. Н. Леонтьева, зависит от существующих общественных условий, которые определяют мотивы, цели, а следо-

вательно, характер и содержание осуществляемой деятельности: «...В обществе человек находит не просто внешние условия, к которым он должен принаравливать свою деятельность, но что сами эти общественные условия несут в себе мотивы и цели его деятельности, ее средства и способы...» [5]. В результате любая деятельность «...отвечает определенной потребности субъекта, стремится к предмету этой потребности, угасает в результате ее удовлетворения и воспроизводится вновь – может быть, уже в совсем иных, изменившихся условиях...» [5]. Следовательно, потенциал общества по созданию, восприятию и использованию инноваций для реализации целей социально-экономического развития напрямую зависит от институциональных условий, в которых он формируется.

На основе изучения и обобщения научной литературы и анализа действующей инновационной практики можно выделить следующие базовые причины участия в инновационной деятельности.

1. Конкуренция.

Стремление к инновациям для многих субъектов хозяйствования обусловлено необходимостью решения проблем и развития собственных способностей. Инновационная активность является стратегическим фактором выживания, устойчивого функционирования и развития в условиях динамичной конкуренции, международной интеграции и глобализации. Внедрение инноваций формирует общество с новыми возможностями и потребностями. Поэтому для обеспечения конкурентоспособности в долгосрочном периоде деятельность организации должна не только отвечать текущим потребностям рынка, потребителей и партнеров, но и основываться на предвидении будущих тенденций, что предполагает разработку и внедрение новых продуктов и услуг, применение процессов и технологий, повышающих скорость и эффективность реализуемых процессов. Это справедливо и для различных категорий работников, стремящихся быть востребованными на рынке труда.

Конкурентные стратегии организаций могут базироваться на различных основаниях: одни компании имитируют и копируют продукты и (или) действия более успешных конкурентов; другие вносят изменения в процесс управления, снижая издержки, повышая производительность труда, принимая меры по усилению лояльности потребителей. Третий вариант конкурентной стратегии организации предусматривает разработку и вывод на рынок новых продуктов и услуг, которые значительно расширяют конкурентные возможности организации, а в ряде случаев – разрушают функционирующий рынок [6].

2. Глобализация.

Усиление воздействия глобализационных процессов вынуждает субъектов хозяйствования запускать инновационные проекты, использовать новые продукты и технологии как в целях соответствия осуществляемой деятельности изменяющимся условиям, так и для привлечения новых клиентов и открытия новых рынков. Кроме того, масштабный информационный доступ к ресурсам и продуктам кардинальным образом изменил возможности удовлетворения потребительского спроса, а сам спрос все более персонифицируется. В этих условиях разработка и применение новых продуктов, услуг, процессов становится общепринятым условием устойчивого функционирования организации, а творческая составляющая трудовой деятельности приобретает особую значимость, поскольку реализация даже маленьких идей может оказать существенное влияние и привести к большим изменениям как для отдельной компании, так и для всей планеты.

3. Получение выгоды.

Выгоду от участия в инновационной деятельности необходимо рассматривать в нескольких аспектах. С экономической точки зрения, для разработчиков и собственников инновации она заключается в вероятности получения дополнительного дохода; для инвесторов – в потенциальной возможности многократно увеличить вложенный капитал; для организаций и населения, непосредственно использующих инновацию, – в получении дополнительных экономических и временных ресурсов за счет трансформации и ускорения традиционных процессов и в повышении удовлетворенности от нового качества продуктов и услуг. Инновационная деятельность выгодна и для общества в целом, поскольку она стимулирует развитие системы образования, создание рабочих мест, повышение качества жизни населения.

Среди нематериальных факторов, которые можно рассматривать с точки зрения получения выгоды от инновационной деятельности, следует выделить престиж, осознание значимости и (или) уникальности, сопричастности, возможность влияния. Данные факторы влияют на социальное позиционирование субъектов в экономике и обеспечивают статусно-ролевое взаимодействие между ними.

4. *Общественная необходимость.*

Инновация как экономическое явление зависит от условий создания и одновременно сама формирует и развивает производственную, технологическую и рыночную среду. Главное значение инноваций заключается в их вкладе в экономический рост за счет производительности труда, интенсификации производства, экономии ресурсов (материальных, трудовых, финансовых, временных), ускорения процессов, повышения качества товаров и услуг, что в совокупности способствует реализации важнейших общественных потребностей и одновременно повышает конкурентоспособность как различных производственных процессов, так и экономики в целом. Большую роль играют инновации в решении глобальных социально-экологических проблем, таких как изменение климата, истощение запасов ископаемого топлива, старение общества.

При этом ключевая специфика инновации, проявляющаяся в долгосрочном периоде, заключается в комплексности ее воздействия на окружающую действительность. Так, использование глобальных инноваций задает направление кардинальных перемен, в том числе в производстве, образовании, культуре, определяет новые условия для кадрового обеспечения производственных процессов, изменение рынков сбыта, структуру и качество привлекаемых ресурсов, готовность общества к массовому использованию новшеств [7].

Частные интересы отдельных субъектов хозяйствования и интересы общества часто вступают в противоречие (например, проведение научных исследований, необходимое для развития экономики в целом, невыгодно предприятиям и инвесторам, так как связано с большими издержками). Поэтому государство посредством формирования институциональной среды, разработки и реализации социально-экономической политики, создания необходимой инфраструктуры, осуществления непосредственного финансирования НИОКР и инновационных проектов задает определенную направленность инновационных процессов, происходящих в экономике, и оказывает влияние на мотивацию субъектов к разработке и использованию инновационных решений, тем самым обеспечивая согласование и взаимодействие интересов всех экономических субъектов в обществе [8].

5. *Внутренняя творческая потребность, экспериментаторство.*

Внутренняя мотивация участия субъектов в инновационной деятельности, согласно теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, обусловлена тремя врожденными потребностями: компетентность, автономность и связь с другими людьми. В частности, ощущение компетентности является необходимым условием мотивации, направленной на исследование окружающего мира; автономность – это внутренняя независимость человека от внешних поощрений, которая обуславливает его действия по преодолению трудностей при решении задач независимо от получаемой награды; потребность в связи с другими людьми выражается в привязанности, сопричастности, значимости совместной деятельности и общественного поощрения [9].

6. *Культура.*

Изучение научных источников показывает, что управление инновационными системами и характер инновационного развития экономики в различных странах зависят от национальной культуры как базового фактора организационного поведения, т. е. от культурных традиций, ценностей общества и его отношения к новаторству. По определению Г. Хофстеда, культура может быть определена как «интерактивная совокупность общих характеристик, которая влияет на реакцию групп к окружающей среде» [10]. Поскольку национальные общественные ценности глубоко проникают в повседневную жизнь, то изменение культурных традиций и принципов является довольно сложной задачей. Соответственно, различия в национальных культурах требуют применения разных методов управления. Этот аспект учитывается транснациональными корпорациями, которые осуществляют свою деятельность одновременно в разных странах и адаптируют практику управления под конкретные национальные особенности культур для повышения

эффективности своего бизнеса. Как мотиватор инновационного развития культурный фактор влияет на качество управления, проводимую социально-экономическую политику, способность к новаторству, открытость инновационных систем, приемлемость и степень поддержки конкретных новшеств, восприятие неопределенности, активность инновационных преобразований.

В процессе инновационной деятельности со всей очевидностью проявляется дуализм ее влияния на материальную и духовную основу культурного статуса общества.

С одной стороны, такая деятельность направлена на сохранение определенности, стабильности, снижение риска неблагоприятных изменений в уровне доходов, потребления жизненно важных товаров и услуг. При этом частные инвесторы в большей мере ориентированы на возможность получения высоких доходов в краткосрочной перспективе, а потому заинтересованы в реализации проектов пусть с менее высокой степенью новизны, зато с предсказуемыми результатами. Предприятия промышленности, имеющие стабильное положение на рынке, с настороженностью относятся к масштабному внедрению новшеств и связанной с ними необходимостью изменений привычных условий хозяйствования. Они стремятся максимально использовать существующую технико-производственную базу и сохранить имеющийся уровень компетенций, в том числе лоббируя собственные интересы и создавая искусственные препятствия для конкурентов.

Активные инновационные организации нацелены на достижение и удержание монопольного положения в конкретном сегменте рынка за счет обладания уникальными факторами производства и технологиями. Аналогичные цели преследуют и новые участники конкуренции. Потребности населения в инновационных товарах и услугах находятся в зависимости от принадлежности к конкретной социальной группе, уровня доходов, издержек переключения.

С другой стороны, инновационная деятельность охватывает совокупность научных, технологических, организационных, финансовых мероприятий, в результате которых не только создаются новые продукты и услуги, открываются новые рынки, изменяются технологии производства и управления, но и происходит трансформация норм, традиций, социальных институтов, в социокультурное пространство внедряются новые идеи и ценности, что приводит к формированию общества с новыми способностями и потребностями.

В этих условиях существенно возрастает значимость управленческого воздействия регулирующих, стимулирующих и стабилизирующих мер государства как инициатора и автора конкретной инновационной модели развития национальной экономики, которые влияют на мотивацию принятия решений, определяют характер взаимодействия всех участников инновационных преобразований и специфику функционирования трансформированных производств и процессов [7; 11].

Развитие экономики на основе внедрения и использования инноваций характеризуется следующими закономерностями:

- 1) неравномерность изменения различных свойств системы и, соответственно, тех видов и направлений деятельности, которые подвержены инновационным преобразованиям;
- 2) повышенная восприимчивость объекта управления к внешним воздействиям, в том числе к стимулированию инновационных процессов, трансформирующих представления человека о своих возможностях и содержании деятельности;
- 3) неустойчивый характер развития системы, связанный с высоким риском и неопределенностью инновационной деятельности;
- 4) избирательность инновационной деятельности, обусловленная субъективными предпочтениями лиц, принимающих решения, и приводящая к сосредоточению инновационного потенциала системы на отдельных направлениях развития;
- 5) отдельные инновационные процессы имеют резко пороговый характер и при благоприятных внешних условиях могут приводить к скачкообразным изменениям качественных свойств системы, разрушению ее прежних структурных связей и взаимодействий, формированию новых структур [12; 13].

Выделенные закономерности позволяют заключить, что устойчивость инновационного развития экономики зависит не столько от количества внедряемых в экономику инноваций, сколько от их специфики, способов сочетания, степени адаптивности общества к использованию новых

возможностей, характера взаимодействия между субъектами экономики, функционирующего механизма управления и организационных связей.

В научной литературе широко представлены различные классификации государственной системы мер стимулирования инновационной деятельности: по способу воздействия на объект (прямые и косвенные), содержанию применяемых инструментов (правового, экономического, социального воздействия), степени участия государства в их реализации (государственные, негосударственные, смешанные), направленности (стимулирование разработки, спроса, предложения). Ключевым признаком включения мер стимулирования в любую из рассматриваемых классификаций является результат инновационной деятельности. При этом за рамками классифицируемых признаков остаются как цели стимулирующего воздействия, так и мотивационная основа участия различных субъектов экономики в процессах, так или иначе связанных с инновационными преобразованиями, которые в совокупности определяют значимость применения конкретных инструментов стимулирования и качество взаимосвязей в инновационной системе.

Считаем, что функциональное предназначение использования в системе государственного стимулирования инновационной деятельности различных инструментов следует дифференцировать по их целевой направленности [14]. В данном контексте меры стимулирования можно объединить в следующие группы:

1) системообразующие, посредством которых государство формирует институциональные условия для осуществления инновационной деятельности, моделирует направленность развития секторов экономики, производств, предприятий, рыночной инфраструктуры, обеспечивает структурную перестройку экономики и оказывает влияние на функционирование рынка и интеллектуальное развитие общества;

2) активизирующие, применение которых формирует положительную динамику в трансформации производственных, технологических и социокультурных процессов (ускорение процессов разработки и внедрения инноваций, расширение их использования, наращивание интеллектуального потенциала и т. д.);

3) адаптационные, с помощью которых обеспечивается формирование социально-экономической структуры общества и системы хозяйствования, адекватных новым условиям, изменившимся под влиянием инновационных процессов в экономике, развития межгосударственного сотрудничества и глобализации;

4) поддерживающие, направленные на сохранение устаревших, но пользующихся в данный момент спросом товаров и услуг, а также традиционных видов деятельности, значимых в конкретных социально-культурных условиях;

5) корректирующие, использование которых способствует минимизации проявления инновационных рисков, являющихся следствием изменения внешних условий осуществления деятельности.

Перечисленные группы мер стимулирования имеют не только различную функциональную направленность воздействия, но и значительно отличаются по степени влияния на мотивацию субъектов экономики.

Ключевыми факторами, от которых зависят направленность и характер инновационного развития экономики и которые отражаются в инновационной политике, являются инновационный замысел и мотивация инновационной деятельности, которые задают импульс реализации конкретных инновационных проектов и определяют динамику происходящих процессов. Инновационный замысел демонстрируют принятые государством стратегические ориентиры инновационного развития, мотивация инновационной деятельности поддерживается разнообразными мерами прямого и косвенного регулирования экономического поведения субъектов, участвующих в инновационных процессах. Под влиянием их комбинации с помощью инноваций экономическая система переходит из одного динамичного состояния в другое, приобретая качественно новые свойства и механизм функционирования, что создает новые социально-экономические возможности [15].

Выводы. Таким образом, определение мотивационной основы участия субъектов экономики в инновационных процессах, создание системы стимулирования инноваций, нацеленной не столько

на активизацию действий, направленных на реализацию инновационных преобразований, сколько на формирование интереса общества к содержанию самой инновационной деятельности, являются источником интенсификации процесса инновационного развития экономики. А целенаправленность использования применяемых государством мер стимулирования, дифференцирование управленческого воздействия и укрепление взаимосвязей между субъектами экономики – условия согласования субъективных и общественных интересов, которые способствуют сбалансированному развитию подсистем национальной экономики и при этом сохранению ее целостности.

Список использованных источников

1. Выявление приоритетных научных направлений: междисциплинарный подход : [сборник] / Ин-т мировой эконом. и междунар. отношений ; отв. ред.: И. Я. Кобринская, В. И. Тищенко. – М. : ИМЭМО РАН, 2016. – 180 с.
2. Иванова, Н. И. Инновационная политика: теория и практика / Н. И. Иванова // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2016. – Т. 60, № 1. – С. 5–16.
3. Гусаков, В. Г. Система основных факторов развития экономики Республики Беларусь / В. Г. Гусаков // Наука и инновации. – 2015. – № 7 (149). – С. 10–15.
4. Семенов, С. В. Инновации. Инновационная деятельность [Электронный ресурс] / С. В. Семенов // Программ. продукты, системы и алгоритмы. – 2014. – № 2. <https://doi.org/10.15827/2311-6749.11.131>
5. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975. – 303 с.
6. Nolan, D. 6 Reasons Why Innovation is a Survival Skill [Electronic resource] / D. Nolan. – Mode of access: <https://www.innovationexcellence.com/blog/2016/01/05/6-reasons-innovation-is-a-survival-skill/>. – Date of access: 21.03.2019.
7. Тригубович, Л. Г. Направления развития инновационной сферы Республики Беларусь / Л. Г. Тригубович. – Минск : Ин-т систем. исслед. в АПК НАН Беларуси, 2017. – 235 с.
8. Иода, Ю. В. Реализация основных функций государства в контексте удовлетворения общественных интересов / Ю. В. Иода // Соц.-экон. явления и процессы. – 2011. – № 7 (029). – С. 77–86.
9. Пьянкова, Н. Г. К вопросу о мотивации инновационной деятельности / Н. Г. Пьянкова // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Сер.: Педагогика. Психология. Соц. работа. Ювенология. Социокинетика. – 2007. – Т. 13, № 3. – С. 135–138.
10. Оксина, К. Э. Типология организационных культур Герта Хофстеда [Электронный ресурс] / К. Э. Оксина. – Режим доступа: <https://www.cfin.ru/management/people/culture/Hofstede.shtml>. – Дата доступа: 05.04.2019.
11. Ребязина, В. А. Влияние клиентоориентированности на инновационное развитие компании: обзор существующих моделей [Электронный ресурс] / В. А. Ребязина, М. М. Смирнова // Современный менеджмент: проблемы, гипотезы, исследования : сб. науч. тр. / Высш. шк. экономики ; науч. ред. М. Ю. Шерешева. – М., 2012. – Вып. 4, ч. 2. – Режим доступа: <https://publications.hse.ru/en/chapters/64747371>. – Дата доступа: 12.06.2019.
12. Развитие теории управления инновациями на основе общесистемных закономерностей / В. Н. Волкова [и др.] // Экономика, статистика и информатика. – 2013. – № 2. – С. 13–18.
13. Тер-Григорьянц, А. А. Организация управления инновационным развитием социально-экономических систем / А. А. Тер-Григорьянц, А. А. Бабич // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 2 (39). – С. 288–291.
14. Бельский, В. И. Экономический механизм государственного регулирования сельскохозяйственного производства: теория, методология, практика / В. И. Бельский. – Минск : Ин-т систем. исслед. в АПК НАН Беларуси, 2018. – 265 с.
15. Тригубович, Л. Г. Анализ государственной политики по формированию инновационной восприимчивости экономики / Л. Г. Тригубович // Экономика и банки. – 2019. – № 1. – С. 101–105.

References

1. Kobrinskaya I. Ya., Tishchenko V. I. (eds.). *Identification of priority research areas: an interdisciplinary approach*. Moscow, Institute of World Economy and International Relations, 2016. 180 p. (in Russian).
2. Ivanova N. I. Innovation policy: theory and practice. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2016, vol. 60, no. 1, pp. 5–16 (in Russian).
3. Gusakov V. G. The main factors of economic development system of the Republic of Belarus. *Nauka i innovatsii = Science and Innovation*, 2015, no. 7 (149), pp.10–15 (in Russian).
4. Semenov S. V. Innovation activity. *Programmnye produkty, sistemy i algoritmy* [Software product, systems and algorithms], 2014, no. 1. <https://doi.org/10.15827/2311-6749.11.131>
5. Leont'iev A. N. *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow, Politizdat Publ., 1975. 303 p. (in Russian).
6. Nolan D. *6 Reasons Why Innovation is a Survival Skill*. Available at: <https://www.innovationexcellence.com/blog/2016/01/05/6-reasons-innovation-is-a-survival-skill/> (accessed 21.03.2019).
7. Trigubovich L. G. *Directions of development of innovative sphere of the Republic of Belarus*. Minsk, The Institute of System Research in Agroindustrial Complex of NAS of Belarus, 2017. 235 p. (in Russian).
8. Ioda Yu. V. Realization of the basic functions of the state in the context of satisfaction of public interests. *Sotsia'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Social and Economic Phenomena and Processes*, 2011, no. 7 (029), pp. 77–86 (in Russian).

9. P'yankova H. G. On the issue of motivation of innovative activity. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika* [Bulletin of Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics], 2007, vol. 13, no. 3, pp. 135–138 (in Russian).
10. Oksinoid K. E. *Typology of organizational cultures of Herth Hofstede*. Available at: <https://www.cfin.ru/management/people/culture/Hofstede.shtml> (accessed 05.04.2019) (in Russian).
11. Rebyazina V. A., Smirnova M. M. Influence of customer focus on the innovative development of the company: a review of existing models. *Sovremennyy menedzhment: problemy, gipotezy, issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov* [Modern management: problems, hypotheses, research: collection of scientific papers]. Moscow, 2012, iss. 4, pt. 2. Available at: <https://publications.hse.ru/en/chapters/64747371> (accessed 12.06.2019) (in Russian).
12. Volkova V. N., Kozlovskaya E. A., Loginova A. V., Yakovleva E. A. Development of innovation management theory based on system-wide regularities. *Ekonomika, statistika i informatika* [Economics, Statistics and Informatics], 2013, no. 2, pp. 13–18 (in Russian).
13. Ter-Grigor'yants A. A., Babich A. A. Organization of management of innovative development of social and economic systems. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], 2013, no. 2 (39), pp. 288–291 (in Russian).
14. Bel'skii V. I. *Economic mechanism of state regulation of agricultural production: theory, methodology, practice*. Minsk, The Institute of System Research in Agroindustrial Complex of NAS of Belarus, 2018. 265 p. (in Russian).
15. Trigubovich L. G. Analysis of the state policy on formation of an innovative susceptibility of economy. *Ekonomika i banki* [Economics and Banks], 2019, no. 1, pp. 101–105 (in Russian).

Информация об авторах

Бельский Валерий Иванович – доктор экономических наук, доцент, директор Института экономики, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: director@economics.basnet.by

Тригубович Лариса Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент, ученый секретарь Института экономики, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: trigubovich@economics.basnet.by

Information about the authors

Valery I. Belski – D. Sc. (Econ.), Associate Professor, Director of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: director@economics.basnet.by

Larisa G. Trigubovich – Ph. D. (Econ.), Associate Professor, Scientific secretary of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: trigubovich@economics.basnet.by

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

SCIENTISTS OF BELARUS

АЛЯКСАНДР АЛЯКСАНДРАВІЧ ЛУКАШАНЕЦ

(Да 65-годдзя з дня нараджэння)

Сёлета спаўняецца 65 гадоў з дня нараджэння вядомага беларускага вучонага-лінгвіста, доктара філалагічных навук, прафесара, акадэміка НАН Беларусі Аляксандра Аляксандравіча Лукашанца.

А. А. Лукашанец нарадзіўся 23 лістапада 1954 года ў вёсцы Жураўцы Валожынскага раёна Мінскай вобласці ў сялянскай сям'і. У 1972 годзе скончыў Сакаўшчынскую сярэднюю школу і паступіў на філалагічны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, які з адзнакай закончыў у 1977 годзе.

З 1977 года А. А. Лукашанец працуе ў Інстытуце мовазнаўства імя Якуба Коласа (з 2008 года – дзяржаўная навуковая ўстанова «Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі», з 2012 года – дзяржаўная навуковая ўстанова «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі») на пасадах стажора-даследчыка, малодшага навуковага супрацоўніка, старшага навуковага супрацоўніка, вучонага сакратара (1986–1989), намесніка дырэктара па навуковай рабоце (1989–2003), выконваючага абавязкі дырэктара (2003–2004), дырэктара дзяржаўнай навуковай установы «Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі» (2004–2008), дырэктара дзяржаўнай навуковай установы «Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі» (2008–2012). З верасня 2012 года працуе на пасадзе першага намесніка дырэктара па навуковай рабоце дзяржаўнай навуковай установы «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі».

З 1978 па 1981 год А. А. Лукашанец з'яўляўся аспірантам Інстытута рускай мовы АН СССР. У 1981 годзе ён абараніў кандыдацкую дысертацыю «Словаўтваральныя гнёзды дзеясловаў у рускай і беларускай мовах (на матэрыяле адной з груп дзеясловаў канкрэтнага фізічнага дзеяння)» па спецыяльнасці «руская мова» (навуковы кіраўнік – прафесар А. М. Ціханаў). У 2001 годзе абараніў доктарскую дысертацыю «Граматычныя аспекты беларускага словаўтварэння» па спецыяльнасці «беларуская мова». Вучонае званне прафесара яму прысвоена ў 2003 годзе. У 2009 годзе абраны членам-карэспандэнтам і ў 2017 годзе – акадэмікам Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.

Асноўныя сферы навуковых інтарэсаў А. А. Лукашанца – беларускае, рускае і славянскае словаўтварэнне; супастаўляльнае даследаванне беларускай і рускай моў; праблемы ўзаемадзеяння блізкароднасных моў, моўнай палітыкі і сацыялінгвістыкі.

А. А. Лукашанец з'яўляецца адным з найбольш аўтарытэтных спецыялістаў у галіне беларускага словаўтварэння. У шэрагу навуковых публікацый і манаграфіі «Словаўтварэнне і граматыка» (Мн., 2001) ён распрацаваў тэарэтычныя асновы і ажыццявіў практычнае апісанне сістэмы беларускага словаўтварэння з пазіцый граматычных катэгорый матывавальнага і матываванага слоў, што сведчыць аб стварэнні новага навуковага напрамку ў беларускім мовазнаўстве. Вынікі навуковых пошукаў у гэтай галіне абагульнены ім у доктарскай дысертацыі «Граматычныя аспекты беларускага словаўтварэння», паспяхова абароненай у 2001 годзе.

А. А. Лукашанец з'яўляецца суаўтарам першага ў беларускай лексікаграфіі «Словаўтваральнага слоўніка беларускай мовы» (Мн., 2000), які атрымаў шырокае прызнанне ў настаўнікаў і выклад-

чыкаў беларускай мовы, а таксама «Школьнага словаўтваральнага слоўніка беларускай мовы» (Мн., 2005), суаўтарам і навуковым рэдактарам «Кароткай граматыкі беларускай мовы» (Мн., 2008). Ён напісаў цыкл артыкулаў па словаўтварэнні для энцыклапедыі «Беларуская мова» (Мн., 1994).

Другі напрамак навуковых інтарэсаў А. А. Лукашанца – гэта праблемы білінгвізму і ўзаемадзеяння моў, сацыялінгвістыка і культура беларускага і рускага маўлення. Вучоны ўдзельнічаў у выкананні некалькіх навуковых праектаў і з’яўляецца суаўтарам манаграфій: «Руская мова ў Беларусі» (Мн., 1985), «Супастаўляльнае апісанне рускай і беларускай моў. Марфалогія» (Мн., 1990), «Тыпалогія двухмоўя і шматмоўя ў Беларусі» (Мн., 1999), «Супастаўляльнае апісанне рускай і беларускай моў. Словаўтварэнне» (Мн., 2014), кнігі «Мова – палітыка – грамадства» (Мн., 1988), дапаможніка «Культура рускага маўлення ў пытаннях і адказах» (Мн., 1995) і інш. Акадэмік часта выступае з навуковымі дакладамі па праблемах беларуска-рускага моўнага ўзаемадзеяння і ўзаемаўплыву сістэм блізкароднасных моў.

У апошні час А. А. Лукашанец шмат увагі ўдзяляе даследаванню праблем развіцця беларускай мовы ў XX ст., яе сучаснаму стану і функцыянаванню ў грамадстве. Ён удзельнічаў у выкананні некалькіх міжнародных навуковых праектаў, з’яўляецца суаўтарам калектыўных манаграфій «Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Беларуская мова» (Opole, 1998; суаўтар і сурэдактар) і «Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Słowotwórstwo. Nominacja» (Opole, 2003). У апошні А. А. Лукашанец з’яўляецца аўтарам раздзелаў «Працэсы інтэрнацыяналізацыі ва ўсходнеславянскіх мовах» і «Нацыяналізацыя ў сучасных усходнеславянскіх мовах».

Гэтай жа тэматыцы прысвечаны яго даклады на XIII (Славенія, 2003) і XIV (Македонія, 2008) Міжнародных з’ездах славістаў: «Сучасныя працэсы ў словаўтварэнні беларускай мовы. Да праблемы міжмоўнага славянскага збліжэння і адштурхоўвання» і «Да праблемы міжмоўнага славянскага ўзаемадзеяння. Беларуская мова паміж рускай і польскай». На XVI Міжнародным з’езде славістаў (Бялград, 2018) ён выступіў з дакладамі «Нацыянальная графіка і арфаграфія ў кантэксце міжславянскага моўнага ўзаемадзеяння і ўзаемаўплыву (беларускі вопыт)» і «Правы моўнай глабалізацыі ў славянскім словаўтварэнні: сутнасць, маштаб і ўплыў на сістэму».

А. А. Лукашанец з’яўляецца суаўтарам шматтомнай калектыўнай працы «Word-Formation. An International Handbook of the Language of Europe. Volume 4» (Berlin/Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2016. 702 p.) (раздзел «Беларуская мова. Словаўтварэнне» на англійскай мове).

У манаграфіі «Праблемы беларускага словаўтварэння» (Мн., 2013) вучоны на шырокім славянскім фоне разглядае тэарэтычныя пытанні беларускага словаўтварэння, а таксама асаблівасці развіцця сістэмы беларускага словаўтварэння на сучасным этапе.

Важнае месца ў навуковай дзейнасці А. А. Лукашанца займаюць праблемы сучаснага развіцця і функцыянавання беларускай мовы ва ўмовах дзяржаўнага беларуска-рускага двухмоўя. Ён з’яўляўся адным з актыўных распрацоўшчыкаў Закона Рэспублікі Беларусь «Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» (2008). Пад яго кіраўніцтвам і пры непасрэдным удзеле падрыхтаваны шэраг сучасных слоўнікаў беларускай мовы, дапаможнікаў і даведнікаў, якія забяспечылі паспяховае ўвядзенне новай рэдакцыі правілаў беларускай арфаграфіі ў пісьмовую практыку і адукацыйны працэс.

Шэраг публікацый А. А. Лукашанца (напрыклад, артыкулы «Моўныя праблемы жыцця сучаснага беларускага грамадства», «Беларуская нацыянальная мова на сучасным этапе: сістэма, статус, функцыянаванне», «Дзяржаўнае двухмоўе: сутнасць і праблемы рэалізацыі» і інш.) прысвечаны даследаванню сучаснага стану беларускай мовы, яе прававога статусу і месца ў камунікатыўнай, культурнай і інфармацыйнай прасторы беларускага грамадства. У шэрагу публікацый і манаграфій «Беларуская мова ў XXI стагоддзі: развіццё сістэмы і праблемы функцыянавання» (Мн., 2014) ім распрацаваны і абгрунтаваны лінгвістычныя, прававыя, сацыяльна-псіхалагічныя і адукацыйныя аспекты функцыянавання беларускай мовы ва ўмовах дзяржаўнага двухмоўя, што мае важнае значэнне для падтрымання нацыянальнага прэстыжу беларускай мовы ў грамадстве і гарманізацыі сферы моўнага жыцця беларускага соцыуму.

Значны ўклад А. А. Лукашанца і ў сучасную славістыку. Ён з’яўляецца старшынёй Беларускага камітэта славістаў і забяспечвае дастойны ўдзел беларускіх вучоных у міжнародных з’ездах славістаў. У 2008–2013 гг. ён узначальваў Міжнародны камітэт славістаў і займаўся падрыхтоўкай

і правядзеннем XV Міжнароднага з'езда славістаў у 2013 годзе ў Мінску. Гэты з'езд, у рабоце якога прынялі ўдзел больш за 500 вучоных з 34 краін свету, адбыўся на высокім навуковым і арганізацыйным узроўні і атрымаў шырокі станоўчы рэзананс у Беларусі і за яе межамі. З 1996 года А. А. Лукашанец з'яўляецца членам камісіі па славянскім словаўтварэнні пры Міжнародным камітэце славістаў, а з 2008 года ўзначальвае яе.

А. А. Лукашанец вядзе вялікую навукова-арганізацыйную дзейнасць, значную ўвагу ўдзяляе падрыхтоўцы філалагічных кадраў вышэйшай кваліфікацыі. Пад яго навуковым кіраўніцтвам падрыхтаваны і абаронены 16 кандыдацкіх дысертацый. А. А. Лукашанец – старшыня савета па абароне дысертацый пры Цэнтры даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, член савета па абароне дысертацый пры Мінскім дзяржаўным лінгвістычным універсітэце. Часта выступае афіцыйным апанентам пры абароне доктарскіх і кандыдацкіх дысертацый. На працягу многіх гадоў вучоны працаваў па сумяшчальніцтве прафесарам кафедры сучаснай беларускай мовы БДУ, зараз працуе прафесарам у Мінскім дзяржаўным лінгвістычным універсітэце. З 2003 па 2005 год А. А. Лукашанец быў старшынёй экспертнага савета № 28 Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Беларусі,

Акадэмік з'яўляецца галоўным рэдактарам штогодніка «Беларуская лінгвістыка», членам рэдкалегіі часопіса «Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук», бюро Навукова-метадычнага савета пры Міністэрстве адукацыі Рэспублікі Беларусь, камісіі па найменаванні і перайменаванні праспектаў, вуліц, плошчаў і іншых састаўных частак г. Мінска Мінскага гарадскога выканаўчага камітэта, Міжнароднага камітэта славістаў, Рабочай групы па падрыхтоўцы прапаноў па прыярытэтных фундаментальных даследаваннях дзяржаў – удзельніц СНД, Камісіі НАН Беларусі па гісторыі навукі, Бюро Навуковага савета па кнігавыданні Міжнароднай асацыяцыі акадэміі навук і інш.

А. А. Лукашанец з'яўляецца аўтарам каля 400 навуковых прац, у тым ліку 14 манаграфій (3 аднаасобных і 11 калектыўных, з іх – 4 за мяжой), 4 слоўнікаў (у суаўтарстве), 11 падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў (у суаўтарстве). Больш сарака прац вучонага апублікаваны ў замежных выданнях. Ён з'яўляецца навуковым рэдактарам больш сарака навуковых прац (манаграфій, навуковых зборнікаў, слоўнікаў, вучэбных дапаможнікаў).

Навуковая, навукова-арганізацыйная і асветніцкая дзейнасць А. А. Лукашанца атрымала высокую ацэнку грамадскасці і дзяржавы. Ён узнагароджаны медалём Францыска Скарыны (2019), Ганаровымі граматамі Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь (2003, 2008, 2017), Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (2004, 2014), Міністэрства інфармацыі Рэспублікі Беларусь (2006), Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь (2011), Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (2013), Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь (2017), Мінскага гарадскога савета дэпутатаў (2017), Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь (2018); нагрудным знакам «Юбілейны медаль «У гонар 80-годдзя Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі» (2009), памятным знакам «У гонар заснавання Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі» (2014), памятным знакам «У гонар 90-годдзя Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі» (2018); з'яўляецца лаўрэатам прэмій Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі за 2001 і 2011 гады.

Свой 65-гадовы юбілей А. А. Лукашанец сустракае ў росквіце творчых сіл, поўны энергіі і навуковага пошуку. Калегі па працы і сябры віншуюць Аляксандра Аляксандравіча з юбілеем і жадаюць плёну ў працы на карысць беларускай дзяржавы, беларускай гуманітарнай навукі і беларускай мовы.

Акадэмік А. І. Лакотка